

ISSN 2998-8284 (online)
ISSN 2576-9634 (print)

RUSSIAN STUDIES IN LAW & POLITICS

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ПРАВО И ПОЛИТИКА

Volume 10, №2
2026

ISSN 2998-8284 (online)

ISSN 2576-9634 (print)

Russian Studies in Law and Politics

Российские исследования. Право и политика

Volume 10, Number 2
2026

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2026

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (регистрационный номер от 06.05.2025 серии ЭЛ № ФС 77 - 89429) и Международным центром ISSN (ISSN 2576-9634 (Print), ISSN 2998-8284 (Online)).

Журнал выходит четыре раза в год. Основан в 2017 г.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

**Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования.
Право и политика, Volume 10, Number 2, 2026**

Главный редактор:

Большакова Валентина Михайловна, канд. юрид. наук, доцент (Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Российская Федерация)

Члены редакционной коллегии:

Manuel Cristian Fircă, Doctor in Law (Крайова, Румыния); **Н.В. Баранов**, д-р полит. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия); **А.В. Виноградов**, д-р полит. наук (Москва, Россия); **Б.Я. Гаврилов**, д-р юрид. наук (Москва, Россия); **Е.В. Гаврилов**, LL.M. (Красноярск, Россия); **С.О. Гаврилов**, д-р истор. наук, канд. юрид. наук, профессор (Кемерово, Россия); **С.Ю. Головина**, д-р юрид. наук (Екатеринбург, Россия); **Г.И. Грибанова**, д-р соц. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия); **А.Ю. Домбровская**, д-р соц. наук (Москва, Россия); **Н.С. Железняк**, д-р юрид. наук (Красноярск, Россия); **Р.В. Зелепукин**, канд. юрид. наук, доцент (Тамбов, Россия); **А.И. Землин**, д-р юрид. наук, канд. филос. наук, профессор (Москва, Россия); **Д.З. Зиядова**, д-р юрид. наук (Махачкала, Россия); **В.И. Исаев**, д-р истор. наук, профессор (Новосибирск, Россия); **А.Н. Кононов**, канд. пед. наук (Новосибирск, Россия); **Р.Т. Мухаев**, д-р полит. наук, профессор (Москва, Россия); **И.В. Радиков**, д-р полит. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия); **Н.Т. Разгельдеев**, д-р юрид. наук (Саратов, Россия); **Р.Х. Усманов**, д-р полит. наук (Астрахань, Россия); **А.А. Утюганов**, д-р психол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия); **Л.Г. Фишман**, д-р полит. наук, профессор РАН (Екатеринбург, Россия); **Л.Н. Хасимова**, канд. юрид. наук (Набережные Челны, Россия); **И.В. Холиков**, д-р юрид. наук, профессор (Москва, Россия); **Т.В. Хриенко**, д-р соц. наук, профессор (Симферополь, Россия)

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ, РИНЦ, РЦНИ, Белый список, КиберЛенинка, DOAJ.

Учредитель и издатель:

Научно-инновационный центр

Представитель в США:

3556, S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA

Представитель в России:

ул. 9Мая, 5/192, Красноярск, Красноярский край, 660127, Российская Федерация

E-mail: editor@lpjournal.ru

www.lpjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Подписано в печать 30.06.2026. Дата выхода в свет 30.06.2026. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 00,00. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ RSLP102/2026. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская» (ИП Давгуненко А.А. ИНН 344210747590). Адрес типографии: ул. Проезд Добролюбова 3 стр. 2, г. Москва, 127254, Россия

The edition is registered (certificate of registry EL № FS 77 - 89429, 06.05.2025) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2576-9634 (Print), ISSN 2998-8284 (Online)).

The journal is published 4 times per year. Founded in 1917.

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

Russian Studies in Law and Politics, Volume 10, Number 2, 2026

Editor-in-Chief:

Valentina M. Bolshakova, Candidate of Law (Ph.D.), Associate Professor (Nizhny Novgorod Institute of Management - branch of the RANEPa, Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Editorial Board Members:

Manuel Cristian Fircă, Doctor in Law (Craiova, Romania); **Nikolay A. Baranov**, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia); **Andrey V. Vinogradov**, Doctor of Political Sciences (Moscow, Russia); **Boris Ya. Gavrilov**, Doctor of Laws (Moscow, Russia); **Evgeny V. Gavrilov**, LL.M. (Krasnoyarsk, Russia); **Stanislav O. Gavrilov**, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law (Ph.D.), Professor (Kemerovo, Russia); **Svetlana Yu. Golovina**, Doctor of Laws (Yekaterinburg, Russia); **Galina I. Gribanova**, Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia); **Anna Yu. Dombrovskaya**, Doctor of Sociological Sciences (Moscow, Russia); **Nikolai S. Zheleznyak**, Doctor of Laws (Krasnoyarsk, Russia); **Roman V. Zelepukin**, Candidate of Law (Ph.D.), Associate Professor (Tambov, Russia); **Alexander I. Zemlin**, Doctor of Laws, Ph.D., Professor (Moscow, Russia); **Dureya Z. Ziyadova**, Doctor of Laws (Makhachkala, Russia); **Viktor I. Isaev**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia); **Alexey N. Kononov**, Candidate of Pedagogical Sciences (Ph.D.) (Novosibirsk, Russia); **Rashid T. Mukhaev**, Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow, Russia); **Ivan V. Radikov**, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia); **Nazir T. Razgeldeev**, Doctor of Laws (Saratov, Russia); **Rafik H. Usmanov**, Doctor of Political Sciences (Astrakhan, Russia); **Alexey A. Utyuganov**, Doctor of Psychology, Associate Professor (St. Petersburg, Russia); **Leonid G. Fishman**, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Leysan N. Khasimova**, Candidate of Law (Ph.D.) (Naberezhnye Chelny, Russia); **Ivan V. Kholikov**, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia); **Tatiana V. Khrienko**, Doctor of Sociological Sciences, Professor (Simferopol, Russia)

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, RISC, RCSI, White List, CyberLeninka, DOAJ.

Founder and Publisher:

Science and Innovation Center Publishing House

Representative in the U.S.:

3556, S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA

Representative in Russia:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: editor@lpjournal.ru

www.lpjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Approved for printing 30.06.2026. Format 60x84/16. Order RSLP102/2026. The Printing House. 3/2, Proezd Dobrolyubova Str., Moscow, 127254 Russia

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-2-271

EDN: NNXQKC

УДК 347.73:339.543

Таможенные споры об отнесении товаров к подакцизным и исчислении акциза: анализ ключевых категорий дел по судебной практике 2023-2025 гг.

Н.С. Городилов

Московский инновационный университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена таможенным спорам, возникающим при взимании акциза в связи с ввозом товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее - ЕАЭС). Обосновывается, что споры об отнесении товаров к подакцизным и об исчислении акциза образуют самостоятельную разновидность таможенных споров, поскольку их разрешение требует установления юридически значимых конструктивных, технических и физико-химических характеристик товара и последующего соотнесения этих характеристик с признаками подакцизных товаров, закрепленными в главе 22 Налогового кодекса РФ (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (далее - НК РФ).

Цель исследования состоит в выявлении основных подвидов таможенных споров об отнесении товаров к подакцизным и об исчислении акциза при ввозе, а также в определении их места в системе таможенных споров.

Методология. Исследование основано на формально-юридическом и сравнительно-правовом методах, анализе положений НК РФ, Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017; далее - ТК ЕАЭС), актов судебной практики Верховного Суда РФ и арбитражных судов за 2023-2025 годы.

Результаты. Выделены три группы споров: споры об электронных системах доставки никотина и жидкости для них; споры о квалификации нефтепродуктов как прямогонного бензина или средних дистиллятов; споры о порядке определения налоговой базы по акцизу при ввозе легковых автомобилей. Показано, что для данной категории дел ключевое значение имеют технические, конструктивные и физико-химические характеристики товара, а также их последующее соотнесение с признаками подакцизного товара, закрепленными в главе 22 НК РФ.

Область применения результатов. Выводы могут быть использованы при подготовке правовых позиций участников внешнеэкономической деятельности (далее - ВЭД) совершенствовании таможенного администрирования и дальнейшей научной классификации таможенных споров.

Ключевые слова: таможенные споры; акциз; подакцизные товары; квалификация товара; НК РФ; электронные системы доставки никотина; средние дистилляты; прямогонный бензин; легковые автомобили; таможенный контроль; налоговая база; судебная практика

Для цитирования. Гордилов, Н. С. (2026). Таможенные споры об отнесении товаров к подакцизным и исчислении акциза: анализ ключевых категорий дел по судебной практике 2023-2025 гг. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(2), 4-23. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-271>

Customs disputes on the classification of goods as excisable and the calculation of excise tax: an analysis of key categories of cases in judicial practice from 2023 to 2025

N.S. Gorodilov

Moscow Innovation University, Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. The article examines customs disputes arising in connection with the collection of excise duty upon the importation of goods into the customs territory of the Eurasian Economic Union (EAEU). It is argued that disputes concerning the classification of goods as excisable and the calculation of excise duty constitute an independent type of customs dispute, since their resolution requires establishing legally relevant structural, technical, and physicochemical characteristics of the goods and subsequently correlating those characteristics with the features of excisable goods set out in Chapter 22 of the Tax Code of the Russian Federation.

The **purpose** of the study is to identify the main subtypes of customs disputes concerning the classification of goods as excisable and the calculation of excise duty upon importation, as well as to determine their place within the system of customs disputes.

Methodology. The study is based on formal legal and comparative legal methods, as well as an analysis of the provisions of the Tax Code of the Russian Federation, the Customs Code of the Eurasian Economic Union, and judicial acts of the Supreme Court of the Russian Federation and commercial courts for 2023-2025.

Results. The article identifies three groups of disputes: disputes concerning electronic nicotine delivery systems and liquids for such systems; disputes concerning the

classification of petroleum products as straight-run gasoline or middle distillates; and disputes concerning the procedure for determining the excise tax base upon the importation of passenger cars. It is shown that, in this category of cases, decisive importance is attached to the technical, structural, and physicochemical characteristics of the goods, as well as to their subsequent correlation with the features of excisable goods established in Chapter 22 of the Tax Code of the Russian Federation. The article also notes that differences in excise regulation among the EAEU member states affect the uniformity of customs administration.

Practical implications. The findings may be used in preparing legal positions for participants in foreign economic activity, selecting evidence strategies in disputes requiring technical or physicochemical assessment of goods, improving customs administration, and developing further scholarly classifications of customs disputes.

Keywords: customs disputes; excise duty; excisable goods; classification of goods; Tax Code of the Russian Federation; electronic nicotine delivery systems; middle distillates; straight-run gasoline; passenger cars; customs control; tax base; judicial practice

For citation. Gorodilov, N. S. (2026). Customs disputes on the classification of goods as excisable and the calculation of excise tax: an analysis of key categories of cases in judicial practice from 2023 to 2025. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(2), 4-23. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-271>

Введение

Установление акцизов как особой разновидности налоговых платежей в отношении отдельных категорий товаров обусловлено не только фискальными, но и выраженными социальными целями. Российское государство исходит из того, что налоги могут использоваться для ограничения доступности продукции, потребление которой способно причинять вред здоровью населения. Так, в Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в Российской Федерации на период до 2035 года и дальнейшую перспективу прямо предусмотрено «применение ценовых и налоговых мер с целью снижения доступности табачной и иной никотиносодержащей продукции для населения» [8].

В доктрине акцизы традиционно рассматриваются как разновидность косвенных налогов на потребление. Как отмечают С.Г. Пепеляев, Е.В. Кудряшова и М.В. Никонова, акцизы представляют собой «налоги на потребление с «узким» предметом обложения»

[7]. Зарубежные исследования также связывают акцизное налогообложение с сочетанием фискальной функции и задач регулирования потребления социально чувствительных товаров [18; 19; 20].

Сравнительно-правовые исследования подтверждают, что акцизы традиционно сосредоточены вокруг ограниченного круга социально и экономически значимых товаров. Так, при анализе акцизных систем Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN / Association of Southeast Asian Nations) Р. Прис выделяет, в частности, алкоголь, табак, автомобили, мотоциклы, топливо и безалкогольные напитки как самостоятельные категории подакцизных товаров [19].

Из содержания ст. ст. 181 и 182 НК РФ следует, что акциз устанавливается только в отношении строго ограниченного перечня товаров, прямо отнесенных законодателем к подакцизным, и лишь применительно к тем хозяйственным операциям, которые признаются объектом налогообложения. К числу упомянутых в ст. 182 НК РФ обстоятельств, с которыми связано возникновение обязанности по исчислению и уплате акциза, относится ввоз подакцизных товаров на территорию РФ (пп. 13 п. 1 ст. 182 НК РФ).

Несмотря на то, что акцизы относятся к налогам, их взимание при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС осуществляется таможенными органами. Это обусловлено тем, что в силу ст. ст. 46 и 351 ТК ЕАЭС акцизы, уплачиваемые при ввозе товаров на таможенную территорию Союза, прямо отнесены к таможенным платежам, а их взимание и контроль правильности их исчисления и своевременности уплаты возложено на таможенные органы. Сказанное означает, что в отношениях, регулируемых таможенным правом, акциз, сохраняя природу косвенного налога, одновременно выступает элементом системы таможенных платежей, администрируемых таможенными органами. Несмотря на то, что взимание акцизов предусмотрено ТК ЕАЭС, их установление не может носить произвольный характер, поскольку оно не должно противоречить смыслу экономического союза стран, подписавших Договор о ЕАЭС, а потому следует согласиться с Е.Ш. Курмакаевой и А.О. Рындиной, которые приходят к выводу, что «различия

в акцизном налогообложении стран-участниц ЕАЭС по отдельным видам товаров приводит к диспропорциям» [4].

С учетом того, что между участниками внешнеэкономической деятельности, перемещающими подакцизные товары через таможенную границу, и таможенными органами объективно существует противоречие частного и публичного интереса, соответствующие отношения закономерно приобретают конфликтный характер в конкретных ситуациях. В философской литературе противоречие традиционно рассматривается не как отклонение, а как внутреннее основание движения и развития общественных отношений. Так, Г.В.Ф. Гегель указывал, что «противоречие есть корень всякого движения и жизни» [2]. В сфере таможенного регулирования этот постулат объективирован в стремлении декларанта исключить либо минимизировать фискальную нагрузку и в корреспондирующем стремлении таможенного органа обеспечить полноту взимания обязательных платежей в публичных интересах.

Упомянутое диалектическое противоречие частного и публичного интересов влияет на возникновение конфликтов между участниками ВЭД и таможенными органами по поводу взимания акцизов, которые, будучи переданными на рассмотрение компетентного юрисдикционного органа, приобретают характер правовых споров. Несмотря на формализацию перечня подакцизных товаров и построение по типу закрытого списка объектов налогообложения, между участниками таможенных правоотношений возникают споры о том, относится ли конкретный ввозимый товар к числу подакцизных.

Актуальность исследования определяется тем, что в 2023-2025 годах судебная практика по акцизам при ввозе товаров стала концентрироваться вокруг товаров со сложными техническими, конструктивными и физико-химическими характеристиками. Корневыми причинами соответствующих споров являются быстрое появление новых товарных форм, отсутствие специальных правил для отдельных составных товаров, зависимость налоговой базы от технических параметров товара и расхождения в акцизном регулировании государств - членов ЕАЭС, влияющие на единообразие таможенного администрирования.

Научная новизна исследования состоит в обосновании самостоятельного места споров об отнесении товаров к подакцизным и об исчислении акциза в системе таможенных споров, в выделении трех устойчивых категорий таких дел по судебной практике 2023-2025 годов и в формулировании общего правила их разрешения: последовательного установления фактических свойств товара и их соотношения с признаками подакцизного товара, закрепленными в главе 22 НК РФ.

Практическая значимость исследования выражается в возможности использования его выводов участниками ВЭД при подготовке правовых позиций и ходатайств о назначении экспертиз, таможенными органами - при оценке доказательств и мотивировке решений о доначислении акциза, судами - при разграничении споров о квалификации товара и споров об определении налоговой базы.

Материалы и методы

Материалом исследования выступили положения НК РФ, ТК ЕАЭС, акты Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и арбитражных судов, связанные с взиманием акциза при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС. Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, позволивший раскрыть содержание признаков подакцизного товара в главе 22 НК РФ, сравнительно-правовой метод, использованный для сопоставления подходов российских исследователей с подходами их зарубежных коллег, метод анализа судебной практики, а также метод правовой квалификации, необходимый для соотношения фактических свойств товара с нормативно установленными признаками объекта обложения акцизом.

Результаты и обсуждение

В качестве одной из наиболее противоречивых разновидностей споров об отнесении товара к подакцизным можно привести группу споров, связанных с ввезенными электронными системами доставки никотина (далее – «ЭСДН»).

Отправной точкой формирования судебной практики в отношении данного товара следует признать дело № А51-2493/2023, по которому судья Верховного Суда РФ определением от 26.07.2024 отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения [10]. Предметом спора являлись одноразовые электронные системы доставки никотина, предварительно заполненные никотинсодержащей жидкостью. Арбитражный суд Приморского края, рассмотревший данный спор в качестве суда первой инстанции, при вынесении решения исходил из того, что из системного толкования подп. 15 и 16 п. 1 ст. 181 НК РФ следует разграничивать электронные системы доставки никотина и жидкости для них как самостоятельные объекты обложения акцизом. Основываясь на данном тезисе, а также на том, что НК РФ, по мнению суда первой инстанции, признает подакцизным товаром любую жидкость для ЭСДН, Арбитражный суд Приморского края установил, что при ввозе на территорию РФ одноразовой электронной сигареты имеет место сразу два объекта налогообложения. Данная позиция была поддержана судами проверочных инстанций, включая Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ (далее – «СКЭС Верховного Суда РФ»).

Именно этот подход был затем воспроизведен Верховным Судом РФ в деле № А40-121786/2023, где нижестоящие суды первоначально встали на сторону декларантов [11]. В деле № А40-121786/2023 предметом спора также являлись одноразовые ЭСДН, заправленные никотиносодержащей жидкостью. Суды трех инстанций исходили из того, что одноразовое устройство представляет собой единый, неделимый товар, а потому уплата акциза отдельно за устройство и отдельно за находящуюся внутри него жидкость привела бы к неправомерному «двойному» налогообложению. По этому вопросу Арбитражный суд Московского округа выразил следующую правовую позицию: «Заявителем ввезен один подакцизный товар, один объект обложения акцизом, предусмотренный подпунктом 15 пункта 1 статьи 181 Налогового кодекса Российской Федерации - электронная система доставки никотина, понятие которой охватывает все ее конструктивные элементы, в том числе содержащуюся в

ней жидкость. Жидкость же для ЭСДН в качестве самостоятельного товара обществом через таможенную границу не перемещалась и на территорию Российской Федерации не ввозилась».

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты по данному делу и отказал в удовлетворении требований общества, указав, что закон прямо относит к подакцизным товарам как электронные системы доставки никотина, так и жидкости для них, не предусматривая исключения для встроенной жидкости в одноразовую электронную сигарету.

Аналогичным образом был разрешен спор по делу № А40-159568/2023. Предметом перемещения здесь выступали одноразовые электронные системы доставки никотина, содержащие встроенную несменяемую никотиносодержащую жидкость объемом от 3 до 11,5 мл. Суды первой и апелляционной инстанций признали решения таможенного органа незаконными, исходя из того, что указанные устройства являются единым товаром, готовым к использованию, а жидкость внутри них не образует самостоятельного объекта обложения акцизом. Однако Арбитражный суд Московского округа отменил принятые по данному делу судебные акты и указал, что НК РФ не предусматривает особенностей налогообложения жидкости для ЭСДН в зависимости от того, поставляется ли она отдельно, в комплекте с устройством либо в составе его компонентов; напротив, жидкость для ЭСДН прямо выделена законодателем в качестве самостоятельного подакцизного товара. Верховный Суд РФ согласился с указанным подходом, подтвердив, что встроенная в одноразовую ЭСДН жидкость не утрачивает качества самостоятельного объекта акцизного обложения лишь в силу конструктивной неотделимости от устройства [12].

Таким образом, начиная с дела № А51-2493/2023, в судебной практике закрепился подход, согласно которому одноразовая электронная система доставки никотина и содержащаяся в ней жидкость рассматриваются для целей главы 22 НК РФ как два подакцизных товара, а довод о двойном налогообложении одного и того же товара призна-

ется несостоятельным. В дальнейшем сходные подходы были продемонстрированы в делах № А40-121786/2023, № А40-159568/2023, № А40-235183/2023, № А40-100579/2023, № А56-90749/2022, № А40-84260/2023, № А60-8614/2023, № А40-156734/2023.

Представляется, что указанный подход не основан на экономической природе акциза. Конституционный Суд РФ, в частности в определении от 13.03.2018 № 592-О высказывал следующую позицию относительно предмета акциза: «Акциз по своему экономико-правовому содержанию (сущности) призван, влияя на цену товара определенной категории, уменьшать доходность производства и реализации этого товара и тем самым становиться барьером для поступления его на рынок, а значит, и для его потребления» [9]. Таким образом, в конституционно-правовом истолковании предметом акциза выступает именно товар как объект гражданских прав, поступающий и реализующийся на рынке.

Поскольку НК РФ не содержит определения понятия «товар» как для целей главы 22, так и в целом для налогового законодательства, то при характеристике предмета акциза следует обратиться к исходному пониманию товара как экономической категории. Такой методологический прием основан на соотношении сущности и ее проявления в формуле Г.В.Ф. Гегеля: «сущность должна являться». И допустимость такого подхода не исключается законодателем, не установившим специального содержания анализируемого понятия.

Итак, в классической экономической литературе товар определяется как самостоятельное благо, обладающее потребительной ценностью и предназначенное для участия в обмене. Так, К. Маркс указывал, что «товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря своим свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности» [5]. К. Менгер определял товары как «экономические блага... предназначенные для обмена» [6]. Российский экономист Е.Ф. Борисов указывает, что «товар – созданная трудом общественная полезность, предназначенная для равноценного обмена на рынке на другой продукт» [1], а также отдельно делает релевантный для настоящего исследования вывод, что «товар имеет

два свойства: полезность и стоимость» [1].

Из приведенных высказываний авторитетных экономистов следует, что товаром выступает не любой физически выделяемый элемент вещи, а самостоятельное благо, отвечающее свойствам полезности и стоимости. Встроенная в одноразовую ЭСДН жидкость не обладает ни полезностью, ни стоимостью, оторванная от ЭСДН, она не может участвовать в обороте, а потому не может рассматриваться в качестве товара, то есть предмета акциза. Подходы, изложенные в приведенных судебных актах, противоречат пониманию самой сущности товара, допускают к отнесению к товару физического предмета, который таковым являться не может. Следовательно, представляется возможным пересмотр сложившейся тенденции правоприменения, который был бы направлен на восстановление справедливости в указанной категории споров с таможенными органами.

В доктрине также указывается на неточность использования самой терминологии, применяемой к соответствующим устройствам: К.Ю. Калабин отмечает, что «сам по себе термин «электронные системы доставки никотина» является в корне не верным» [3]. Данный тезис также заслуживает внимания в пересмотре имеющейся тенденции правоприменения.

В качестве второго подвида споров об уплате акцизов выступают дела, связанные с ввозом нефтепродуктов, в которых предметом судебного контроля является соответствие импортируемого товара признакам подакцизных прямогонного бензина и средних дистиллятов (нефтепродуктов) (подп. 10 и 11 п. 1 ст. 181 НК РФ). В отличие от вышеупомянутых споров по электронным системам доставки никотина, здесь разногласия возникают не по поводу обложения составной части товара, а по поводу отнесения ввозимого товара к подакцизным с учетом его физико-химических свойств.

Предметом таможенного спора, рассмотренного Арбитражным судом г. Москвы в рамках дела № А40-221331/2023, стал вопрос об отнесении к подакцизным товарам нефтепродуктов, полученных из битуминозных пород [13]. Данный товар ввозился декларантом по шести декларациям на товары, при совершении таможенных операций

таможенный орган в рамках таможенного контроля произвел отбор проб и образцов и назначил таможенную экспертизу. По результатам изучения заключений таможенного эксперта по двум декларациям таможенной было принято решение о доначислении акциза как за прямогонный бензин, а по четырем другим декларациям акциз был доначислен как за средние дистилляты, несмотря на то, что во всех случаях речь шла о тождественном товаре. Общество, оспаривая решения таможенного органа, ссылалось в суде на то, что выводы таможенного эксперта не позволяют отнести ввезенный товар ни к прямогонному бензину, ни к средним дистиллятам.

Как было установлено судом первой инстанции на основании заключений таможенного эксперта, плотность исследуемых проб при температуре 20 °С составляла около 794 кг/м³ (с учетом разных данных нескольких исследований), а сам товар был охарактеризован таможенным экспертом как нефтепродукт, относящийся к легким дистиллятам. Указанные выводы были положены судом в основу умозаключения об отсутствии достаточных оснований для квалификации ввезенного товара в качестве прямогонного бензина либо среднего дистиллята в смысле подп. 10 и 11 п. 1 ст. 181 НК РФ, поскольку из содержания указанных норм следует, что плотность прямогонного бензина не может превышать 749 кг/м³ при температуре 20 °С, а взимание акциза в отношении легких дистиллятов НК РФ не предусмотрено. В дальнейшем данное решение было проверено Девятым арбитражным апелляционным судом и Арбитражным судом Московского округа и также оставлено без изменения.

Совершенно иной подход был продемонстрирован в других делах, рассмотренных Арбитражным судом г. Москвы, в которых при схожих фактических обстоятельствах вопрос об отнесении ввезенного нефтепродукта к числу подакцизных товаров был разрешен иначе.

Данным судебным органом был рассмотрен таможенный спор в рамках дела № А40-241885/2023 относительно отнесения к подакцизным ввезенного обществом товара, заявленного как деароматизированный углеводородный растворитель D60 [14]. По результатам таможенной экспертизы таможня пришла к выводу о соответствии

физико-химических характеристик товара определению среднего дистиллята, содержащегося в подп. 11 п. 1 ст. 181 НК РФ, и инициировала корректировку сведений, заявленных в декларации на товары с учетом необходимости уплатить акциз. Арбитражный суд г. Москвы выразил свое согласие с позицией таможенного органа, решение которого было принято на основе заключения таможенного эксперта, указавшего, что спорный товар следует отнести к нефтепродуктам, являющимся легким дистиллятом, при плотности $790,2 \text{ кг/м}^3$ при 20°C . Таким образом, арбитражный суд при разрешении данного таможенного спора руководствовался установленными физико-химическими характеристиками ввезенного товара и буквальным содержанием подп. 11 п. 1 ст. 181 НК РФ, относящего все смеси углеводородов, плотность которых не превышает 930 кг/м^3 при 20°C , к облагаемым акцизом средним дистиллятам и принял решение об отказе в удовлетворении требований участника ВЭД, проявившего процессуальное бездействие в части возможного назначения по делу судебной экспертизы.

Похожий по фабуле спор был рассмотрен Арбитражным судом г. Москвы в рамках дела № А40-243793/2023 [15]. В этом деле также оспаривались решение Центральной электронной таможни о внесении изменений в сведения, заявленные в декларации на товары, и решение Центрального таможенного управления в части отнесения ввезенного товара к средним дистиллятам. Из текста судебного акта суда первой инстанции следует, что по результатам проведенной таможенной экспертизы таможенный орган пришел к выводу о соответствии свойств спорного товара описанным в НК РФ признакам среднего дистиллята, что повлекло принятие таможенным органом решения о корректировке декларации с расчетом подлежащего уплате акциза. Арбитражный суд г. Москвы отказал в удовлетворении требований общества, указав на обоснованность выводов таможенных органов и достаточность совокупности представленных ими доказательств для подтверждения обоснованности вывода об отнесении спорного товара к средним дистиллятам с учетом его плотности 793 кг/м^3 при 20°C .

Как видно из приведенных примеров, для данного подвида споров существенное значение приобретает правильное определение физико-химических свойств ввозимого товара и правильное сопоставление этих свойств, выявленных на основе специальных познаний, с текстом статьи 181 НК РФ в части признаков подакцизного товара. Вместе с тем анализ указанных судебных актов свидетельствует о том, что арбитражные суды несколько противоречиво разрешали вопрос об отнесении товара к подакцизным при весьма близких показателях его плотности (основной классификационный критерий): в одном случае – около 794 кг/м³, в двух других – 790,2 кг/м³ и 793 кг/м³ при одинаковой температуре 20 °С. Представляется более обоснованной позиция арбитражных судов по делам № А40-241885/2023 и № А40-243793/2023, поскольку в данных судебных актах ввезенные смеси углеводородов были отнесены к средним дистиллятам на основании сопоставления признаков данного подакцизного товара, прямо закрепленных в НК РФ. Судами был продемонстрирован подход о безоговорочном приоритете интерпретации средних дистиллятов как налогово-правовой категории, абстрагированной от товарно-номенклатурной и экспертной терминологии. В этой связи использование в заключении таможенного эксперта обозначения товара как легкого дистиллята само по себе не должно предопределять вывод о невозможности его квалификации в качестве среднего дистиллята для целей главы 22 НК РФ.

В качестве третьей условно выделяемой группы споров об уплате акцизов следует отнести дела, связанные с ввозом легковых автомобилей. Спецификой данных таможенных споров является то, что в них разногласия возникают не по вопросу об отнесении товара к подакцизным (что имело место в ранее рассмотренных случаях), а по вопросу учета технических характеристик транспортного средства при определении налоговой базы для исчисления акциза. Все дело в том, что размер данного обязательного платежа определяется по прогрессивной шкале, предусмотренной ст. 193 НК РФ, и напрямую зависит от мощности двигателя транспортного средства.

В этом смысле показательным примером является дело № А40-167100/2024 [16]. Спор между декларантом и таможенным органом

возник по поводу двух ввезенных легковых автомобилей гибридного типа L7, оснащенных двумя электрическими двигателями и вспомогательным двигателем внутреннего сгорания, который, как следовало из технической документации, не имел механической связи с колесами и выполнял функцию генератора для подзарядки батареи. Участник ВЭД исчислил акциз, исходя из суммарной мощности электрических двигателей в размере 150 кВт, однако таможенный орган потребовал скорректировать декларацию и доплатить акциз, приняв за налоговую базу суммарную мощность электродвигателей и двигателя внутреннего сгорания в общем размере в 260 кВт. Арбитражный суд г. Москвы признал ненормативный правовой акт таможенного органа незаконным, исходя из того, что мощность двигателя внутреннего сгорания при исчислении акциза не подлежала учету, поскольку этот двигатель не являлся приводящим в движение колеса транспортного средства. Суд также указал, что при таких обстоятельствах акциз подлежал исчислению по ставке, соответствующей мощности 150 кВт, а уплаченные обществом суммы акциза и НДС в части, рассчитанной сверх этого показателя, являются излишне внесенными.

Проблематика определения налоговой базы в отношении гибридного двигателя транспортного средства также нашла свое отражение в деле № А40-136847/2023 [17]. Предметом спора являлись ввезенные обществом новые легковые автомобили Mercedes-Benz в количестве 95 единиц. При декларировании декларант исчислил акциз без учета мощности электродвигателя, тогда как Центральная акцизная таможня по результатам камеральной таможенной проверки пришла к выводу о необходимости внесения изменения в декларацию и доначисления акциза исходя из суммарной мощности двигателя внутреннего сгорания и электродвигателя.

Арбитражный суд г. Москвы отказал в удовлетворении требований участника ВЭД, Девятый арбитражный апелляционный суд оставил данное решение без изменения. Арбитражный суд Московского округа, соглашаясь с выводами нижестоящих судов, отметил, что налоговая база и ставки акциза, установленные ст. 193 НК РФ, не

ставятся в зависимость от конструктивных особенностей легкового автомобиля, для целей налогообложения имеет значение исключительно показатель мощности силовой установки – двигателя либо двигателей. С учетом наличия у ввезенных транспортных средств двигателя внутреннего сгорания и электродвигателя суд округа признал правомерным исчисление акциза исходя из суммарной мощности данных двигателей.

Заключение

1. Таможенные споры об отнесении товаров к подакцизным и об исчислении акциза при ввозе образуют самостоятельную разновидность таможенных споров, которые объединяет то обстоятельство, что во всех случаях конфликт был связан либо с самой необходимостью уплаты акциза при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС, либо с правильным определением размера соответствующего платежа.

2. Рассматриваемая категория таможенных споров по своей специфике во многом схожа со спорами о классификации товаров по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее - ТН ВЭД ЕАЭС), поскольку для обеих этих категорий характерно то, что для их правильного разрешения требуется обращение к свойствам предметов реального мира, установления их физико-химических характеристик и последующего сопоставления выявленных свойств с нормативно установленными признаками той или иной категории товаров.

3. Внутри данной категории дел могут быть выделены как минимум три устойчивые группы: споры об электронных системах доставки никотина и жидкостях для них; споры о квалификации нефтепродуктов как прямогонного бензина или средних дистиллятов; споры о порядке определения налоговой базы при ввозе легковых автомобилей.

4. По спорам об электронных системах доставки никотина сложившаяся судебная практика исходит из осуществления самостоятельного обложения акцизом как устройства, так и содержащейся

в нем жидкости. Данный подход нуждается в дальнейшем научном обсуждении, поскольку встроенная в одноразовое устройство жидкость не обладает признаками самостоятельного товара как объекта оборота.

5. По спорам о нефтепродуктах решающее значение имеет юридическое сопоставление фактически установленных физико-химических характеристик товара с признаками подакцизного товара, закрепленными в статье 181 НК РФ.

6. По спорам о легковых автомобилях при определении налоговой базы по акцизу необходимо учитывать не только формальное наличие двигателя, но и его функциональную роль в конструкции транспортного средства. Такой подход позволяет разграничивать двигатели, участвующие в приведении автомобиля в движение, и вспомогательные генераторные установки.

7. Дальнейшее специальное исследование данной категории споров имеет значение для формирования единообразной судебной практики, повышения предсказуемости таможенного администрирования, учета различий в акцизном регулировании государств - членов ЕАЭС и защиты имущественных интересов участников ВЭД.

8. Научная новизна проведенного исследования выражается в том, что споры об отнесении товаров к подакцизным и об исчислении акциза при ввозе рассмотрены не как разрозненные дела, а как самостоятельная разновидность таможенных споров с общим предметом доказывания и сходной логикой правовой квалификации.

9. Перспективы дальнейшего развития проблемы связаны с выработкой единых подходов к оценке составных товаров, уточнением роли таможенной и судебной экспертизы, а также с сопоставлением российских подходов с регулированием иных государств - членов ЕАЭС.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Борисов, Е. Ф. (2008). *Экономическая теория: учебник для вузов* (4-е изд., перераб. и доп.). Высшее образование.
2. Гегель, Г. В. Ф. (1971). *Наука логики* (Т. 2). Мысль.
3. Калабин, К. Ю. (2022). Совершенствование налогообложения продажи электронных сигарет в Российской Федерации. *Финансовые рынки и банки*, (2), 35–39. EDN: <https://elibrary.ru/MUUWWP>
4. Курмакаева, Е. Ш., & Рындина, А. О. (2019). Анализ применения акцизов при ввозе товаров на территорию Российской Федерации в условиях членства в ЕАЭС. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*, 19(4), 394–399. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-4-394-399>. EDN: <https://elibrary.ru/XZPHKT>
5. Маркс, К. (1983). *Капитал. Критика политической экономии* (Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала). Политиздат.
6. Менгер, К. (1903). *Основания политической экономии*. Типография Г. М. Левинсона.
7. Пепеляев, С. Г., Кудряшова, Е. В., & Никонова, М. В. (2015). *Правовые основы косвенного налогообложения: учебное пособие* (С. Г. Пепеляев, ред.). Статут. ISBN 978-5-8354-1160-3. EDN: <https://elibrary.ru/YTBPUb>
8. Правительство Российской Федерации. (2019). *Распоряжение от 18 ноября 2019 г. № 2732-р «Об утверждении Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в Российской Федерации на период до 2035 года и дальнейшую перспективу»*. Официальный интернет-портал правовой информации. <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201911220010>
9. Конституционный Суд Российской Федерации. (2018). *Определение от 13 марта 2018 г. № 592-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества „Дека“ на нарушение конституционных прав и свобод подпунктами 3 и 12 пункта 1 статьи 182, пунктом 2 статьи 187 Налогового кодекса Российской Федерации»*. <https://base.garant.ru/71913854>
10. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации. (2024). *Определение от 26 июля 2024 г. № 303-ЭС24-10500 по делу № А51-2493/2023*. <https://apkrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-26072024-n-303-es24-10500-po-delu-n-a51-24932023>
11. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации. (2025). *Определение от 7 февраля 2025 г. № 305-ЭС24-21395 по делу № А40-121786/2023*. СПС «КонсультантПлюс».
12. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации. (2025). *Определение по делу № А40-159568/2023*. <https://sudrf.cntd.ru/document/1312415211>

13. Арбитражный суд города Москвы; Девятый арбитражный апелляционный суд; Арбитражный суд Московского округа. (2024). *Судебные акты по делу № А40-221331/2023*. <https://sudact.ru/arbitral/case/YnJ8gZW7mPoW>
14. Арбитражный суд города Москвы. (2024). *Решение от 19 июня 2024 г. по делу № А40-241885/2023*. <https://sudact.ru/arbitral/doc/ewf86ztLQOWm>
15. Арбитражный суд города Москвы. (2025). *Решение от 21 января 2025 г. по делу № А40-243793/2023*. <https://sudact.ru/arbitral/doc/5v1ejBih1GU1>
16. Арбитражный суд города Москвы. (2024). *Решение от 31 октября 2024 г. по делу № А40-167100/2024*. <https://sudact.ru/arbitral/doc/mxmi62REInLO>
17. Арбитражный суд города Москвы; Девятый арбитражный апелляционный суд; Арбитражный суд Московского округа. (2023–2024). *Судебные акты по делу № А40-136847/2023*. <https://sudact.ru/arbitral/doc/BUaJKdZLgfHg>
18. Cnossen, S., & Smart, M. (2005). Taxation of tobacco. In S. Cnossen (Ed.), *Theory and practice of excise taxation: Smoking, drinking, gambling, polluting, and driving* (pp. 20–55). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0199278598.003.0002>
19. Preece, R. (2008). Key controls in the administration of excise duties. *World Customs Journal*, 2(1), 73–92. <https://doi.org/10.55596/001c.91321>
20. OECD. (2024). *Consumption tax trends 2024: VAT/GST and excise, core design features and trends*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/dcd4dd36-en>

References

1. Borisov, E. F. (2008). *Economic theory: A textbook for universities* (4th ed., rev. and enl.). Vysshee obrazovanie.
2. Hegel, G. W. F. (1971). *Science of logic* (Vol. 2). Mysl’.
3. Kalabin, K. Yu. (2022). Improving the taxation of electronic cigarette sales in the Russian Federation. *Financial Markets and Banks*, (2), 35–39. EDN: <https://elibrary.ru/MUUWWP>
4. Kurmakaeva, E. Sh., & Ryndina, A. O. (2019). Analysis of the application of excise duties on the import of goods into the territory of the Russian Federation under the conditions of EAEU membership. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 19(4), 394–399. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-4-394-399>. EDN: <https://elibrary.ru/XZPHKT>
5. Marx, K. (1983). *Capital: A critique of political economy* (Vol. 1, Book 1: The process of capital production). Politizdat.
6. Menger, C. (1903). *Principles of economics*. G. M. Levinson’s Printing House.
7. Pepelyaev, S. G., Kudryashova, E. V., & Nikonova, M. V. (2015). *Legal foundations of indirect taxation: A study guide* (S. G. Pepelyaev, Ed.). Statut. ISBN 978-5-8354-1160-3. EDN: <https://elibrary.ru/YTBPUb>

8. Government of the Russian Federation. (2019). *Order No. 2732-r of November 18, 2019, "On approval of the Concept for implementing the state policy to counteract the consumption of tobacco and other nicotine-containing products in the Russian Federation for the period up to 2035 and beyond"*. Official Internet Portal of Legal Information. <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201911220010>
9. Constitutional Court of the Russian Federation. (2018). *Ruling No. 592-O of March 13, 2018, "On refusal to accept for consideration the complaint of Joint Stock Company 'Deka' regarding the violation of constitutional rights and freedoms by subitems 3 and 12 of item 1 of Article 182, and item 2 of Article 187 of the Tax Code of the Russian Federation"*. <https://base.garant.ru/71913854>
10. Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation. (2024). *Ruling of July 26, 2024, No. 303-ES24-10500 in case No. A51-2493/2023*. <https://apkrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-26072024-n-303-es24-10500-po-delu-n-a51-24932023>
11. Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation. (2025). *Ruling of February 7, 2025, No. 305-ES24-21395 in case No. A40-121786/2023*. ConsultantPlus Legal Reference System.
12. Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation. (2025). *Ruling in case No. A40-159568/2023*. <https://sudrf.cntd.ru/document/1312415211>
13. Arbitration Court of Moscow; Ninth Arbitration Appellate Court; Arbitration Court of the Moscow District. (2024). *Judicial acts in case No. A40-221331/2023*. <https://sudact.ru/arbitral/case/YnJ8gZW7mPoW>
14. Arbitration Court of Moscow. (2024). *Decision of June 19, 2024, in case No. A40-241885/2023*. <https://sudact.ru/arbitral/doc/ewf86ztLQ0Wm>
15. Arbitration Court of Moscow. (2025). *Decision of January 21, 2025, in case No. A40-243793/2023*. <https://sudact.ru/arbitral/doc/5v1ejBih1GU1>
16. Arbitration Court of Moscow. (2024). *Decision of October 31, 2024, in case No. A40-167100/2024*. <https://sudact.ru/arbitral/doc/mxmi62REInLO>
17. Arbitration Court of Moscow; Ninth Arbitration Appellate Court; Arbitration Court of the Moscow District. (2023–2024). *Judicial acts in case No. A40-136847/2023*. <https://sudact.ru/arbitral/doc/BUaJKdZLgfHg>
18. Cnossen, S., & Smart, M. (2005). Taxation of tobacco. In S. Cnossen (Ed.), *Theory and practice of excise taxation: Smoking, drinking, gambling, polluting, and driving* (pp. 20–55). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0199278598.003.0002>
19. Preece, R. (2008). Key controls in the administration of excise duties. *World Customs Journal*, 2(1), 73–92. <https://doi.org/10.55596/001c.91321>
20. OECD. (2024). *Consumption tax trends 2024: VAT/GST and excise, core design features and trends*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/dcd4dd36-en>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Городилов Никита Сергеевич, аспирант; адвокат Адвокатской палаты города
Москвы
Московский инновационный университет
ул. Малая Ордынка, 7, г. Москва, Российская Федерация
gorodilovw@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nikita S. Gorodilov, PhD candidate; Attorney-at-Law, Moscow Bar Association
Moscow Innovation University
7, Malaya Ordynka Str., Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0808-2719>
gorodilovw@gmail.com

Поступила 25.05.2026

После рецензирования 20.06.2026

Принята 26.06.2026

Received 25.05.2026

Revised 20.06.2026

Accepted 26.06.2026

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-2-272

EDN: NQESVI

УДК 342.9

Правовые проблемы и механизмы совершенствования стратегического планирования в сфере охоты

С.В. Иванова^{1,2}, С.В. Рыбак²

*¹Оренбургский институт (филиал) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Российская Федерация*

*²Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Актуальность исследования связана с развитием правового регулирования стратегического планирования в сфере охоты. Современная государственная политика ориентирована на рациональное использование охотничьих ресурсов и сохранение биологического разнообразия.

Достижение этих целей требует эффективного механизма стратегического планирования. Вместе с тем проведенный анализ показал, что действующее законодательство содержит правовые пробелы, снижающие эффективность такого механизма.

Предметом исследования является система стратегического планирования в сфере охоты как элемент государственно-правового регулирования использования и охраны ресурсов охоты. Тема исследования направлена на анализ действующей модели стратегического управления и выявление направлений ее совершенствования в рамках административного и экологического законодательства.

Цель исследования заключается в оценке эффективности стратегических документов и обосновании предложений по повышению эффективности государственного управления в рассматриваемой сфере.

Методологическую основу составляют системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

В результате исследования выявлена несогласованность между Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и Стратегией развития охотничьего хозяйства Российской Федерации до 2030 года. Закон

устанавливает требования к достижению измеримых результатов государственной политики. Стратегия, напротив, содержит преимущественно программные положения. В ней отсутствуют обязательные экологические показатели. Не определен механизм пересмотра документа по результатам государственного мониторинга. Также не установлены правовые последствия недостижения предусмотренных целей.

Официальные материалы подтверждают актуальность рассматриваемой проблемы. Государственный доклад Минприроды России за 2024 год указывает на значительные различия в состоянии природных экосистем российских регионов и сохраняющееся антропогенное воздействие на объекты животного мира. Вместе с тем в докладе подчеркивается значение государственного экологического мониторинга для подготовки управленческих решений. Проведенное исследование показало, что результаты такого мониторинга не получили обязательного закрепления в механизме стратегического планирования. Это ограничивает возможность своевременной корректировки стратегических документов при изменении экологической ситуации.

Проведен анализ отечественных и зарубежных исследований по вопросам стратегического планирования в сфере охоты. Установлено, что комплексное правовое исследование взаимосвязи стратегического планирования, государственного мониторинга и стратегической экологической оценки отсутствует. Теоретической основой работы стали труды российских и зарубежных ученых в области экологического и административного права.

Область применения результатов охватывает сферу государственного управления охотничьими ресурсами, а также совершенствование экологического и административного законодательства. Научная новизна исследования заключается в выявлении правовых недостатков действующей системы стратегического планирования в сфере охоты и разработке комплексной модели их устранения. Предложенная модель основана на нормативной взаимосвязи стратегической экологической оценки, государственного мониторинга и системы экологических индикаторов эффективности.

Ключевые слова: стратегическое планирование; сфера охоты; охотничьи ресурсы; государственное управление; государственный мониторинг охотничьих ресурсов; стратегическая экологическая оценка; экологические индикаторы эффективности; экологическое право; административно-правовое регулирование

Для цитирования. Иванова, С. В., & Рыбак, С. В. (2026). Правовые проблемы и механизмы совершенствования стратегического планирования в сфере охоты. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(2), 24-39. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-272>

Legal issues and mechanisms for improving strategic planning in the field of hunting

S.V. Ivanova^{1,2}, S.V. Rybak²

¹*Orenburg Institute (Branch) of O.E. Kutafin University*

(Moscow State Law Academy); Orenburg, Russian Federation

²*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation*

Abstract

Background. The relevance of this study stems from the development of legal regulations governing strategic planning in the field of hunting. Current government policy is focused on the rational use of hunting resources and the conservation of biological diversity. Achieving these goals requires an effective strategic planning mechanism. At the same time, the analysis conducted has shown that current legislation contains legal gaps that reduce the effectiveness of such a mechanism.

The subject of this study is the strategic planning system in the field of hunting as an element of state legal regulation of the use and protection of hunting resources. The research focuses on analyzing the current model of strategic management and identifying areas for its improvement within the framework of administrative and environmental legislation.

The **purpose** of the study is to assess the effectiveness of strategic documents and to justify proposals for improving the effectiveness of state governance in this area.

The **methodological framework** consists of the systemic, formal-legal, and comparative-legal approaches.

The **study revealed** inconsistencies between the Federal Law “On Strategic Planning in the Russian Federation” and the Strategy for the Development of the Hunting Industry in the Russian Federation through 2030. The law establishes requirements for achieving measurable results in public policy. The Strategy, by contrast, contains primarily programmatic provisions. It lacks mandatory environmental indicators. No mechanism has been defined for revising the document based on the results of government monitoring. Furthermore, no legal consequences have been established for failing to achieve the stated goals.

Official materials confirm the relevance of the issue under consideration. The 2024 State Report of the Russian Ministry of Natural Resources points to significant differences in the condition of natural ecosystems across Russian regions and the continuing anthropogenic impact on wildlife. At the same time, the report emphasizes the importance of state environmental monitoring for the preparation of management decisions. The study conducted showed that the results of such monitoring have not been mandatorily incorporated into the strategic planning mechanism. This limits

the ability to make timely adjustments to strategic documents as the environmental situation changes.

An analysis of domestic and foreign studies on strategic planning in the field of hunting was conducted. It was found that there is no comprehensive legal study of the interrelationship between strategic planning, government monitoring, and strategic environmental assessment. The theoretical foundation of this work is based on the works of Russian and foreign scholars in the field of environmental and administrative law.

The **scope of application** of the results covers the sphere of state management of hunting resources, as well as the improvement of environmental and administrative legislation. The scientific novelty of the study lies in identifying legal shortcomings in the current strategic planning system in the hunting sector and developing a comprehensive model for addressing them. The proposed model is based on the normative interrelationship between strategic environmental assessment, government monitoring, and a system of environmental performance indicators.

Keywords: strategic planning; hunting sector; hunting resources; public administration; state monitoring of hunting resources; Strategic Environmental Assessment; environmental performance indicators; environmental law; administrative legal regulation

For citation. Ivanova, S. V., & Rybak, S. V. (2026). Legal issues and mechanisms for improving strategic planning in the field of hunting. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(2), 24-39. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-272>

Современная система стратегического планирования в сфере охоты представляет собой важный правовой инструмент государственного управления в области использования, воспроизводства и охраны объектов животного мира, обеспечивающий реализацию публично-правовых механизмов регулирования ресурсов охоты. Одновременно, анализ действующей системы стратегических документов позволяет выявить ряд проблем, снижающих эффективность реализации государственной политики в рассматриваемой области.

Во-первых, следует отметить наличие недостаточной институционально-правовой взаимосвязи между целеполаганием в сфере стратегического планирования и нормативно закреплёнными механизмами реализации данных стратегических ориентиров. В научной литературе отмечают, что стратегическое планирование в природо-ресурсной сфере должно обеспечивать согласование долгосрочных целей государственной политики с конкретными юридическими

инструментами их реализации [1, с. 70]. Однако действующая Стратегия развития охотничьего хозяйства до 2030 года преимущественно ориентирована на определение направлений развития отрасли и не содержит достаточных механизмов контроля, ответственности и корректировки принимаемых управленческих решений. Проведенный анализ показывает, что недостаток заключается не только в содержании стратегических документов, но и в отсутствии правовых механизмов, обеспечивающих достижение поставленных целей. В результате стратегическое планирование не сопровождается юридическими средствами контроля и корректировки принимаемых решений. Это снижает эффективность реализации государственной политики в сфере охоты.

Другой важной проблемой является сохранение ресурсно-ориентированного подхода к стратегическому планированию, что выражается в доминировании отраслевых количественных показателей над экосистемным моделированием устойчивого использования. В доктрине права обосновывают необходимость перехода к экосистемной модели управления природными ресурсами, предполагающей учет состояния природных комплексов, биологического разнообразия и экологических взаимосвязей [2, с. 239]. Однако, действующая система стратегического планирования в сфере охоты по-прежнему ориентирована преимущественно на показатели численности охотничьих видов и развитие охотничьей инфраструктуры. Таким образом, действующая система оценки не позволяет объективно определить эффективность государственного управления. Использование преимущественно количественных показателей не отражает состояние охотничьих экосистем и качество принимаемых управленческих решений. Следовательно, совершенствование стратегического планирования должно быть связано с изменением подходов к оценке результатов государственной политики.

Отсутствие четких критериев достижения отдельных стратегических целей также снижает эффективность государственного управления. В частности, предусмотренная Стратегией задача обеспечения доступности охоты для граждан не раскрывается через

систему конкретных показателей, что затрудняет оценку результатов реализации соответствующих мероприятий. В итоге, стратегические положения нередко приобретают декларативный характер [3, с. 35] и не обеспечивают необходимого уровня правовой определенности. Используемые в настоящее время показатели в значительной степени ориентированы на численность отдельных видов охотничьих животных. Одновременно, данный критерий не способен в полной мере отразить эффективность государственного управления, поскольку состояние популяций диких животных зависит от множества факторов, включая климатические условия, состояние кормовой базы, миграционные процессы и антропогенную нагрузку.

Следовательно, оценка эффективности стратегического планирования должна осуществляться на основе совокупности экологических, социальных, экономических и правовых показателей. К числу таких индикаторов могут быть отнесены состояние местообитаний охотничьих животных, уровень сохранения биологического разнообразия [4, с. 181], эффективность государственного охотничьего надзора, масштабы незаконной добычи ресурсов охоты, степень цифровизации учета охотничьих ресурсов, доступность охоты для граждан и уровень участия общественности в принятии управленческих решений. Подобный подход соответствует современным международным актам в сфере устойчивого использования объектов животного мира, рассматривающим эффективность управления через систему взаимосвязанных экологических и социальных критериев [5]. Данный подход позволяет критически оценить действующую российскую модель стратегического планирования.

С развитием цифровых технологий, возникает проблема цифровизации государственного управления в сфере охоты и сохранения охотничьих ресурсов. В юридической литературе справедливо отмечается, что внедрение цифровых технологий в экологическое управление создает дополнительные возможности для учета, мониторинга, анализа и контроля, однако само по себе не гарантирует повышения эффективности публичного управления [6, с. 607]. Тем самым, цифровая система приобретает правовое значение лишь в

том случае, если содержащиеся в ней сведения используются не формально [7, с. 49], а становятся основанием для принятия, изменения или отмены конкретных управленческих решений. В противном случае цифровизацию следует свести преимущественно к техническому накоплению информации [8, с. 14]. Подобная модель не обеспечивает достижение целей государственного управления в рассматриваемой сфере. Это обусловлено тем, что данные учета охотничьих ресурсов не трансформируются в юридически значимые управленческие решения, включая корректировку лимитов добычи, изменение охотхозяйственных мероприятий и усиление контрольно-надзорных мер. Следовательно, ключевым недостатком такой модели является не отсутствие цифровых инструментов, а отсутствие нормативно закреплённой связи между результатами мониторинга и последующими правовыми последствиями. Следовательно, проблема заключается не в отсутствии информации о состоянии охотничьих ресурсов, а в отсутствии нормативной связи между результатами мониторинга и последующими управленческими решениями. Полученные данные не становятся основанием для корректировки стратегических документов. Это ограничивает возможности адаптивного государственного управления.

Выявленные недостатки позволяют обратиться к зарубежному опыту, где аналогичные проблемы решаются посредством иных правовых механизмов. Их анализ необходим не для прямого заимствования, а для определения подходов, которые могут быть адаптированы к российской системе стратегического планирования. Так, J. None, указывает, что эффективное управление дикой природой должно быть не только результативным и экономически обоснованным, но и восприимчивым к данным о последствиях принимаемых мер, получаемым посредством мониторинга [9, с. 49]. Фиксация динамики численности популяций диких животных в рамках государственного мониторинга не обеспечивает установление причин их изменения. Это обусловлено тем, что статистические данные отражают лишь количественные изменения состояния объектов животного мира во времени [10, с. 331]. При этом они не позволя-

ют установить юридически значимые основания таких изменений, включая управленческие решения уполномоченных органов, природно-климатические факторы, миграционные процессы либо иные объективные обстоятельства. В связи с этим оценка эффективности государственного управления в сфере охоты должна строиться не только на статистическом учете состояния популяций [11, с. 1287], но и на выявлении причинно-следственной связи между применяемыми мерами государственного воздействия и достигнутыми результатами. Следовательно, для повышения эффективности цифрового мониторинга в сфере охоты необходимо нормативно закрепить обязанность уполномоченных органов использовать результаты цифрового учета при планировании, корректировке и оценке охотхозяйственных мероприятий.

Важное значение для выработки предложений по совершенствованию стратегического планирования в сфере охоты имеет анализ зарубежного опыта государственного управления в сфере охоты [12, с. 139]. Безусловно, особенности правовых систем, природно-климатических условий и организационных моделей управления не позволяют рассматривать зарубежные подходы в качестве объектов прямого заимствования [13, с. 445]. Вместе с тем их исследование позволяет выявить отдельные правовые механизмы, способные повысить эффективность стратегического планирования в российской правовой системе.

Так, в США и Канаде развитие системы управления объектами животного мира традиционно основывается на принципах научной обоснованности принимаемых решений, адаптивного управления и участия заинтересованных лиц в выработке управленческих решений [14, с. 445]. Особое значение придается не только оценке конечных результатов реализации государственной политики, но и анализу качества самого процесса принятия решений [15, с. 445]. Такой подход позволяет оценивать эффективность государственного управления комплексно, исключая ситуации, при которых достижение отдельных количественных показателей формально свидетельствует об успешности реализуемой политики [16, с. 445], несмотря

на наличие существенных недостатков в механизмах управления. Представляется, что данный подход целесообразно воспринять для российской системы стратегического планирования в сфере охоты [17, с. 445]. В настоящее время эффективность реализации стратегических документов оценивается преимущественно через достижение отдельных целевых показателей. Однако такой подход не всегда позволяет установить, насколько обоснованными являлись принятые управленческие решения, насколько полно учитывались данные мониторинга охотничьих ресурсов.

Отдельного внимания заслуживает опыт Австралии и ряда африканских государств [18, с. 445], в которых развитие механизмов управления природными ресурсами связано с расширением участия местного населения в процессах использования и охраны объектов животного мира. Практика *community-based natural resource management* означает [19, с. 445], что привлечение местного населения в процессы управления природными ресурсами способно повысить эффективность мер по охране объектов животного мира, снизить масштабы противоправного природопользования и сформировать дополнительные экономические и социальные стимулы к сохранению биологического разнообразия. Одновременно, зарубежный опыт показывает [20, с. 445], что эффективность таких механизмов обусловлена наличием надлежащего нормативно-правового регулирования, эффективной системы государственного контроля (надзора), прозрачных процедур принятия решений и справедливого распределения экономических выгод, возникающих в связи с использованием природных ресурсов. При отсутствии указанных условий участие местных сообществ не обеспечивает достижение целей устойчивого использования и сохранения объектов животного мира.

В этой связи представляется обоснованным вывод о необходимости дальнейшего развития механизмов участия заинтересованных субъектов в процессе стратегического планирования в сфере охоты. При разработке и реализации стратегических документов должны учитываться не только интересы органов государственной власти

и охотпользователей, но также мнение местного населения. Такой подход соответствует современным тенденциям развития экологического права [21, с. 175] и способствует повышению легитимности и эффективности принимаемых управленческих решений.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что выявленные проблемы тесно связаны между собой. Каждая из них отражает недостатки действующей модели стратегического планирования. Поэтому предлагаемые изменения дополняют друг друга и должны реализовываться комплексно. Это позволит повысить эффективность государственного управления в сфере охоты.

1. В результате исследования установлено, что Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» не устанавливают правового механизма использования результатов государственного мониторинга при пересмотре документов стратегического планирования в сфере охоты. Анализ действующего законодательства показал, что обязательная связь между государственным мониторингом и актуализацией стратегических документов отсутствует. Для устранения этого пробела предлагается дополнить Федеральный закон № 209-ФЗ нормой, возлагающей на Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации обязанность инициировать пересмотр Стратегии развития охотничьего хозяйства Российской Федерации при существенном изменении состояния охотничьих ресурсов. Одновременно следует установить обязанность уполномоченных органов субъектов Российской Федерации актуализировать региональные документы стратегического планирования с учетом результатов государственного мониторинга не реже одного раза в пять лет.

2. Выявлено, что действующая система оценки эффективности государственного управления в сфере охоты основана главным образом на количественных показателях. Такой подход не позволяет

объективно оценить достижение экологических целей и результаты природоохранной деятельности. В ходе исследования разработана система экологических индикаторов эффективности. Она включает показатели состояния местообитаний, численности охотничьих ресурсов, уровня незаконной добычи и результативности государственного охотничьего надзора. Обосновано, что указанные индикаторы необходимо закрепить в Стратегии развития охотничьего хозяйства Российской Федерации в качестве обязательных критериев оценки ее реализации. Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации следует использовать их при подготовке ежегодного отчета о реализации Стратегии и принятии решений о ее корректировке.

3. Исследование показало, что стратегическая экологическая оценка документов стратегического планирования в сфере охоты законодательно не урегулирована. При этом такие документы определяют долгосрочные управленческие решения, влияющие на состояние объектов животного мира и их местообитаний. Следовательно, действующее правовое регулирование нуждается в дополнении соответствующим механизмом. Сравнительно-правовой анализ показал, что стратегическая экологическая оценка является обязательным элементом стратегического планирования во многих зарубежных государствах. В российском законодательстве такой механизм отсутствует. В связи с этим предлагается дополнить Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» нормами о проведении стратегической экологической оценки проектов документов стратегического планирования в сфере охоты. Организацию оценки целесообразно отнести к полномочиям Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Ее результаты должны учитываться Правительством Российской Федерации при утверждении соответствующих документов.

Полученные результаты развивают научные представления о правовом регулировании стратегического планирования в сфере охоты. Они могут быть использованы при подготовке изменений в

законодательство, разработке документов стратегического планирования и совершенствовании практики государственного управления охотничьими ресурсами. Исследование показало, что существующие показатели не позволяют объективно оценить эффективность государственной политики. Следовательно, требуется единая система экологических индикаторов. Ее применение обеспечит объективную оценку результатов реализации стратегии.

Список литературы

1. Галиновская, Г. А., & Пономарев, М. В. (2021). Стратегическое планирование в природоресурсной сфере: правовые аспекты. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, (2), 65–86. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.2.65.86>. EDN: <https://elibrary.ru/CFOTKM>
2. Выпханова, Г. В. (2022). Актуальные направления и проблемы реализации документов стратегического планирования в области экологического развития. *Транспортное право и безопасность*, (2), 236–248. EDN: <https://elibrary.ru/OMJOEI>
3. Жаворонкова, Н. Г., & Выпханова, Г. В. (2020). Правовые проблемы стратегирования в экологическом праве. *Lex russica*, (1), 28–42. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.158.1.028-042>. EDN: <https://elibrary.ru/YBBNBB>
4. Данилкин, А. А. (2022). О современном состоянии охотничьего хозяйства России: развитие... или застой? *Вестник охотоведения*, 19(4), 178–184. EDN: <https://elibrary.ru/YYPUZH>
5. PBES. (2022). *Thematic assessment report on the sustainable use of wild species*. IPBES Secretariat.
6. Власенко, В. Н., & Широбоков, А. С. (2021). Цифровизация государственного экологического управления: правовые аспекты. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*, 25(2), 601–619. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-2-601-619>. EDN: <https://elibrary.ru/URDIAQ>
7. Заславская, Н. М. (2024). Пределы цифровизации государственного экологического управления. *Правовое государство: теория и практика*, 20(4), 44–54. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.4.6>. EDN: <https://elibrary.ru/SCJSUM>
8. Брославский, Л. И. (2021). Благоприятная окружающая среда как правовая категория. *Экологическое право*, (2), 11–17. <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2021-2-11-17>. EDN: <https://elibrary.ru/IMKKHN>
9. Hone, J., Drake, V. A., & Krebs, C. J. (2023). Evaluation options for wildlife management and strengthening of causal inference. *BioScience*, 73, 48–58. <https://doi.org/10.1093/biosci/biac105>. EDN: <https://elibrary.ru/LWNBMW>

10. Данилкин, А. А., & Савельев, А. П. (2024). «Стратегия устойчивой охоты в Польше до 2030 года с перспективой до 2035 года»: четкий путь в будущее. *Вестник охотоведения*, 21(4), 326–336. EDN: <https://elibrary.ru/ULVMBM>
11. Жаворонкова, Н. Г., & Шпаковский, Ю. Г. (2016). Экологическая безопасность в системе стратегического планирования Российской Федерации. *Lex Russica*, (6), 170–183. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.115.6.170-183>. EDN: <https://elibrary.ru/WYMHYP>
12. Горохова, С. С. (2018). О развитии системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики в контексте стратегии экономической безопасности России на период до 2030 года. *Безопасность бизнеса*, (1), 12–17. EDN: <https://elibrary.ru/YLVGCC>
13. Manfredo, M. J., Teel, T. L., Don Carlos, A. W., Sullivan, L., Bright, A. D., Dietsch, A. M., & Bruskotter, J. T. (2021). Social value shift in favour of biodiversity conservation in the United States. *Nature Sustainability*, 4, 323–330. <https://doi.org/10.1038/s41893-020-00655-6>. EDN: <https://elibrary.ru/XQZITZ>
14. Hessami, M. A., Bowles, E., Popp, J. N., & Ford, A. T. (2021). Indigenizing the North American model of wildlife conservation. *FACETS*, 6(1), 1285–1306. <https://doi.org/10.1139/facets-2020-0088>. EDN: <https://elibrary.ru/CSHJTY>
15. Henderson, C. D., Gigliotti, L. M., & Miller, C. A. (2021). Stakeholder support for wildlife conservation funding policies. *Frontiers in Conservation Science*, 2, Article 767413. <https://doi.org/10.3389/fcosc.2021.767413>. EDN: <https://elibrary.ru/LBBCXZ>
16. Duda, M. D., et al. (2022). The precarious position of wildlife conservation funding in the United States. *Human Dimensions of Wildlife*, 27(2), 164–172. <https://doi.org/10.1080/10871209.2021.1904307>. EDN: <https://elibrary.ru/KKJFDW>
17. Jones, M. S. (2024). Integrating the human dimensions into fish and wildlife management depends on increasing managers' social science fluency. *Human Dimensions of Wildlife*, 30(4), 442–449. <https://doi.org/10.1080/10871209.2024.2301965>
18. Henderson, C. D., Gigliotti, L. M., & Miller, C. A. (2021). Stakeholder support for wildlife conservation funding policies. *Frontiers in Conservation Science*, 2, Article 767413. <https://doi.org/10.3389/fcosc.2021.767413>. EDN: <https://elibrary.ru/LBBCXZ>
19. Nie, M. (2004). State wildlife policy and management: The scope and bias of political conflict. *Public Administration Review*, 64(2), 221–233. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2004.00363.x>. EDN: <https://elibrary.ru/FMFZNR>
20. Manfredo, M. J., Salerno, J., Sullivan, L., & Berger, J. (2019). For U.S. wildlife management, social science needed now more than ever. *BioScience*, 69(12), 960–961.
21. Афиногенов, Д. А., & Воронин, В. В. (2014). Роль документов стратегического планирования: правовые аспекты. *Государственная власть и местное самоуправление*, (2), 13–17. EDN: <https://elibrary.ru/RWQJWN>

References

1. Galinovskaya, G. A., & Ponomarev, M. V. (2021). Strategic planning in the natural resources sector: Legal aspects. *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, (2), 65–86. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.2.65.86>. EDN: <https://elibrary.ru/CFOTKM>
2. Vypkhanova, G. V. (2022). Current directions and problems of implementing strategic planning documents in the field of environmental development. *Transport Law and Security*, (2), 236–248. EDN: <https://elibrary.ru/OMJOEI>
3. Zhavoronkova, N. G., & Vypkhanova, G. V. (2020). Legal problems of strategizing in environmental law. *Lex Russica*, (1), 28–42. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.158.1.028-042>. EDN: <https://elibrary.ru/YBBNBB>
4. Danilkin, A. A. (2022). On the current state of Russia's hunting industry: Development... or stagnation? *Bulletin of Game Studies*, 19(4), 178–184. EDN: <https://elibrary.ru/YYPUZH>
5. PBES. (2022). Thematic assessment report on the sustainable use of wild species. IPBES Secretariat.
6. Vlasenko, V. N., & Shirobokov, A. S. (2021). Digitalization of state environmental governance: Legal aspects. *RUDN Journal. Series: Legal Sciences*, 25(2), 601–619. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-2-601-619>. EDN: <https://elibrary.ru/URDIAQ>
7. Zaslavskaya, N. M. (2024). Limits of digitalization in state environmental governance. *Rule of Law: Theory and Practice*, 20(4), 44–54. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.4.6>. EDN: <https://elibrary.ru/SCJSUM>
8. Broslavsky, L. I. (2021). A favourable environment as a legal category. *Environmental Law*, (2), 11–17. <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2021-2-11-17>. EDN: <https://elibrary.ru/IMKKHN>
9. Hone, J., Drake, V. A., & Krebs, C. J. (2023). Evaluation options for wildlife management and strengthening of causal inference. *BioScience*, 73, 48–58. <https://doi.org/10.1093/biosci/biac105>. EDN: <https://elibrary.ru/LWNBMW>
10. Danilkin, A. A., & Savelyev, A. P. (2024). “The sustainable hunting strategy in Poland until 2030 with a perspective until 2035”: A clear path to the future. *Bulletin of Game Studies*, 21(4), 326–336. EDN: <https://elibrary.ru/ULVMBM>
11. Zhavoronkova, N. G., & Shpakovsky, Y. G. (2016). Environmental security in the strategic planning system of the Russian Federation. *Lex Russica*, (6), 170–183. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.115.6.170-183>. EDN: <https://elibrary.ru/WYMHYP>
12. Gorokhova, S. S. (2018). On the development of the system of public administration, forecasting and strategic planning in the economic sphere in the context of Russia's economic security strategy for the period up to 2030. *Business Security*, (1), 12–17. EDN: <https://elibrary.ru/YLVGCC>

13. Manfredo, M. J., Teel, T. L., Don Carlos, A. W., Sullivan, L., Bright, A. D., Dietsch, A. M., & Bruskotter, J. T. (2021). Social value shift in favour of biodiversity conservation in the United States. *Nature Sustainability*, 4, 323–330. <https://doi.org/10.1038/s41893-020-00655-6>. EDN: <https://elibrary.ru/XQZITZ>
14. Hessami, M. A., Bowles, E., Popp, J. N., & Ford, A. T. (2021). Indigenizing the North American model of wildlife conservation. *FACETS*, 6(1), 1285–1306. <https://doi.org/10.1139/facets-2020-0088>. EDN: <https://elibrary.ru/CSHJTY>
15. Henderson, C. D., Gigliotti, L. M., & Miller, C. A. (2021). Stakeholder support for wildlife conservation funding policies. *Frontiers in Conservation Science*, 2, Article 767413. <https://doi.org/10.3389/fcosc.2021.767413>. EDN: <https://elibrary.ru/LBBCXZ>
16. Duda, M. D., et al. (2022). The precarious position of wildlife conservation funding in the United States. *Human Dimensions of Wildlife*, 27(2), 164–172. <https://doi.org/10.1080/10871209.2021.1904307>. EDN: <https://elibrary.ru/KKJFDW>
17. Jones, M. S. (2024). Integrating the human dimensions into fish and wildlife management depends on increasing managers' social science fluency. *Human Dimensions of Wildlife*, 30(4), 442–449. <https://doi.org/10.1080/10871209.2024.2301965>
18. Henderson, C. D., Gigliotti, L. M., & Miller, C. A. (2021). Stakeholder support for wildlife conservation funding policies. *Frontiers in Conservation Science*, 2, Article 767413. <https://doi.org/10.3389/fcosc.2021.767413>. EDN: <https://elibrary.ru/LBBCXZ>
19. Nie, M. (2004). State wildlife policy and management: The scope and bias of political conflict. *Public Administration Review*, 64(2), 221–233. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2004.00363.x>. EDN: <https://elibrary.ru/FMFZNR>
20. Manfredo, M. J., Salerno, J., Sullivan, L., & Berger, J. (2019). For U.S. wildlife management, social science needed now more than ever. *BioScience*, 69(12), 960–961.
21. Afinogenov, D. A., & Voronin, V. V. (2014). The role of strategic planning documents: Legal aspects. *State Power and Local Self-Government*, (2), 13–17. EDN: <https://elibrary.ru/RWQJWN>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Иванова Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публично-правовых наук; профессор кафедры «Гражданское право» *Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*; *Донской государственный технический университет* ул. Комсомольская, 50, г. Оренбург, 460000, Российская Федерация; п. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344003, Российская Федерация servis-05@list.ru

Рыбак Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой

«Гражданское право»

Донской государственный технический университет

пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344003, Российская Федерация

svetoch_2504@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR(S)

Svetlana V. Ivanova, Doctor of Law, Associate Professor, Chair of the Department of

Public Law; Professor in the Department of Civil Law

Orenburg Institute (Branch) of O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy); Don State Technical University

50, Komsomolskaya Str., Orenburg, 460000, Russian Federation; 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation

servis-05@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9723-0990>

Svetlana V. Rybak, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chair of the Department of Civil Law

Don State Technical University

1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation

svetoch_2504@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7280-867X>

Поступила 28.05.2026

После рецензирования 20.06.2026

Принята 26.06.2026

Received 28.05.2026

Revised 20.06.2026

Accepted 26.06.2026

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-2-274

EDN: BQCBAQ

УДК 347.6

Крепкая семья как традиционная ценность российского государства: историко-правовой аспект

А.В. Карева

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
Рязань, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Сохранение и укрепление общероссийской гражданской идентичности является одной из важнейших задач государственной политики Российской Федерации. Ее формирование предполагает обращение к традиционным духовно-нравственным ценностям, среди которых институт семьи занимает центральное место. В условиях глобальных социальных трансформаций, на фоне ценностных различий между Россией и Западом, где преобладают либеральные модели (индивидуализм, секуляризация, признание различных форм семейных союзов), возникает необходимость осмысления и защиты собственного духовного и правового наследия. О. Шпенглер еще столетие назад предупреждал о рисках, связанных с отрицанием традиционных институтов. В связи с этим возникает необходимость в историко-правовом анализе становления отечественной семьи и ее законодательного регулирования. Тем более, что сегодня Россия сталкивается с острыми социальными проблемами: высокий уровень разводов, низкая рождаемость, ослабление межпоколенческой связи. Данные проблемы требуют обращения к историческому опыту, правовым механизмам, которые веками поддерживали семью, обеспечивали ее стабильность и репродуктивную функцию. Эти знания позволят выработать эффективную государственную семейную политику и объяснить, почему в России сохраняется высокая устойчивость традиционной модели семьи. Именно поэтому ретроспективный анализ института семьи становится не только академической, но и практической задачей, от решения которой зависит сохранение преемственности поколений и укрепление общероссийской гражданской идентичности.

Объектом исследования является институт семьи и брака в России как правовой, социальный и ценностный феномен, рассматриваемый в его исторической

динамике от обычного права восточных славян до современного семейного законодательства и конституционных положений.

Цель. Провести комплексный историко-правовой анализ эволюции института семьи и брака в России от догосударственного периода до современности, определить его роль как фундаментальной традиционной ценности и опоры российского государства и общества на всех этапах развития и особенно в контексте изменений, происходящих в мире на фоне цивилизационного конфликта с либеральным Западом и демографических проблем России.

Методология проведения работы. Исследование основано на анализе отечественных правовых памятников, современных нормативных правовых актов и стратегических документов РФ, трудов отечественных и зарубежных ученых. В работе использованы историко-правовой, сравнительно-правовой и системный методы.

Результаты. Прослежена трансформация семейно-брачных отношений, сначала регулируемых обычным правом, затем после Крещения Руси, долгое время находящихся под покровительством церкви и постепенно получивших светское регулирование. Обоснована преемственность отечественного семейного права, ориентированного на поддержание крепкой традиционной семьи. Установлено, что на всех этапах государство (длительное время совместно с церковью) стремилось сохранить и укрепить моногамную патриархальную семью, обеспечивающую репродуктивную функцию и стабильность. Современная Россия придерживается консервативного курса, закрепляя на конституционном уровне союз мужчины и женщины как единственно возможный, сохраняя преемственность с дореволюционными и советскими подходами при ведущей роли государства в регистрации брака.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской и образовательной деятельности по истории государства и права, семейному праву. В программах повышения квалификации судей, работников ЗАГС, органов опеки, государственных и муниципальных служащих, ответственных за реализацию семейной и демографической политики - для формирования системного понимания семьи как правового и ценностного феномена. Практическая значимость работы заключается в возможности ее применения при разработке и совершенствовании государственной семейной политики и законодательства. В законотворческой деятельности в качестве критерия оценки законопроектов на предмет их совместимости с исторически сложившейся отечественной правовой традицией; в правоприменительной сфере для обоснованного толкования понятие «традиционные семейные ценности», «традиционная семья»; в экспертной деятельности при подготовке заключений на законопроекты в сфере семьи, детства.

Ключевые слова: Россия; семья; семейно-брачные отношения; традиционные ценности; преемственность; консервативный курс; государство; православие

Для цитирования. Карева, А. В. (2026). Крепкая семья как традиционная ценность российского государства: историко-правовой аспект. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(2), 40-73. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-274>

A strong family as a traditional value of the Russian state: historical and legal aspect

A.V. Kareva

Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation

Abstract

Background. Preserving and strengthening a pan-Russian civic identity is one of the most important tasks of the Russian Federation's state policy. Its formation presupposes an appeal to traditional spiritual and moral values, among which the institution of the family occupies a central place. In the context of global social transformations, against the backdrop of value differences between Russia and the West, where liberal models (individualism, secularization, recognition of various forms of family unions) predominate, there is a need to understand and protect our own spiritual and legal heritage. A century ago, O. Spengler warned of the risks associated with the denial of traditional institutions. In this regard, there is a need for a historical and legal analysis of the development of the Russian family and its legislative regulation. Moreover, today Russia faces pressing social problems: high divorce rates, low birth rates, and weakening intergenerational bonds. These issues require an examination of historical experience and the legal mechanisms that have supported families for centuries, ensuring their stability and reproductive function. This knowledge will enable the development of effective state family policy and explain why the traditional family model remains so resilient in Russia. This is why a retrospective analysis of the institution of the family is becoming not only an academic, but also a practical task, the solution to which will determine the preservation of the continuity of generations and the strengthening of the all-Russian civic identity.

The object of the study is the institution of family and marriage in Russia as a legal, social and value phenomenon, considered in its historical dynamics from the customary law of the Eastern Slavs to modern family legislation and constitutional provisions.

Purpose. The objective of this study is to conduct a comprehensive historical and legal analysis of the evolution of the institution of family and marriage in Russia from the pre-state period to the present day. Furthermore, it aims to determine its role as a fundamental traditional value and a pillar of the Russian state and society across all historical stages, particularly in the context of contemporary global transformations driven by the civilizational conflict with the liberal West and demographic problems of Russia.

Methodology. The study is based on an analysis of historical Russian legal texts, contemporary regulatory acts, and strategic documents of the Russian Federation, alongside the works of domestic and foreign scholars. The research utilizes historical-legal, comparative-legal, and systemic methods.

Results. The text traces the transformation of family and marital relations, which were initially regulated by customary law, then placed under the long-standing patronage of the church following the Baptism of Rus', and gradually subjected to secular regulation. It substantiates the continuity of Russian family law, which remains oriented toward maintaining a healthy a strong traditional family. The study establishes that at all historical stages, the state – often in conjunction with the church – sought to preserve and strengthen the monogamous patriarchal family to ensure stability and reproductive function. Modern Russia adheres to a conservative course, constitutionally defining marriage strictly as a union between a man and a woman. This approach maintains continuity with both pre-revolutionary and Soviet traditions, emphasizing the leading role of the state in marriage registration.

Practical implications. The findings of this study can be applied to research and teaching in the history of state and law, as well as family law. In professional development programs for judges, civil registry office employees, guardianship authorities, and state and municipal officials responsible for implementing family and demographic policies, this approach aims to foster a systemic understanding of the family as both a legal and value-based phenomenon. The practical significance of this work lies in its potential to shape and improve state family policy and legislation. This approach serves as a key criterion in legislative activity for assessing whether draft laws are compatible with historically established national legal traditions. Furthermore, in the sphere of law enforcement, it enables a reasoned interpretation of 'traditional family values' and the 'traditional family,' while in expert activity, it supports the preparation of opinions on draft laws concerning family and childhood.

Keywords: Russia; family; family and marital relations; traditional values; continuity; conservative course; state; Orthodoxy

For citation. Kareva, A. V. (2026). A strong family as a traditional value of the Russian state: historical and legal aspect. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(2), 40-73. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-274>

Введение

Обращение к традиционным ценностям в современной российской государственной политике вызвано необходимостью обеспечения устойчивого развития, укрепления суверенитета и национального самосознания. В условиях усиливающегося внешнего культурного и информационного воздействия, а также дискуссий о соотношении

либеральных и консервативных ценностей, сохранение и передача духовного наследия становится актуальной задачей. В противном случае нарастает угроза размывания идентичности и ослабления межпоколенческой связи.

В западной общественной мысли и социальной практике получили распространение либеральные модели, подчеркивающие приоритет индивидуальных прав и свобод, в том числе в сфере семейных отношений. К ним относятся: признание однополых союзов, упрощенные процедуры развода, снижение рождаемости как следствие изменения репродуктивных установок, которые противостоят не только божественным заповедям, но и законам природы, предписывающим заводить детей, заботиться о них, воспитывать. Однако типичный европеец воспринимает рождение и воспитание детей в качестве досадной помехи на пути личностной самореализации [10, с. 110–111], что указывает на деградацию традиционных социальных институтов. Вместе с тем следует признать, что в западном академическом дискурсе существуют и альтернативные оценки, рассматривающие либеральные реформы семейного права как возможность гибкого регулирования семейных отношений исходя из приоритета индивидуализма, права на самореализацию и личный выбор, что позволяет увеличить индивидуальную автономию и адаптироваться к новым социальным реалиям. Это проявляется в выборе модели семейных отношений, повышении равенства супругов, расширении прав и возможностей членов семьи. В рамках либерализации семейного права в Германии в 1976 г. был принят Первый закон о реформе брачного и семейного права, который утвердил модель брака, основанного на партнерстве, а не на подчинении, исключила нормы о разделении семейных обязанностей. До этого в Германии действовало правило «трех К»: «Kinder, Küche, Kirche» (дети, кухня, церковь) – представление о роли женщины в консервативной системе ценностей.

В России деформационные процессы, затронувшие семью, выразились в конкретных цифрах. С 1990 по 2024 г. доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, выросла с 13% до почти

24%. Средний возраст вступления в первый брак увеличился на 5–7 лет. Число домохозяйств, состоящих из одного человека, по данным переписи 2021 г., превысило 25% [32; 29]. Эти статистические данные стали следствием ценностного сдвига, который возможно осознать только на основе анализа российского права, которое на протяжении веков формировало, защищало институт семьи.

В ответ на распространение либеральных моделей в государственной политике и правовой доктрине России подчеркивается значение духовного наследия, культурных и религиозных устоев [2, с. 16]. Защита и поддержание традиционных ценностей, включая семейные, рассматривается в стратегических документах РФ (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809) как составная часть обеспечения национальной безопасности. Пренебрежение этими ценностями неминуемо провоцирует бездуховность и равнодушие, что деструктивно сказывается на государстве, обществе, личности [31, с. 211].

Как отмечается в современной литературе, на протяжении большей части российской истории семья и семейные ценности сохраняли высокий статус, что подтверждает анализ правовых памятников и документов [18; 35]. При этом от этапа к этапу характер семьи и ее правовое регулирование существенно менялись: от большой патриархальной семьи до малой простой, от церковного брака до светского, от фактического запрета развода до его легализации.

Сегодня борьба за будущее превращается в борьбу за человека. России чужд западно-индивидуалистический, бездуховный вектор движения, нацеленный на освобождение человека от всяких ограничений и авторитетов. Наша страна должна следовать своим путем, в соответствии с русской традицией и духовно-нравственными ориентирами. Это позволяет утверждать, что вся отечественная история – это борьба за традицию, за возможность жить в соответствии с русским менталитетом [3], формирующим особые взаимоотношения, основанные на взаимопомощи, справедливости, милосердии, великодушии [35, с. 12], центром которых являлась и является семья.

В настоящее время российское общество особенно внимательно и бережно относится к институту семьи, причем семьи крепкой,

традиционной. Именно семья имеет самые древние корни, наиболее устойчивые и давние основания, что требует обращения к истории семьи, семейных отношений, определения ее роли в системе социальных связей и анализа эволюции законодательного регулирования данной сферы. По мнению В.И. Байтуганова, в настоящее время традиции возвращаются к нам. Для их наиболее полного и первоначального возрождения следует чаще обращаться к отечественной истории, духовному наследию нашего народа. Научиться принимать свою самобытность можно только с опорой на прошлое. Это необходимо для лучшего понимания того, как жить, как воспитывать детей, какими ценностями руководствоваться. Установки, истины, идеалы, простые и понятные для русского человека 200-300 лет назад, сегодня для многих становятся откровениями [5, с. 9]. Все это делает ретроспективный анализ института семьи и семейного законодательства еще более востребованным.

При этом важен не сам по себе исторический опыт, а его способность объяснять настоящее и предлагать адекватные решения. Например, норма Русской Правды, заменившая кровную месть денежным возмещением, была направлена не на абстрактную гуманизацию, а на выживание семьи кормильца в трудной ситуации. Сегодня, в условиях увеличения разводов и алиментной задолженности, исторический анализ становится более чем востребованным, позволяя установить, что право веками выполняло главную функцию - сохранение семьи как хозяйственного и репродуктивного единства, а не только формального союза.

В ситуации повышенного внимания к семье, ее традиционным идеалам и ценностям, к семейному укладу, который в нашей стране отличается преемственностью, крепкой связью поколений, тем более важно погрузиться в историю данного института. Наследие прошлого продолжает существовать в настоящем благодаря преемственности [1, с. 33]. Эволюция отечественного института семьи и брака находится в центре внимания современных исследователей в сфере истории права и семейного права, что во многом объясняется возросшим интересом к изучению системы традиционных ценностей,

среди которых важнейшую позицию занимает семья. Актуальность данной проблематики связана не только с обострением международной обстановки, санкционной политикой Запада, усиливающего свое идеологическое воздействие через распространение либеральных ценностей. Значение подобных исследований возрастает в условиях ценностного разлома и демографических вызовов современной России (снижение рождаемости, старение населения, сокращение численности населения), так как это позволит понять особенности трансформации института семьи, его влияния на воспроизводство населения для выявления путей решения проблемы.

Российские граждане, между тем, придают большое значение духовному наследию общества, в связи с чем интерес представляют данные опросов ВЦИОМ о традиционных ценностях. Главной жизненной целью россияне считают создание счастливой семьи - 56%. Большинство высказываются за сохранение традиционных семейных ценностей, культуры материнства и отцовства, поддержку многодетности (84%). Под традиционными ценностями россияне подразумевают крепкую семью (51%), а в качестве идеальной семьи называют традиционную семью (84%), причем девять из десяти считают, что в семье должны быть дети (89%) [26].

В последнее время многие ученые посвящают свои работы формированию традиционных духовно-нравственных ценностей, выделяя семейные ценности как наиболее важные и значимые, среди них С.А. Дятлов, А.В. Карева [11; 18]. Особый интерес представляет исследование О.Н. Хужиной, раскрывающее особенности становления и развития нравственных ценностей в истории права с возникновения Древнерусского государства до Российской империи. Обращаясь к текстам правовых памятников, автор выявляет в них проявление традиционных ценностей, подчеркивая огромную роль православной веры в эволюции государства, права, духовных идеалов общества, а также института семьи, ценностное восприятие которого было заложено православием [30]. С.В. Ковалев, исследуя различные периоды эволюции отечественного семейного права, особое внимание уделяет анализу правовых норм, принятых на на-

чальных этапах истории отечественного государства [19]. В работе С.В. Омелянчук раскрываются отношение церкви к семье и браку, анализируется постепенный процесс формирования представлений о данных институтах в обществе [23].

Отдельные работы посвящены ранним этапам становления семейно-брачных отношений и формирования основ семейного законодательства. В частности, С.К. Жилиева и А.А. Максимова анализируют разные способы заключения брака в дохристианской Руси, указывая, что уже в то время важным считалось юридическое подтверждение законности заключаемого брака, в качестве которых рассматривались свадебные обряды и традиции [13]. О.В. Иншаков рассматривает изменение норм Русской Правды, отражающих осознание возрастающей роли семьи как основы общества и государства и ключевого фактора укрепления Руси [17]. Н.С. Нижник свою работу посвящает вопросам формирования представлений о браке и безбрачии в Московии, отмечая характерное для того времени отношение к браку как священному долгу [22].

Особенностям правового регулирования семейно-брачных отношений в советскую эпоху посвящены работы А. Г. Вишневого, А.А. Жилиевой, С.В. Захарова, В.А. Зуева, В.А. Мун, А.А. Терениченко, К.Э. Шахназарян [6; 7; 12; 15; 16; 21; 28; 32]. Начальные этапы истории советского семейного права получили освещение в работах А.А. Жилиевой и К.Э. Шахназарян, которые отмечают противоречивость и непоследовательность радикальной семейной политики новой власти [13; 32]. В.А. Мун анализирует принципы советского права, закрепленные в нормах законодательства, а также их постепенное изменение [21]. В.А. Зуев, исследуя причины кризисных явлений в семейных отношениях в XX в., утверждает, что превращение женщин в полноценную часть общества уравнивало женщин с мужчинами, изменив характер семейных отношений и образ жизни семьи [16]. А.А. Терениченко, рассуждая о перспективах и судьбах семейных отношений в условиях современного культурного кризиса, убежден, что в России именно семья может ему противостоять [28]. К.Э. Шахназарян и В.А. Мун отмечают определенную

преемственность советского семейного права с предыдущими этапами, несмотря на отказ от дореволюционной традиции (приоритет интересов ребенка, обязательная регистрация брака).

Э.Г. Юзиханова, С.В. Смелова, отмечая важность морально-нравственных основ, воплощенных в традиционных ценностях, доказывают роль семьи в их формировании, что вызывает необходимость ее обязательной защиты на государственном уровне [35]. О необходимости законодательной защиты семьи указывается в работе В.А. Мун, где данный опыт исследуется в контексте исторического анализа института семьи, начиная с советского периода до конституционных реформ 2020 г. Н.В. Летова раскрывает значение семейных ценностей для формирования духовно-нравственной основы общества, которые в условиях враждебного воздействия чуждых идеологий, направленных на разрушение семейных ценностей, требуют особой защиты и охраны государства [20]. Н.А. Вялых, Рубцова С.П. посвятили свои работы особенностям процесса трансформации семьи в современной России, его причинам и способам преодоления [8; 25].

Наряду с консервативной концепцией в научной литературе представлены и иные подходы к оценке эволюции семьи, семейных отношений и семейного законодательства. Некоторые исследователи рассматривают либерализацию семейного права в XX в. (упрощение процедуры заключения и расторжения брака, легализация фактических брачных отношений, отказ от сакральности отношений между мужчиной и женщиной, признание внебрачных детей, равноправие супругов) как неизбежный и конструктивный процесс, расширяющий самостоятельность личности и защищающий права женщин и детей. С.А. Захаров в качестве положительной тенденции на рубеже XIX-XX вв. оценивает повышение брачного возраста и формирование семьи в более зрелые годы, взвешенное планирование беременностей, сокращение количества ранних браков [15]. А.Г. Вишневский уверен, что изменение семейных ценностей - следствие модернизационных перемен, охвативших всю область семейных отношений, в результате чего к концу XX в. массовая российская семья перестает быть

классической семьей с тысячелетней историей. Для новой семьи главным является не «внешний» контроль (со стороны государства), а внутренний контроль, который, являясь преимуществом, не только расширяет свободу индивидуального выбора человека в личной жизни, но и повышает саморегулирование всего общества [6]. Т.В. Закирова и З.Ю. Переселкова, признавая масштабность изменений российской семьи и либерализацию семейных ценностей, позитивно оценивают данный процесс, рассматривая либерализацию как фактор обогащения семейных отношений, которые могут предстать в роли субъекта либеральной экономической модели. В качестве конструктивного примера для заимствования авторы приводят опыт азиатских либеральных обществ, где семейные ценности включены в рыночные отношения (Япония, Южная Корея) [14].

Обращение к альтернативным мнениям и оценкам не отменяет ценности историко-правового анализа семьи и брака, но позволяет сформировать целостное представление о происходящих в этой сфере процессах.

Несмотря на многочисленные работы по истории семьи, комплексное историко-правовое исследование, охватывающее эволюцию института семьи от догосударственной Руси до конституционных реформ 2020 г. как единый процесс отсутствует. Данная работа предлагает такую периодизацию и обосновывает устойчивость патриархальной моногамной модели как основополагающего элемента российской правовой традиции.

Новизна работы состоит в исследовании эволюции российской семьи и брака как единого преемственного процесса и выявлении неизменных правовых принципов, которые действовали на протяжении всей отечественной истории и могут быть адаптированы к современным условиям. Выявляется устойчивая тенденция отечественного права к сохранению семьи как «особого, относительно замкнутого мира» при минимальном вторжении государства, что позволяет сочетать консервативный курс с нравственной свободой. Доказывается, что малая моногамная семья - результат длительного правового отбора, что эта модель оказалась наиболее успешной для

воспроизводства населения, стабильности общества и развития государства. Выявляется роль православной церкви в формировании ценностного осознания семьи, что получает системное историко-правовое обоснование в контексте современных цивилизационных вызовов. Предлагается периодизация отечественного семейного законодательства по критерию степени государственного вмешательства при сохранении ценностного ядра.

Гипотеза исследования. Семья как важнейшая традиционная ценность на протяжении всей отечественной истории сохраняет преемственность, обеспечивая духовную связь поколений, являясь настоящей опорой и общества, и государства, которые во все времена в отношении брака и семьи сохраняли приверженность моногамной патриархальной модели. Консервативный курс в отношении семьи, складывающийся на основе исторического опыта и влияния православия, становится особенно актуальным и востребованным сегодня, когда современная российская семья, выступая основой безопасности страны и формирования национальной идентичности, нуждается в конституционной защите и государственной поддержке.

Материалы и методы

В качестве источников анализа выступили памятники древнерусского и средневекового права и законодательства: «Повесть временных лет», Русская Правда, Устав Ярослава о церковных судах, Судебник Ивана III и Ивана IV, Соборное Уложение 1649 г., сборники «Домострой» и «Стоглав». Исследование семейно-брачных отношений в имперский и советский периоды основывалось на Своде законов гражданских Российской империи, первых советских декретах и кодексах. В работе были задействованы труды отечественных и зарубежных исследователей (О. Шпенглер, В.И. Байтуганов, А.Г. Вишневский, С.А. Дятлов, С.К. Жилиева, О.В. Иншаков и др.), современные нормативные правовые акты и стратегические документы РФ (Конституция РФ, указы о сохранении традиционных ценностей), а также статистические показатели и данные опросов. В работе использованы историко-правовой, сравнительно-правовой

и системный методы, позволяющие проследить эволюцию института семьи и брака в контексте изменения государственной политики и общественного сознания от догосударственного периода до настоящего времени, сохраняющих приверженность патриархальной традиционной семьи и выявить ее значение как хранительницы духовного наследия, обеспечивающей передачу ценностей, традиций и опыта между поколениями.

Результаты и обсуждение

В семейно-брачных отношениях преемственность проявляется наиболее ярко и значительно. Их история начинается еще в догосударственный период, когда семья брала на себя выполнение важных функций. Ранние сведения о брачно-семейных отношениях славян языческого периода можно обнаружить в Повести временных лет, текст которой повествует о наличии двух форм брака - моногамии и полигамии. Полигамия была обычным явлением у древлян, вятичей, кривичей и др. В отличие от них традициям моногамии придерживались поляне – племя, являющееся центром притяжения для других восточнославянских племен и ядром будущего Древнерусского государства. По мнению С.К. Жиляевой поляне изначально предпочитали создавать крепкие семьи, где было принято почитать и уважать старших, заниматься воспитанием детей и где развод являлся нежелательным и исключительным явлением. Именно феномен подобной семьи способствовал благополучному развитию княжества полян и успешному складыванию государственности и права [13, с. 37-38].

До Крещения Руси славяне в создании семьи полагались на природу и собственные представления о зрелости. Уже тогда в больших семьях складывались консервативные, патриархальные отношения с господствующим положением отца – мужчины. В результате роста производительности труда и эффективности хозяйства из состава большой семьи (рода) выделяется малая семья, включающая супругов и их детей, еще не вступивших в брак. Это указывало на формирование наиболее оптимальной модели воспроизводства населения

как основной ячейки общества. Она отличалась устойчивостью и была призвана защищать и сохранять членов малой семьи, в чем было заинтересовано и население, и государство. Все это привело к преобладанию малой моногамной семьи в экономическом плане, распространяющейся в разных категориях населения и получившей преимущественное развитие как наиболее удачная форма [17, с. 9].

Регулирование семейных отношений в дохристианской Руси происходило на основе обычного права. Именно неукоснительное следование свадебным обрядам и традициям, их четкое выполнение, становилось доказательством законности заключаемого брака, придавало ему юридическую силу. По сложившимся представлениям общество должно состоять из семейных коллективов, включающих жену или жен и, непременно, детей, подчиняющихся мужу, отцу как хозяину дома. Семья и создавалась ради рождения и воспитания детей, ведения совместного хозяйства. Несоответствующее данным установкам вызывали непонимание и неизбежное порицание [13, с. 39-40].

Если до возникновения Древнерусского государства брачно-семейные отношения славян находились под влиянием природных установок, обычаев и традиций, что предполагало слабое вмешательство властей в данную сферу [4, с. 12], то с образованием Киевской Руси семейные отношения оказались в центре внимания государства. Власть воспринимала их в качестве особого предмета правового регулирования, стремясь регламентировать действия и общение супругов, родственников и других участников семейных отношений [27, с. 148].

Принятие христианства по византийскому образцу во многом определило вектор развития страны. На данном этапе обычное право, доминирующее в регулировании брачно-семейных отношений Руси, уступило место церковному (каноническому) праву, хотя и продолжало оказывать существенное влияние. Соответственно в религиозных воззрениях на вопросы семьи и брака преобладала византийская модель, которая нашла свое воплощение в «Номоканоне».

В целом, крещение Руси способствовало утверждению большой роли православия в формировании нравственных ориентиров обще-

ства, в становлении и эволюции государственности и права. Это позволяет С.А. Дятлову рассматривать православную веру как один из главных источников развития русской цивилизации, важнейший элемент генетической конструкции отечественного государства, отличающегося непрерывным расширением, усложнением [11, с. 249–250]. При этом особое воздействие церковь неизменно оказывала на самые значимые общественные институты, среди которых семья всегда занимала ключевую позицию.

Важное значение православной церкви состояло в формировании особого ценностного осознания семьи. С помощью княжеских установлений власть подкрепляла, поддерживала православные требования к браку, придавая им надлежащий статус. Например, определяла ответственность за многоженство, прелюбодеяние, заключение второго брака без расторжения первого, самовольный развод, ограничения расторжения брака, что было закреплено в Уставе Ярослава о церковных судах. Все это свидетельствует о едином стремлении государства и церкви влиять на население, способствуя образованию крепкой семьи и ее сохранению через закрепления соответствующих запретов [30, с. 66–67].

Появление Русской Правды ознаменовало постепенную трансформацию в регулировании общественных отношений от норм морали и обычного права к писанному праву, воплощенному в едином государственном законодательстве Древней Руси. Русский народ, для которого мораль была первична и крайне почитаема, особенно в области семейных отношений, правовое регулирование семейной сферы первым писаным кодексом было воспринято неоднозначно. Предназначение древнерусского законодательства состояло в защите конструктивных интересов, способствующих эффективному развитию «малой семьи», как наиболее оптимальной модели существования, и ее материальному обеспечению. В качестве полноценной семьи времен Русской Правды считалась семья, исполняющая репродуктивную функцию. Русская Правда стоит на защите интересов семьи. Семья, являясь основой общества и опорой власти, занимается домашним хозяйством, и способствует развитию товарного производства. Право-

вые нормы первого общерусского кодекса указывают на осознание важности сохранения и защиты семьи как фундамента общества в Древней Руси [17, с. 10]. Нормы Русской Правды направлены против факторов, разрушающих семью, подрывающих ее основы.

По мере развития общественных отношений и правосознания населения Руси, эмоциональное восприятие события постепенно уступало место его рациональной оценки, в связи с чем денежное возмещение в связи с потерей кормильца и владельца имущества становилось предпочтительнее мести, не позволяющей возместить ущерб семье. Мечь как деструктивный феномен, провоцировала еще более негативные последствия, приводя к неизбежному распаду семьи потерпевшего или ответчика, что исключало ее сохранение и воспроизводство. Нормы Русской правды, допускающие выбор между мекью и возмещением ущерба, подчеркивали важность института семьи и значимость потери ее кормильца.

Развитие общественных отношений отразилось в нормах новой редакции Русской Правды – Пространной, которые регламентировали процесс совместного владения имуществом супругов и его раздела при разводе. Во многом благодаря появлению Русской Правды из всех известных форм брака преимущественное распространение получила договорная форма, предполагающая наличие приданого за невестой. Постепенно складывался принцип общности прав на имущество обоих супругов, что способствовало повышению положения жены в семье. Отныне материальным фундаментом дома становится имущество супругов. Вместе с тем муж имел явные преимущества в материальном плане. Однако наличие приданого, полученного от родителей и родственников, предоставляло жене определенную материальную поддержку, придавало ей уверенности в условиях перехода в семью мужа на его содержание. Тем самым, приданое, являясь отдельной собственностью жены, позволяло защищать ее интересы, при этом муж не имел права распоряжаться этой собственностью без согласия жены [17, с. 13-14; 28, с. 79].

В условиях строгого воспитания и доминирования мужчины в семье, несмотря на сложность развода, он допускался. Разводу

предшествовало предварительное судебное разбирательство с привлечением свидетелей. В обязательном порядке следовало доказать целесообразность развода и указать веские причины. Законным поводом было прелюбодеяние жены, физическая неспособность мужа к брачному сожителству (которое со временем стало ограничиваться). Смерть одного из супругов вела к естественному прекращению брака, что исключало его расторжение. После развода предусматривались выплаты государству, церкви, разведенным супругам, их семьям. Закрепленный в законодательстве принцип наследования в случае смерти главы семьи был призван поддерживать осиротевших членов семьи и обеспечить их выживание [17, с. 14; 28, с. 79].

Прогрессивный и позитивный характер Русской Правды, свидетельствующий о стремлении закрепить семейные ценности в качестве прочного фундамента общества, проявлялся во многих направлениях: поддержка социального и биологического воспроизводства семьи, защита жизни и здоровья ее членов, охрана ее неизбежной и оптимальной обособленности в социуме, здоровое разрешение внутрисемейных конфликтов [28, с. 79]. Все это указывало на то, что уже на начальных этапах становления и развития Древней Руси, формирования единого правового кодекса, законодатель продемонстрировал стремление закрепить наиболее значимые духовно-нравственные ценности, среди которых традиционная семья и семейные ценности занимали особое место.

В последующие этапы роль церкви возрастала, что отразилось в общегосударственных кодексах - Судебнике Ивана III и Судебнике Ивана IV, где правовое регулирование семейных отношений опиралось на церковные установки. В дальнейшем нормы брачного права получили закрепление в Соборном Уложении 1649 г., который продемонстрировал тенденцию усиления влияния государственной власти на семейную сферу. В соответствии с Соборным Уложением юридические последствия имел только церковный брак. В народном сознании брак получал высокое общественное одобрение, считался показателем порядочности человека, его материального благополучия, положения в обществе, а вступление в брак расценивалось в качестве нравственного долга [22, с. 221].

Важнейшие церковные установки нашли отражение в «Домострое» и «Стоглаве», которые оказали огромное влияние на брачно-семейные отношения дореволюционной России. «Домострой», представляющий собой средневековое произведение XVI в., являлся неофициальным, но авторитетным сборником, содержащим правила и советы, относящиеся к духовной жизни человека, роли религии, но главное, посвященные семейно-бытовой сфере. «Домострой», как обширный свод наставлений, регламентирующих семейно-бытовые отношения, стал настоящей энциклопедией русского быта, где содержались бытовые и житейские правила, полезные сведения о домашнем хозяйстве, принципах существования семьи и поучения всем домочадцам [16, с. 141; 32, с. 123].

Усложнение общественных отношений на фоне тенденции перехода от средневековых церковных традиций к более светским формам культуры было связано с процессом секуляризации. Это нашло отражение в Стоглаве, который конкретизировал проведение обрядов крещения, венчания, закреплял количество браков, их оформление, уточнял наказания за нарушение брачных норм, что было направлено на упорядочение брачно-семейных отношений.

XVII в. ознаменовался значительными изменениями в разных сферах общественной жизни. Именно в это время, несмотря на сохранение роли церкви в регулировании вопросов семьи и брака, наблюдается тенденция верховной власти активнее влиять на данную сферу. Не посягая в целом на брачно-семейные отношения, находящиеся в ведении церковной власти, Соборное Уложение 1649 г. закрепило нормы, которые могли серьезно повлиять на правовой статус членов семьи. Родители получили полную власть над детьми. Признавая покровительство церкви над семейно-брачными отношениями, государство, стремясь включиться в процесс их регулирования, пока не обладало достаточным потенциалом для создания светского законодательства в сфере семейного права [4, с. 10].

Соборное Уложение 1649 г. отличалось усложнением и одновременно ужесточением правовых установок, что указывало на формирование, а затем и оформление абсолютной монархии при

Петре I [28, с. 79]. Но даже с наступлением эпохи абсолютизма преобладающее значение имел церковный брак как союз, имеющий юридические последствия. Государство, заинтересованное во включении норм церковного права в общую правовую систему страны, вплоть до революции признавало только этот брак. Именно церковь ведала вопросами заключения и расторжения брака, она же регистрировала его. Церковные суды имели право рассматривать дела о прекращении брака. Тем не менее начиная с правления Петра I, стремящегося подчинить церковь светской власти, наблюдаются активные попытки государственной власти вмешаться в семейно-брачные отношения, свидетельствующие о позитивных переменах в семейном законодательстве. По мнению С.В. Ковалева именно с Петром I был связан новый этап эволюции семейного права, его преобразования стимулировали развитие светского законодательства в стране. Принцип добровольности вступления в брак приобрел императивный характер. Большое значение Петр придавал образованию, что отразилось на введении образовательного ценза для дворян, заключающих брак, от них стали требовать справку о познании в области математических наук. Кроме того, православные получили возможность вступать в брак с представителям христиан разных конфессий [19, с. 343].

Впоследствии данная тенденция в Российской империи усилилась, однако несмотря на повышение роли государства в регулировании семейно-брачных отношений, авторитет церкви в данной сфере был непререкаемым, а вмешательства в ее компетенцию были незначительными, противоречивыми, что не способствовало формированию общегосударственной политики в этой сфере [4, с. 11-12]. Тем не менее усиление влияния светской власти на регламентацию семейно-брачных отношений в Российской империи XIX в. отразилось в Своде законов гражданских, где закреплялись основные положения брачно-семейного права, определялись условия и порядок заключения брака, устанавливались личные и имущественные права супругов, их обязанности по отношению друг к другу. Данные нормы, особенно связанные с совместным проживанием супругов, свидетельствовали

о стремлении государства не только сохранить брак и семью, но и укрепить их, а также стимулировать рождаемость, что в целом указывало на попытки систематизировать семейное законодательство [9, с. 236-237]. Тем самым, в дореволюционной России семейно-брачные отношения приобретали светский характер постепенно.

В советской России данная сфера претерпела радикальные изменения в первые годы. Регулированию брачно-семейных отношений придавалось особое значение в силу их важной роли, а также огромному влиянию церковных органов на эту сферу, которое новая власть стремилась нейтрализовать, рассматривая церковь как конкурирующую систему [12, с. 343]. Несмотря на разрыв с дореволюционной традицией, советское семейное право некоторые ее элементы сохранило (приоритет интересов ребенка, обязательная регистрация брака) [32, с. 124; 21, с. 137-143].

Регистрация брака отныне перешла в ведение государства, его специальных органов. Официальным признавался только гражданский (светский) брак, получивший юридическую силу и имеющий правовые последствия, в котором мужчина и женщина равноправны [32, с. 123-124]. Церковный брак не отменялся, являясь частным делом вступающих в брак, но не порождал правовых последствий. Эти основы воплотились в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г., где нашел подтверждение гражданский (светский) брак, принципы моногамии, равноправия супругов, свобода развода, равенство прав детей брачных и внебрачных, приоритет интересов детей. Советское семейное право, по мнению А.А. Терениченко, несмотря на противоречия первых лет, отражало подлинное стремление государства и общества оберегать семью как ее основу [28, с. 79]. Во многом благодаря этому семейное право стало формироваться как самостоятельная отрасль.

Трансформация семьи происходила под влиянием социально-экономических процессов. В первые годы после революции патриархальная семья подверглась жесткой критике, что привело к отрицанию института семьи в целом. Такое негативное отношение продержалось недолго и в конце 1920-х гг. советское государство стремится

возродить ценности традиционной семьи. Однако необходимость в создании военно-промышленного комплекса, сопровождавшееся индустриальным и городским ростом, распространением городского образа жизни, повышением независимости женщин противоречили традиционным семейным отношениям [7]. Индустриализация и урбанизация 1930-х гг. вызвали массовое перемещение населения из сельской местности в города, вовлечение женщин в общественное производство и расширение их экономической самостоятельности, что вело к разрушению традиционной патриархальной семьи.

Советское семейное законодательство было противоречивым. Если 1920-е гг. стали временем либерализации (свобода развода, признание фактических браков). То в 1930–1940-е годы наблюдался возврат к более консервативной модели, что выразилось в ужесточении процедуры развода (1936, 1944), введении налогов на бездетность, учреждении государственных наград для многодетных матерей. Это подтверждают следующие данные: облегченная процедура развода вызвала рост разводов в 1920-х гг. А противоположный курс в 1930–1950-х гг. привел к их снижению. Однако тенденция к увеличению разводов сохранялась [15].

При этом государство проявляло стремление устранить церковь как регулятора брачно-семейных отношений, предлагая свои альтернативы («красные крестины», «красные свадьбы»). По мере формирования представления о семье, как ячейке общества, призванной выполнять важнейшие социальные функции, государство усиливало контроль за семейными правоотношениями [32, с. 123].

Институт материнства и детства впервые был закреплён в Конституции СССР 1936 г., которая обеспечила равноправие мужчин и женщин во всех общественных сферах. Демографические потери, связанные с коллективизацией, голодом, а впоследствии с Великой Отечественной войной, привели к временному запрету на аборт (1936–1955) и ограничению прав внебрачных детей. Права внебрачных детей были восстановлены в Кодексе 1969 г., закрепившем компромиссную модель: формальное равноправие супругов, упрощенный порядок развода через ЗАГС при отсутствии несовершеннолетних

детей и имущественных споров, но при сохранении государственного контроля над семейными отношениями. Прогрессивность и демократичность Кодекса выразилась в обеспечении более широкого признания и защиты прав и обязанностей супругов, введении определенных алиментных обязательств [21, с. 142].

Своеобразным регулятором семейного поведения стал жилищный фактор. Ограниченная жилплощадь сдерживали рождаемость и способствовали распространению малодетной семьи. А институт прописки и распределение жилья через предприятия, позволяя получать отдельное жилье, укреплял брак.

В середине XX в. иерархическое устройство традиционного общества, было разрушено. Наличие детских садов и школ, возможность карьерного роста сделали женщину полноценной частью социума, уравнивая женщин с мужчинами. В условиях, когда, государство заявило о свободе женщины-матери и равенстве супругов, а развод стал привычным явлением и снизился уровень рождаемости, характер семейных отношений и жизнь семьи изменились [16, с. 142]. В это время сложилась модель «советской семьи»: работающая мать, государственное обеспечение детских учреждений, приоритет интересов ребенка, но при фактическом сохранении гендерного неравенства в распределении домашних обязанностей. В Конституции СССР 1977 г. впервые была закреплена норма о государственной защите семьи (ст. 53), что подтверждало ее значимость и обязанность государства по ее поддержке.

Тем не менее серьезными проблемами XX – начала XXI вв. для страны стали многочисленные разводы и позднее создание семьи, что усугублялось стремлением отложить регистрацию брака или совсем отказаться от нее, ярко проявившееся в 1970-е гг. По мнению С.В. Захарова, рост разводов сопровождал Россию на протяжении более чем столетие, утвердившись в качестве ведущей тенденции. В конце XIX в., когда разводы разрешались Священным Синодом и лишь в исключительных случаях, на 1000 существующих супружеских пар ежегодно приходилось 0,06 развода, а в 1913 г. – 0,15 развода. В конце XX – первом десятилетии XXI вв. – расторжение

брака происходит в более 20 случаях на 1000 супружеских пар, то есть в 330 раз больше [15].

Особенно негативно отразился на российской семье кризис 1990-х гг., вызвавший деформацию ценностных и нормативных установок. Семья в это время оказалась без экономической поддержки, что деструктивно отразилось на ее социальных функциях, поскольку большинство родителей потеряли возможность заниматься воспитанием своих детей, многие, кроме того, пребывали в растерянности в результате разрушения привычной системы ценностей [25, с. 54].

В новой России, благодаря принятию действующего семейного кодекса в 1995 г., происходило медленное возвращение к либерализации брачно-семейных отношений. Вместе с тем государство, осознавая семью как важнейший и необходимый общественный институт, нуждающийся во всесторонней заботе и охране, было заинтересовано в крепкой здоровой семье, материально обеспеченной и способной к полноценному воспитанию ребенка. Это определило активное участие государства в регулировании брачно-семейных отношений [27, с. 150-151], которые, однако, находятся в кризисном состоянии. Это выражается в повышении возраста вступления в брак, уменьшение количества браков и росте нерегистрируемых браков, неполных семьях, сокращении рождаемости. Это связано с ценностным конфликтом по поводу рождения и социализации детей, подтверждением чего являются новые модели репродуктивного поведения: долговременная тенденция снижения рождаемости, откладывание рождения ребенка на более поздние периоды. Изменения в семье отражаются на демографических процессах и усиливают тенденцию естественной убыли населения, которая фиксируется с 1993 г. [29]. Достаточно стабильным в последние годы остается число разводов в России, находясь в пределах 600-700 тысяч в год. По данным за 2024 г. на 10 новых браков приходится 8 разводов [24]. «Промежуточное положение» российского общества формирует сложную ситуацию ценностного разлома, в котором семья как социальный институт подвергается трансформации. При этом, как утверждает Н.А. Вялых, институт семьи существует, со-

храняя функционал и значение для государства, социума и каждого человека, но не исключает наличия отдельных кризисных семей. Автор видит перспективу развития российского института семьи в равноправном взаимодействии и взаимной ответственности общества перед семьей и семьи перед обществом, что предполагает повышение ответственности семьи за свое существование и развитие, за возможность реализации каждого ее члена [8, с. 130, 132-133].

Т.В. Закирова и З.Ю. Переселкова признают, что рыночная экономика, ориентированная на самореализацию человека в публичной сфере, карьере, вступает в противоречие с ценностями родительства и супружества. Это приводит к распространению незарегистрированных брачных союзов, а самой предпочтительной моделью семейных отношений делает «эгалитарную» семью – семью равных [14, с. 362-363]. Тем не менее, анализируя изменения в семейных отношениях, авторы констатируют, что эти отношения продолжают существовать, после чего заключают, что либерализация может способствовать развитию семейных отношений, но только если семья предстанет в роли субъекта либеральной экономической модели [14, с. 365].

В последнее время в стране получила распространение модель «эгалитарной» семьи (семьи равных), что подтверждают общероссийские опросы. В вопросе распределения семейных ролей 91 % россиян выступает за равенство в ведении домашнего хозяйства между супругами и 90 % – за равное участие в воспитании детей отца и матери [14, с. 363]. Все это свидетельствует о неизбежном процессе осовременивания традиционных ценностей, который вызван расширением спектра возможностей, свободой выбора, увеличением территориальной мобильности, распространением цифровых технологий, что приводит к появлению современных форм семейных отношений. Решение кризисных состояний института семьи во многом зависит от проведения активной демографической политики, от государственной поддержки семей, но в условиях трансформации мира и общества возрастает личная ответственности семьи за свое благополучие и здоровье [8, с. 130-133]. Перспектива развития института семьи в России, преодоление ее трансформации связана, пре-

жде всего, с возрождением семьи как духовного очага, сохранением и приумножением традиционных семейных ценностей. В спасении семьи, ее духовном восстановлении огромную роль играет церковь, тем более, что ее влияние на семейные отношения сохранялось на всех этапах их эволюции, за исключением советского.

Особенно значимым и наиболее важным подобное влияние стало в настоящее время, что вызвано обращением к прошлому, историческим корням, духовному наследию и вековым традициям народа, связанным, прежде всего, с Русской православной церковью. В до-революционной России, где преобладала религиозная идеология и бесспорным авторитетом являлась церковь, и сейчас, в современной России, являющейся правовым, социальным и светским государством, государство и церковь предпринимают совместные усилия по укреплению семейных ценностей. Они находятся на страже семьи, материнства, отцовства, детства, защищая и отстаивая их интересы.

Практическая ценность исследования состоит не только в систематизации историко-правового материала, но и в разработке комплекса прикладных средств: критериев оценки законопроектов на совместимость с российской правовой традицией, историко-правовых аргументов для судов и органов опеки, образовательных курсов для подготовки кадров в сфере семейной политики. Результаты работы могут быть непосредственно востребованы при совершенствовании Семейного кодекса РФ, разработке мер демографической политики, а также в правоприменительной практике при толковании понятия «традиционные семейные ценности», «традиционная семья».

Заключение

Проведенное историко-правовое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Впервые осуществлен комплексный, сквозной анализ эволюции института семьи и брака в России как единого преемственного процесса. Исследование показывает, как одни и те же ценностные установки воспроизводятся в разных правовых системах (от Русской Правды до Конституции РФ), выявляет неизменные правовые

принципы, действовавшие вне зависимости от смены политических режимов (обязательная регистрация, приоритет репродуктивной функции, ограничение развода, имущественная взаимопомощь супругов), которые в разные эпохи реально обеспечивали устойчивость семьи.

2. Обосновывает тезис о минимальном вторжении государства в семью как устойчивой тенденции отечественного права. Это положение корректирует представление о тотальной регламентации семейной сферы и понимание характера российской правовой традиции.

3. Доказывается, что малая моногамная семья – не произвольный выбор государства, а результат многовекового правового отбора, связанного с демографическими и экономическими интересами государства. Устанавливается успешность данной модели для общества и государства.

4. Раскрывается роль православной церкви не только как регулятора семейно-брачных отношений, но и как института, сформировавшего ценностное осознание семьи, которая в современной России вновь актуализируется в качестве противовеса западным деструктивным влияниям, что впервые получает системное историко-правовое обоснование.

5. Предлагается периодизация эволюции семейного законодательства России на основании критерия - степени государственного вмешательства при сохранении ценностного ядра (моногамного союза с репродуктивной функцией). Это позволяет прогнозировать устойчивость законодательных новаций и оценивать их совместимость с российской правовой традицией.

6. Обосновывается необходимость взвешенного баланса нравственных и правовых основ в современном семейном законодательстве, не допускающего чрезмерности в регламентации вопросов семьи и брака и опирающегося на знание истории отечественной семьи и брака, на восприятие их как традиционного союза мужчины и женщины.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу: семья на всех этапах российской истории сохранялась как крепкая традиционная ценность, обеспечивающая преемственность поколений и стабильность государства. На всех этапах Россия сохраняла консервативный курс. В условиях ценностного конфликта с Западом, на фоне

серьезных демографических вызовов конституционная защита семьи становится стратегическим приоритетом. А влияние православия, вновь востребованное, способствует формированию нравственных ценностей и выступает в качестве духовного противовеса деструктивным либеральным идеологиям.

В качестве наиболее перспективных направлений исследования крепкой семьи как традиционной ценности представляется важным проанализировать, подходы к защите традиционной семьи в других странах с консервативной установкой (Китай, Иран, Венгрия) для выявления возможных вариантов правового регулирования. Также в условиях цифровой трансформации актуальным является исследование о том, как разнообразные технологии способны разнопланово воздействовать на традиционные семейные ценности, с одной стороны, предоставляя новые возможности, а с другой – создавая риски и проблемы для семейных отношений и межпоколенческой связи.

Именно семья на протяжении всего исторического пути доказывала свою устойчивость, надежность, важность, обладающие общегосударственным характером при ее явной самостоятельности и некоторой замкнутости, объединяющей узкий круг близких людей. Семья играет важнейшую роль в процессе передачи знаний и духовного наследия. Именно она содействует сохранению системы ценностей предшествующих поколений и приобщению к ним с помощью традиций и обычаев [21, с. 144; 16, с. 142]. В свою очередь сохранению семьи будет способствовать возвращение нравственного воспитания, опирающегося на многовековые ценности российского общества [16, с. 142]. Сегодня, в условиях меняющегося мира, цифровой трансформации, обостряющегося культурного кризиса и ценностного конфликта именно семья способна им противостоять, превращаясь в реальную ячейку общества, в надежный тыл для каждого.

Список литературы

1. Акаев, В. Х., Нанаева, Б. Б. (2024). Историческая память как фактор возрождения российской идентичности. *Научная мысль Кавказа*, (4), 29–35. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2025-120-29-35>. EDN: <https://elibrary.ru/BDYIRK>

2. Акиева, П. Х. (2023). Секулярный глобализм: современные вызовы. *Образование и право*, (12), 13–17. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-12-13-17>. EDN: <https://elibrary.ru/TYTDPV>
3. Андреев, А. П., Селиванов, А. И. (2001). Западный индивидуализм и русская традиция. *Философия и общество*, (4), 98–126. EDN: <https://elibrary.ru/VLLAHT>
4. Арсякова, И. Н., Видова, Т. А. (2024). Становление брачно-семейных отношений в IX–XVIII веках. *Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки*, (4), 7–13. <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2024-4-7-13>. EDN: <https://elibrary.ru/UOTXYX>
5. Байтуганов, В. И. (2024). Православие и народность как культурная парадигма в сохранении исторической памяти русского народа. В Б. П. Черник (Ред.), *Историческая память: истоки и современные смыслы* (с. 8–26). Агентство «Сибпринт». Получено с <https://centr-bo.ru/wp-content/uploads/2024/07/Монография> (дата обращения: 22.05.2026)
6. Вишневский, А. Г. (1999). Демографическая модернизация России и ее противоречия. *Мир России*, 4, 5–21. EDN: <https://elibrary.ru/TXCWSU>
7. Вишневский, А. Г. (2008). Эволюция российской семьи. *Экология и жизнь*, 8. Получено с https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430651/Evolutsiya_rossiyskoy_semi_prodlolzhenie?ysclid=mq5dozfs1220350225 (дата обращения: 14.06.2026)
8. Вялых, Н. А. (2021). Трансформация института семьи в российском обществе: социальные противоречия и социологические иллюзии. *Векторы благополучия: экономика и социум*, (2), 125–138. [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2\(41\)/1061](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2(41)/1061). EDN: <https://elibrary.ru/UXNCVW>
9. Гарцева, Ю. Ю. (2016). Права и обязанности супругов по Своду законов Российской империи. *Вестник Нижегородской академии МВД России*, (1), 234–238. EDN: <https://elibrary.ru/VOWSFT>
10. Гура, В. А. (2012). Секуляризация в исторических судьбах Европы. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 2(2), 106–112. EDN: <https://elibrary.ru/PJCHNT>
11. Дятлов, С. А. (2023). Духовно-нравственные основы русской государственности. В 550-летие Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря «Духовная безопасность и проблемы современного образования»: сборник материалов X Международной научно-практической Свято-Тихоновской конференции (Псков, 27–29 августа 2023 года) (с. 249–258). Издательство Псковского государственного университета. ISBN 978-5-00200-147-7. EDN: <https://elibrary.ru/HOICQM>
12. Жилыева, А. А. (2015). Правовое регулирование брачно-семейных отношений в первые годы советской власти (1917–1926 гг.). *Ученые записки Орловского государственного университета*, (5), 343–345. EDN: <https://elibrary.ru/UZDEXT>

13. Жилиева, С. К., Максимова, А. А. (2021). К вопросу о заключении брака в языческой Руси. *Вестник Уральского института экономики, управления и права*, (4), 36–41. EDN: <https://elibrary.ru/MLEHNE>
14. Закирова, Т. В., Переселкова, З. Ю. (2022). Трансформация института семьи в контексте ценностей либерализма. *Вестник Удмуртского университета. Серия философия. Психология. Педагогика*, 32(4), 359–366. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-4-359-366>. EDN: <https://elibrary.ru/APXFPT>
15. Захаров, С. В. (2015). Браки и разводы в современной России. *Демоскоп Weekly*, 625–626. Получено с <https://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/demoscope625.pdf> (дата обращения: 14.06.2026). EDN: <https://elibrary.ru/UZPKDL>
16. Зуев, В. А. (2021). Семья и общество от Домостроя до наших дней: ментальность, трансформация, педагогические проблемы. *Мир науки, культуры, образования*, (2), 140–142. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-140-142>. EDN: <https://elibrary.ru/HILLLY>
17. Иншаков, О. В. (2016). Отражение эволюции института семьи в Русской правде. *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3, Экономика. Экология*, (4), 6–17. <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2016.4.1>. EDN: <https://elibrary.ru/XYECPL>
18. Карева, А. В. (2024). Сохранение традиционных ценностей как фактор укрепления отечественной государственности в условиях новых вызовов. В *Искусственный интеллект, традиционные духовно-нравственные ценности и права человека в эпоху цифровизации: сборник научных статей* (с. 116–126). РИОР. https://doi.org/10.29039/conferencearticle_66c47270a51725.97119413. EDN: <https://elibrary.ru/ODLNXX>
19. Ковалев, С. В. (2023). История развития семейного права в дореволюционной России. *Образование и право*, (3), 342–346. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-3-342-345>. EDN: <https://elibrary.ru/NHZCIQ>
20. Летова, Н. В. (2025). Традиционные семейные ценности как объект защиты государства. *Вестник Российской правовой академии*, (4), 93–101. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-4-93-101>. EDN: <https://elibrary.ru/BOTEFT>
21. Мун, В. А. (2024). Семья как ценность Российского государства (историко-правовой аспект). *Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*, (12), 137–144. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.124.12.137-144>. EDN: <https://elibrary.ru/MPPMZU>
22. Нижник, Н. С. (2015). К вопросу об отношении к браку и формам его заключения в средневековой Руси. В В. Л. Янин (Ред.), *Русь, Россия. Средневековье и новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции* (с. 220–225). Издательство Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. ISBN 978-5-88060-099-1. EDN: <https://elibrary.ru/VLJLQB>

23. Омелянчук, С. В. (2024). Брак и семья на Руси конца XIII–XVII веков: религиозные представления и бытовая практика. *Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология*, 34(1), 22–34. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2024-34-1-22-34>. EDN: <https://elibrary.ru/GVLDDL>
24. Развод по-русски. (2025). *ВЦИОМ НОВОСТИ*. Получено с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvod-po-russki?ysclid=mqe2d9mg9134458833> (дата обращения: 14.06.2026)
25. Рубцова, С. П. (2025). Трансформация института семьи в современном российском пространстве. *Вестник ВГУ. Серия: Философия*, (3), 51–56. EDN: <https://elibrary.ru/CZMGEG>
26. Семья в системе российских ценностей. (2024). *ВЦИОМ НОВОСТИ*. Получено с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei?ysclid=mqcmjhc2nz503581563> (дата обращения: 14.06.2026)
27. Сехина, Е. И. (2020). Формирование семейного права как отрасли в России. *Научный альманах*, (12-2), 148–151. EDN: <https://elibrary.ru/UCHPBF>
28. Терениченко, А. А. (2024). Традиционные семейные ценности в отечественном законодательстве: история и современность. *Право и государство: теория и практика*, (4), 77–80. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_4_77. EDN: <https://elibrary.ru/BJKVWK>
29. Федоров, Д. Ю. (2025). Демографический вызов России. Итоги 2025 г. (Аналитический обзор). *Перспективы. Электронный журнал*, (4), 126–131. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2025-4-126-131>. EDN: <https://elibrary.ru/YIMNQQ>
30. Хужина, О. Н. (2025). Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте исторического правового наследия России: IX – начало XVIII века. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 70(2), 65–70. EDN: <https://elibrary.ru/BHNLQH>
31. Чикаева, Т. А. (2013). Особенности российского правосознания и проблемы построения правового государства в России. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (12-1), 211–213. EDN: <https://elibrary.ru/RNPCON>
32. Шахназарян, К. Э. (2022). История развития семейного законодательства России. *Аграрное и земельное право*, (11), 122–124. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_11_122. EDN: <https://elibrary.ru/ZMGBFT>
33. Шпенглер, О. (1993). *Закат Европы*. ВО «Наука» Сибирская издательская фирма. 592 с.
34. Щербакова, Е. М. (2024). Демографические итоги 1 полугодия 2024 года в России (часть 1). *Демоскоп Weekly*, 1043–1044. Получено с <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01043/barom05.php> (дата обращения: 14.06.2026)

35. Юзиханова, Э. Г., Смелова, С. В. (2022). Государственная политика защиты традиционных ценностей. *Право и управление*, (12), 11–15. <https://doi.org/10.24412/2224-9125-2022-12-11-15>. EDN: <https://elibrary.ru/OHOFVR>

References

1. Akaev, V. Kh., & Nanaeva, B. B. (2024). Historical memory as a factor in the revival of Russian identity. *Nauchnaya Mysl Kavkaza*, (4), 29–35. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2025-120-29-35>. EDN: <https://elibrary.ru/BDYIRK>
2. Akieva, P. Kh. (2023). Secular globalism: modern challenges. *Obrazovanie i Pravo*, (12), 13–17. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-12-13-17>. EDN: <https://elibrary.ru/TYTDPV>
3. Andreev, A. P., & Selivanov, A. I. (2001). Western individualism and the Russian tradition. *Filosofiya i Obshchestvo*, (4), 98–126. EDN: <https://elibrary.ru/VLLAHT>
4. Arsyakova, I. N., & Vidova, T. A. (2024). The formation of marital and family relations in the 9th–18th centuries. *Vestnik Moskovskogo Universiteta imeni S. Yu. Vite. Seriya 2. Yuridicheskie Nauki*, (4), 7–13. <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2024-4-7-13>. EDN: <https://elibrary.ru/UOTXYX>
5. Baytuganov, V. I. (2024). Orthodoxy and nationality as a cultural paradigm in preserving the historical memory of the Russian people. In B. P. Chernik (Ed.), *Istoricheskaya pamyat': istoki i sovremennye smysly* (pp. 8–26). Sibprint Agency. Retrieved from <https://centr-bo.ru/wp-content/uploads/2024/07/Monografiya> (Accessed: May 22, 2026)
6. Vishnevsky, A. G. (1999). Demographic modernization of Russia and its contradictions. *Mir Rossii*, 4, 5–21. EDN: <https://elibrary.ru/TXCWSU>
7. Vishnevsky, A. G. (2008). The evolution of the Russian family. *Ekologiya i Zhizn'*, 8. Retrieved from https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430651/Evolutsiya_rossiyskoy_semi_prodlolzhenie?ysclid=mq5dozfs1220350225 (Accessed: June 14, 2026)
8. Vyalykh, N. A. (2021). Transformation of the family institution in Russian society: social contradictions and sociological illusions. *Vektory Blagopoluchiya: Ekonomika i Sotsium*, (2), 125–138. [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2\(41\)/1061](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2(41)/1061). EDN: <https://elibrary.ru/UXNCVW>
9. Gartseva, Yu. Yu. (2016). Rights and obligations of spouses under the Code of Laws of the Russian Empire. *Vestnik Nizhegorodskoy Akademii MVD Rossii*, (1), 234–238. EDN: <https://elibrary.ru/VOWSFT>
10. Gura, V. A. (2012). Secularization in the historical destinies of Europe. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A. S. Pushkina*, 2(2), 106–112. EDN: <https://elibrary.ru/PJCHHT>
11. Dyatlov, S. A. (2023). Spiritual and moral foundations of Russian statehood. In *500th anniversary of the Holy Dormition Pskov-Pechersk Monastery "Spiritual Security*

- and Problems of Modern Education”: Proceedings of the 10th International Scientific and Practical St. Tikhon Conference (Pskov, August 27–29, 2023) (pp. 249–258). Pskov State University Publishing House. ISBN 978-5-00200-147-7. EDN: <https://elibrary.ru/HOICQM>*
12. Zhilyaeva, A. A. (2015). Legal regulation of marital and family relations in the first years of Soviet power (1917–1926). *Uchenye Zapiski Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, (5), 343–345. EDN: <https://elibrary.ru/UZDEXT>
13. Zhilyaeva, S. K., & Maksimova, A. A. (2021). On the issue of marriage conclusion in pagan Rus'. *Vestnik Ural'skogo Instituta Ekonomiki, Upravleniya i Prava*, (4), 36–41. EDN: <https://elibrary.ru/MLHHE>
14. Zakirova, T. V., & Pereselkova, Z. Yu. (2022). Transformation of the family institution in the context of liberal values. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 32(4), 359–366. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-4-359-366>. EDN: <https://elibrary.ru/APXFPT>
15. Zakharov, S. V. (2015). Marriages and divorces in modern Russia. *Demoscope Weekly*, 625–626. Retrieved from <https://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/demoscope625.pdf> (Accessed: June 14, 2026). EDN: <https://elibrary.ru/UZPKDL>
16. Zuev, V. A. (2021). Family and society from the Domostroy to the present day: mentality, transformation, pedagogical problems. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, (2), 140–142. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-140-142>. EDN: <https://elibrary.ru/HILLLY>
17. Inshakov, O. V. (2016). Reflection of the evolution of the family institution in the Russkaya Pravda. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser. 3, Ekonomika. Ekologiya*, (4), 6–17. <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2016.4.1>. EDN: <https://elibrary.ru/XYESPL>
18. Kareva, A. V. (2024). Preservation of traditional values as a factor in strengthening national statehood in the face of new challenges. In *Artificial Intelligence, Traditional Spiritual and Moral Values, and Human Rights in the Era of Digitalization: Collection of Scientific Articles* (pp. 116–126). RIOR. https://doi.org/10.29039/conferencearticle_66c47270a51725.97119413. EDN: <https://elibrary.ru/ODLNXXJ>
19. Kovalev, S. V. (2023). History of the development of family law in pre-revolutionary Russia. *Obrazovanie i Pravo*, (3), 342–346. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-3-342-345>. EDN: <https://elibrary.ru/NHZCIQ>
20. Letova, N. V. (2025). Traditional family values as an object of state protection. *Vestnik Rossiyskoy Pravovoy Akademii*, (4), 93–101. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-4-93-101>. EDN: <https://elibrary.ru/BOTEFT>
21. Mun, V. A. (2024). Family as a value of the Russian state (historical and legal aspect). *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, (12), 137–144. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.124.12.137-144>. EDN: <https://elibrary.ru/MPPMZU>

-
22. Nizhnik, N. S. (2015). On the attitude towards marriage and forms of its conclusion in medieval Rus'. In V. L. Yanin (Ed.), *Rus', Russia. The Middle Ages and Modern Times. Issue 4. Fourth Readings in Memory of Academician RAS L. V. Milov: Materials for the International Scientific Conference* (pp. 220–225). Lomonosov Moscow State University Publishing House. ISBN 978-5-88060-099-1. EDN: <https://elibrary.ru/VLJLQB>
 23. Omelyanchuk, S. V. (2024). Marriage and family in Rus' in the late 13th–17th centuries: religious ideas and everyday practices. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Istoriya i Filologiya*, 34(1), 22–34. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2024-34-1-22-34>. EDN: <https://elibrary.ru/GVLDDL>
 24. Divorce, Russian style. (2025). *VTsIOM News*. Retrieved from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvod-po-russki?ysclid=mqe2dg9mg9134458833> (Accessed: June 14, 2026)
 25. Rubtsova, S. P. (2025). Transformation of the family institution in modern Russian space. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya*, (3), 51–56. EDN: <https://elibrary.ru/CZMGEG>
 26. Family in the system of Russian values. (2024). *VTsIOM News*. Retrieved from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei?ysclid=mqcmjhc2nz503581563> (Accessed: June 14, 2026)
 27. Sekhina, E. I. (2020). Formation of family law as a branch in Russia. *Nauchnyy Al'manakh*, (12-2), 148–151. EDN: <https://elibrary.ru/UCHPBF>
 28. Terenichenko, A. A. (2024). Traditional family values in domestic legislation: history and modernity. *Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, (4), 77–80. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_4_77. EDN: <https://elibrary.ru/BJKVWK>
 29. Fedorov, D. Yu. (2025). Russia's demographic challenge. Results of 2025 (Analytical review). *Perspektivy. Elektronnyy Zhurnal*, (4), 126–131. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2025-4-126-131>. EDN: <https://elibrary.ru/YIMNQQ>
 30. Khuzhina, O. N. (2025). Traditional spiritual and moral values in the context of Russia's historical legal heritage: 9th — early 18th century. *Yuridicheskaya Nauka i Praktika: Vestnik Nizhegorodskoy Akademii MVD Rossii*, 70(2), 65–70. EDN: <https://elibrary.ru/BHNLQH>
 31. Chikaeva, T. A. (2013). Features of Russian legal consciousness and the problems of building a rule-of-law state in Russia. *Istoricheskie, Filosofskie, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kul'turologiya i Iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki*, (12-1), 211–213. EDN: <https://elibrary.ru/RNCPON>
 32. Shakhnazaryan, K. E. (2022). History of the development of Russian family legislation. *Agrarnoe i Zemel'noe Pravo*, (11), 122–124. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_11_122. EDN: <https://elibrary.ru/ZMGBFT>
 33. Spengler, O. (1993). *The Decline of the West*. Nauka, Siberian Publishing Firm. 592 p.

34. Shcherbakova, E. M. (2024). Demographic results of the first half of 2024 in Russia (Part 1). *Demoscope Weekly*, 1043–1044. Retrieved from <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01043/barom05.php> (Accessed: June 14, 2026)
35. Yuzikhanova, E. G., & Smelova, S. V. (2022). State policy for the protection of traditional values. *Pravo i Upravlenie*, (12), 11–15. <https://doi.org/10.24412/2224-9125-2022-12-11-15>. EDN: <https://elibrary.ru/OHOFVR>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Карева Алла Викторовна, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, кандидат исторических наук
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
ул. Семинарская, 15, г. Рязань, Рязанская область, 390000, Российская Федерация
nadegdaavk@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alla V. Kareva, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Theory and Public Law Disciplines, PhD in History
Ryazan State University named after S.A. Yesenin
15, Seminarskaya Str., Ryazan, Ryazan Region, 390000, Russian Federation
nadegdaavk@yandex.ru
SPIN-code: 1927-2139
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0482-8302>

Поступила 20.05.2026

После рецензирования 21.06.2026

Принята 26.06.2026

Received 20.05.2026

Revised 21.06.2026

Accepted 26.06.2026

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-2-275

EDN: BNBABP

УДК 37.014.15:347(47+57)(091)

Образование и наука в рамках конституционного права в СССР во второй половине XX века (1953-1982)

В.А. Воронин, Д.М. Воронина, А.А. Касаткина,

М.Б. Макарова, Н.Н. Шанихина

ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, Ишим, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена актуальной в условиях современной политико-экономической реальности теме государственно-правовой архитектоники в сфере образования и науки, рассматриваемой сквозь призму конституционного права СССР второй половины XX века. В эпоху, когда общественный запрос на взаимодействие государства и институтов образования и науки вновь ареной национальных и глобальных дебатов, советский опыт централизованного управления, структурной интеграции, нормативно-правовой регламентации образовательной и научной деятельности приобретает особую значимость для историко-правовой реконструкции и идейного анализа. Предметом исследования выступают историко-правовые основания, особенности нормативного регулирования, трансформация субъектности и институциональной среды образования и науки в СССР в 1953-1982 годах.

Цель. Целью исследования является комплексное раскрытие конституционных, отраслевых и подзаконных механизмов государственно-правовой организации образования и науки в советский период 1953-1982 годов, а также выяснение соотношения прав, обязанностей, гарантий и ограничения, задававших исторические рамки развития советского общества.

Методология. Основу исследования составляют историко-правовой анализ, компаративистский подход и элементы системного правового моделирования. Методы включают детальную герменевтику советских нормативных актов, феноменологию конституционного права образования и науки, сопоставление с западными моделями, а также реконструкцию процессов и тенденций на основании официальной документации, монографий и учебников.

Результаты. В результате исследования выявлена двойственная природа конституционной и отраслевой регламентации образования и науки: сочетание

провозглашаемой массовой доступности, социальной защищенности и обязательной идеологической детерминированности повседневной работы. Характерная черта – жесткая нормативная иерархия, в которой любое проявление автономии либо строго лимитировалось, либо было трансформировано под нужды партийно-государственного аппарата. Показано, что советская правовая модель в сфере образования и науки оказалась эффективна в плане количественных успехов (ликвидация неграмотности, создание сети вузов и НИИ, формирование научной элиты), однако имела системные ограничения в отношении самостоятельности, междисциплинарных и международных контактов.

Область применения результатов. Результаты исследования имеют ценность для специалистов в области истории права, образовательной политики, управления наукой и проектирования современной нормативно-правовой базы, а также могут быть использованы при разработке новых моделей государственно-правового взаимодействия в глобализированных обществах.

Ключевые слова: Советский Союз; образование; наука; конституционное право; нормативно-правовое регулирование; государственное управление; Академия наук; аттестация; идеология; социальные гарантии

Для цитирования. Воронин, В. А., Воронина, Д. М., Касаткина, А. А., Макарова, М. Б., & Шанихина, Н. Н. (2026). Образование и наука в рамках конституционного права в СССР во второй половине XX века (1953-1982). *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(2), 74-91. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-275>

Education and science in the constitutional law of the USSR in the second half of the 20th century (1953-1982)

V.A. Voronin, D.M. Voronina, A.A. Kasatkina,
M.B. Makarova, N.N. Shanikhina

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch),
Ishim, Russian Federation*

Abstract

Background. The article is devoted to the topic of state-legal architectonics in the field of education and science, which is relevant in the conditions of modern political and economic reality, viewed through the prism of the constitutional law of the USSR of the second half of the 20th century. In an era when the public demand for interaction between the state and institutions of education and science has become the arena of national and global debates, the Soviet experience of centralized management, struc-

tural integration, and regulatory regulation of educational and scientific activities is of particular importance for historical and legal reconstruction and ideological analysis. The subject of the research is the historical and legal foundations, the peculiarities of regulatory regulation, the transformation of subjectivity and the institutional environment of education and science in the USSR in 1953-1982.

Purpose. The purpose of the study is to comprehensively disclose the constitutional, sectoral and subordinate legal mechanisms of the state-legal organization of education and science in the Soviet period of 1953-1982, as well as to clarify the relationship of rights, duties, guarantees and restrictions that set the historical framework for the development of Soviet society.

Methodology. The research is based on historical and legal analysis, a comparative approach, and elements of systemic legal modeling. The methods include detailed hermeneutics of Soviet normative acts, phenomenology of the constitutional law of education and science, comparison with Western models, as well as reconstruction of processes and trends based on official documentation, monographs and textbooks.

Results. As a result of the research, the dual nature of the constitutional and sectoral regulations of education and science has been revealed: a combination of the proclaimed mass accessibility, social security and the obligatory ideological determinism of daily work. A characteristic feature is a rigid normative hierarchy in which any manifestation of autonomy was either strictly limited or transformed to meet the needs of the party – state apparatus. It is shown that the Soviet legal model in the field of education and science proved to be effective in terms of quantitative success (the elimination of illiteracy, the creation of a network of universities and research institutes, the formation of a scientific elite), but had systemic limitations in terms of independence, interdisciplinary and international contacts.

Practical implications. The results of the research are valuable for specialists in the field of legal history, educational policy, science management and the design of a modern regulatory framework, and can also be used in the development of new models of state-legal interaction in globalized societies.

Keywords: Soviet Union; education; science; constitutional law; legal regulation; public administration; Academy of Sciences; attestation; ideology; social guarantees

For citation. Voronin, V. A., Voronina, D. M., Kasatkina, A. A., Makarova, M. B., & Shanikhina, N. N. (2026). Education and science in the constitutional law of the USSR in the second half of the 20th century (1953-1982). *Russian Studies in Law and Politics*, 10(2), 74-91. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-275>

Введение

Проблема государственно-правовой архитектуры системы образования и науки в СССР во второй половине XX века – предмет

особого научного интереса для современного юриста, историка и политолога. Именно в этот период страна не только выходила на мировой уровень в ряде областей науки и высшего образования, но и создала уникальную систему правового, социального и идеологического регулирования развития человеческого капитала, чья специфика оставила прочный след в постсоветском пространстве на десятилетия вперёд.

Актуальность изучения правовых основ функционирования образования и науки в СССР определяется сразу несколькими обстоятельствами: во-первых, растущей ролью права в процессах модернизации общества и государства; во-вторых, возрождением дискуссий о допустимых пределах государственного вмешательства в образовательную и научную сферу, происходящих на фоне реформ последних десятилетий как в России, так и в странах ближнего зарубежья; в-третьих, дефицитом комплексных междисциплинарных исследований, позволяющих выявить институциональные уроки и риски советского периода.

Современная образовательная политика и законодательство во многом продолжают традиции СССР, адаптируя их к новым вызовам. Вместе с тем, значительные отличия западных и восточных моделей управления образованием и наукой требуют тщательной правовой и компаративной реконструкции советского опыта. Предшественники настоящего исследования – работы Гусевой А.А., Шкатуллы В.И., Быковской Г.А., Балакина В.С., а также значительный корпус официальных документов (например, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании 1973 года, многочисленные постановления Совета Министров СССР, уставы и положения Академии наук и вузов).

Однако детальный анализ правосубъектности образовательных и научных учреждений, механизмов нормативного контроля, статуса работников и аттестации кадров, соотношения конституционных гарантий и ограничений осуществлялся в юридической литературе преимущественно в аспекте отдельных отраслей или фрагментарно по тематическим направлениям. Комплексная попытка реконструк-

ции правовой динамики и институциональных особенностей данного периода либо отсутствует, либо представлена в виде историко-юридических обзоров без систематизации и глубокого анализа нормативного материала.

Цель исследования – на основе изучения источников XX века, современных научных и образовательных исследований, а также действовавшей в СССР нормативной базы, – выявить характерные черты, институциональные механизмы и правовую логику функционирования образования и науки как взаимосвязанных сфер деятельности государства, а также проследить, как эти характеристики отражались в структуре управления, статусе работников и правовой культуре общества.

Поставленные задачи включают:

1. Исследование эволюции структуры управления и нормативно-правовой базы образования и науки в СССР 1953-1982 годов.
2. Раскрытие особенностей статуса образовательных и научных учреждений, их внутренней нормативной организации, формальных и неформальных параметров автономии.
3. Анализ правового положения педагогических и научных работников, механизмов найма, аттестации, поощрения и контроля, а также способов реализации социальных гарантий.
4. Выявление соотношения идеологических, экономических, кадровых и правовых факторов в системах образования и науки.
5. Определение вклада советской правовой модели в формирование современных подходов к образовательной и научной политике, а также их ограничений.

Гипотеза исследования заключается в том, что уникальная советская конструкция интеграции образования и науки на конституционной и отраслевой основе создала прочную институциональную платформу для массовой модернизации и прорывных достижений, но одновременно породила устойчивые ограничения на свободу научного поиска, критическое мышление и персональную автономию как субъектов образовательного, так и научного процесса.

Материалы и методы

Исследование базируется на анализе уникального сочетания нормативных актов союзного, республиканского и ведомственного уровня, данных опубликованных приказов, положений, инструкций Министерства просвещения, высшего и среднего специального образования, Академии наук, Госплана, а также ключевых конституционных документов СССР 1936, 1977 годов и Основ законодательства о народном образовании 1973 года (Закон СССР от 19.07.1973 № 4536-VIII).

Реконструкция правового статуса образовательных и научных учреждений опирается на текст уставов, типовых положений, ведомственных инструкций, а также на сравнительный анализ судебной, административно-правовой и управленческой практики, зафиксированной в архивных материалах, монографиях и публикациях исследователей (Балакин В.С., Васильев А.А., Гусева А.А., Свечникова В.В.).

В работе применяются следующие *методы*:

1. Историко-правовой метод: последовательный анализ эволюции нормативной базы, этапов реформирования системы управления, а также динамики ключевых понятий (например, «народное образование», «аттестация научных кадров», «централизация»).
2. Герменевтический анализ: рассмотрение текстов нормативных актов в контексте их идеологических заданий и социокультурных предпосылок.
3. Феноменологический подход: реконструкция восприятия норм участниками правоотношений, анализ реально сложившейся институциональной среды.
4. Сравнительно-правовой метод (компаративистика): сопоставление советской модели с моделями западноевропейских и зарубежных стран, на предмет выявления уникальных черт.
5. Системный и структурно-функциональный анализ: выделение базовых институтов, их взаимосвязей, структуры управления, механизмов внутреннего контроля.

В качестве эмпирической базы используются данные статистики по числу учебных заведений, учеников, студентов, научных работников, объемам финансирования; нормативные акты из электронных библиотек исторических документов и официальных правовых систем (КонсультантПлюс, Закон, Музей реформ, Спутник советской эпохи), а также работы Гусевой А.А., Быковской Г.А., Васильева А.А., учебники по образовательному и административному праву.

Процедура анализа включает выборку нормативных актов по ключевым реформам (1958, 1973 годы), сравнительный анализ уставов и положений, восстановление цепочки управления для разных уровней учреждений (школы, техникумы, вузы, НИИ), а также сквозной анализ системы подготовки кадров, аттестации, распределения и механизмов социального обеспечения.

Результаты и обсуждение

Советская система образования в 1953-1982 годах представляла собой сложную, многоуровневую государственно-правовую и управленческую конструкцию, оформление которой происходило в условиях постоянных реформ и поисков баланса между идеологическими целями и задачами социально-экономического развития.

Сразу после смерти Сталина перед новым политическим руководством стояла задача преодолеть негативные последствия репрессивного, чрезмерно централизованного управления, обеспечить модернизацию системы, включение гуманитарных компонентов, повышение качества подготовки кадров для науки и высокотехнологичных производств. Начало периода — это активные реформы Н.С. Хрущева, проявившиеся в административных преобразованиях органов управления, появлении Министерства высшего и среднего специального образования СССР (1959 год), а также попытках децентрализации школьной сети (включая передачу управления местным органам, внедрение системы производственного обучения, профилизация школ) [11].

Основные нормативные акты этого этапа – постановления Совета Министров СССР 1958, 1966, 1969, 1972 годов, законы о народном

образовании 1973 и 1974 годов, а также акты, регламентирующие внутреннюю организацию каждой ступени учебного заведения. Система управления приобретает многоуровневый характер: вопросы школьного образования преимущественно решаются на уровне республик, среднее специальное и высшее образование закрепляется за союзными и республиканскими министерствами, а централизованное управление реализуется через специальные коллегии, советы и органы партийного и государственного контроля [9].

Особенности статуса учреждений образования заключались в жестком разграничении их типов, целей и функций. Общеобразовательная школа – основной элемент системы – функционирует как государственное учреждение под контролем местных и центральных органов, с обязательным выполнением утверждаемых государством учебных планов, обязательной политико-идеологической воспитательной работой и четко структурированной вертикалью подчинения.

Средние специальные и профессионально-технические учебные заведения становятся инструментом реализации реформы, направленной на синтез общего образования и профессиональной подготовки (реформа 1958-1959 гг.), позволяющей обеспечить потребности экономики в рабочих кадрах. Здесь нормативно закрепляются такие элементы, как участие предприятий и колхозов в финансировании и материальном обеспечении, обязательное пунктуальное выполнение госзаказа, а также централизованный контроль за учебно-воспитательной работой [8].

Вузы занимают особое место. Их уставы, типовые штаты и внутренние положения разрабатываются с учетом требований министерств и Академии наук, они обязаны выполнять государственные задания по выпуску специалистов, а ученый совет становится главным коллегиальным органом управления вузом, чья деятельность подчинена многочисленным нормативам. Вся система пронизана идеологией единства целей, централизованного планирования и персональной ответственности руководства.

Педагогические работники – учителя, преподаватели, административные кадры вузов – получают особый статус: их деятельность

не только профессиональна, но и сугубо идеологична. Назначения и продвижения по службе происходят по результатам профессиональной и политической аттестации, где наряду с квалификацией учитывались параметры политической благонадежности и “воспитательной эффективности”. Законодательство фиксирует широкий спектр социальных гарантий: сокращенная рабочая неделя, дополнительные отпуска, жилье, бесплатный проезд и т.д. Велика роль конкурентности, аттестаций и партийно-комсомольского контроля [13].

Строго детализируется правовой статус учащихся, с акцентом на права на бесплатное образование, госстипендии, льготы, распределение выпускников и т.д. Вместе с тем, функции самоуправления учебных заведений практически отсутствуют, любую инициативу необходимо согласовывать с министерствами или партиями [7; 10].

К концу исследуемого периода начинается медленное проникновение элементов общественного участия: создаются школьные и вузовские советы, коллективные механизмы обсуждения образовательных инноваций, что становится предвестником грядущих реформ «перестройки».

Сфера науки в СССР, как и образование, формировалась на идеях централизма, приоритета государственных и партийных интересов, плановой рационализации и особого внимания к кадровому потенциалу.

Академия наук – сетевая система, объединяющая союзные и республиканские академии, отраслевые академии, многочисленные НИИ, научно-образовательные центры. В ее уставах (1945, 1956, 1972 гг.) прописываются функции стратегического планирования, координации и утверждения приоритетов фундаментальных исследований. Организационная структура строится по принципу отделений по отраслям науки и географическим регионам (Сибирское, Уральское, Дальневосточное и др. отделения) [12].

Особенность правовой системы управления заключается в сочетании относительной научной автономии (распределении внутриакадемической инициативы), но при жестком контроле со стороны Госплана, ГКНТ, Совета Министров и ЦК КПСС. Кадровые,

бюджетные, программные решения принимаются «сверху», даже стратегические задачи науки согласуются с пятилетними планами развития народного хозяйства [14].

Система финансирования и ресурсного обеспечения строго централизована: государственный бюджет (через Госплан и ГКНТ), специальные ассигнования, программные проекты, разделяющиеся между академическими, ведомственными и вузовскими НИИ, причем явный приоритет отдается фундаментальным и оборонно-технологическим областям.

Научные публикации, обмен результатами, международное сотрудничество подвергаются детальной идеологической и государственной цензуре: материалы должны проходить экспертизу Главлита, контролируются потенциальные сведения, составляющие государственную тайну, строгая система фиксации выездов за рубеж и отчетности по полученному опыту [1].

Становление института научных кадров – одно из ключевых достижений позднесоветской эпохи [2]. По количеству кандидатов и докторов наук, числу аспирантов и докторантов, объемам подготовки специалистов СССР в 1970-80-х годах занимал мировое лидерство [3]. Право на поступление в аспирантуру закрепляется за лицами с высшим образованием, проходящими конкурсы и экзамены. Подготовка научных кадров регламентируется серии положений Совета Министров о порядке организации аспирантуры и докторантуры [4, 5, 6].

Важнейшая роль принадлежит Высшей аттестационной комиссии (ВАК) СССР, централизованно определяющей стандарты защиты, присуждения званий, аккредитацию диссертационных советов и дисциплинарное регулирование сферы исследований [15]. Процедура детально прописывается: от публикационной активности до публичной защиты, с возможностью отклонения работ, несоответствующих заявленным стандартам или идеологическим установкам [17].

Оплата труда научных работников, хотя часто уступает промышленности, дополняется надбавками, премиями, многочисленными дополнительными льготами (на жилье, отпуска, товары народного

потребления). Однако социальный престиж научной деятельности высок, а норма публичного/идеологического контроля – неотъемлемая черта статуса советского ученого [19, 20].

Международное научно-техническое сотрудничество строго регламентировано: выезды требуют множества согласований, научные публикации за рубежом проходят ряд фильтров, а контакты с иностранными учеными тщательно фиксируются и анализируются спецотделами институтов и государственными органами [16; 18].

Заключение

1. В советскую эпоху 1953-1982 годов сформировалась уникальная система правового регулирования образования и науки, отличающаяся крайней централизацией, иерархией подчинения и идеологизированностью, в которой все ключевые решения принимались исключительно в рамках директивной логики партийно-государственных органов.

2. Система управления образованием и наукой обладает сложной многоуровневой структурой: от школьного учителя и младшего научного сотрудника до министра, ректора, директора академии, руководивших на основе тщательно кодифицированных прав и обязанностей.

3. Правовой статус образовательных и научных учреждений, несмотря на формулируемую возможность учета местной специфики, оставался под контролем центральных органов, допускавших исключительно автономные решения лишь в жестко регламентированных случаях.

4. Аттестация педагогических и научных работников опиралась на принцип сочетания профессиональной и идеологической оценки, где политическая благонадежность и способность к воспитательной работе являлись равноценными критериям специальной квалификации.

5. Механизмы социального поощрения, льгот и преференций позволяли достигать максимальной мобильности кадров, активно вовлекать молодежь и сохранять фокус на массовой подготовке специалистов.

6. В науке удалось воплотить большую часть стратегических государственных задач – внедрение масштабных комплексных исследований, достижение статуса мирового лидера по ряду направлений, создание Академии наук в качестве координирующего центра, возглавившего процессы фундаментальных и прикладных открытий.

7. Ограничениями такой системы стали отсутствие самоуправления, слабость внутренних общественных институций, строгие рамки идеологии и политической цензуры, изоляция от международных дискуссий и научных школ, а также вынужденная бюрократизация творческих процессов.

8. В целом, модель правового регулирования, сложившаяся в Советском Союзе во второй половине XX века, оказалась прекрасно приспособленной к индустриальному типу развития и массовой модернизации, но нуждалась в коренной трансформации в условиях качественного перехода к постиндустриальной экономике и развитию знаний.

9. Современное образовательное и научное право России и других стран-правопреемников во многом наследует сильные и слабые стороны советской правовой традиции, что делает обращение к анализируемой эпохе необходимым условием для выработки новых стратегий правового регулирования в условиях XXI века.

Список литературы

1. Балакин, В. С. (2017). Власть, общество и советская наука: трудный путь от диктата к диалогу (1917–1991 гг.). *Уральский исторический вестник*, (3), 91–100. EDN: <https://elibrary.ru/ZDPFPL>
2. Быковская, Г. А. (2003). К вопросу о государственной научно-технической политике в СССР в 50–80 годы. *Вестник СГАУ*, (2), 12–18. EDN: <https://elibrary.ru/IQFSJD>
3. Васильев, А. А., & Печатнова, Ю. В. (2022). О правовом статусе Российской академии наук: история и современность. *Управление наукой и наукометрия*, (4), 434–448. <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2022.17-4.434-448>. EDN: <https://elibrary.ru/QJHEMH>
4. Гусева, А. А., & Кутько, В. В. (2018). Исторические аспекты правового регулирования образовательных отношений в России. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, (4), 701–707. <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2018-43-4-701-707>. EDN: <https://elibrary.ru/YSUPHN>

5. Рожков, А. И. (Ред.). (2018). *Образовательное право: учебник для академического бакалавриата* (2-е изд., испр.). Юрайт. <https://urait.ru/bcode/413269>
6. Вавилова, А. А., Ладнушкина, Н. М., Куракина, Ю. В., & др.; Аксенова, Д. А. (Ред.). (2016). *Образовательное право: учебное пособие для бакалавров*. Книгодел.
7. Постановление Совета Министров СССР от 22 января 1969 г. № 64 «Положение о высших учебных заведениях СССР». <http://музейреформ.рф/node/13869>
8. Приказ министра высшего и среднего специального образования от 9 июля 1962 г. «Положение о научно-исследовательской работе в высших учебных заведениях». В *Высшая школа: сборник основных постановлений, приказов, инструкций* (Ч. 2, с. 103).
9. Постановление Совета Министров РСФСР от 29.12.1959 № 2027 «Об утверждении положений о восьмилетней школе, средней общеобразовательной трудовой политехнической школе с производственным обучением и вечерней (сменной) средней общеобразовательной школе». <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya>
10. Постановление Совета Министров СССР от 22 января 1969 г. № 64 «Об утверждении Положения о высших учебных заведениях СССР». <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya>
11. Постановление Совета Министров СССР от 8 марта 1960 г. № 327 «Об утверждении временного положения о дошкольном детском учреждении яслях-саде». Из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Совмина СССР от 22.01.1969 № 65 «Об утверждении Положения о средних специальных учебных заведениях СССР». <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya>
13. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966 г. № 874 «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы». Из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1969 г. № 681 «Об организации подготовительных отделений при высших учебных заведениях». Из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Свечникова, В. В. (2021). Особенности административно-правового регулирования контроля и надзора в сфере высшего образования и науки в советский период. *Право и практика*, (4), 60–65. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-4-60-65>. EDN: <https://elibrary.ru/KSAAIL>
16. Ben; Holmes Eklof, et al. (2005). *Educational reform in post-Soviet Russia*. Frank Cass. (pp. 237–238). https://openlibrary.org/books/OL3292888M/Educational_reform_in_post-Soviet_Russia
17. Huskey, E. (1991). A framework for the analysis of Soviet law. *The Russian Review*, 50(1), 53–70. <https://doi.org/10.2307/130211>

18. Kalimullin, A., & Valeeva, R. (2021). Teacher education in the Soviet Union 1917–1985. B *Teacher Education in Russia* (pp. 41–75). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429325281-4>. EDN: <https://elibrary.ru/IIGRTU>
19. Lavryk, H., & Dudchenko, O. (2021). Establishment of state authorities and governance of Soviet Ukraine and their functioning in 1920th–the first half of the 1930th: historical and legal aspect (pp. 207–219). <https://doi.org/10.63341/2786-491x-2022-1-206-213>. EDN: <https://elibrary.ru/BNOWLO>
20. Matthews, M. (2012). *Education in the Soviet Union: Policies and institutions since Stalin*. Routledge. (p. 240). <https://doi.org/10.4324/9780203816448>

References

1. Balakin, V. S. (2017). Power, society, and Soviet science: The difficult path from dictate to dialogue (1917–1991). *Ural Historical Bulletin*, (3), 91–100. EDN: <https://elibrary.ru/ZDPFPL>
2. Bykovskaya, G. A. (2003). On the issue of state scientific and technical policy in the USSR in the 1950s–1980s. *Bulletin of SSAU*, (2), 12–18. EDN: <https://elibrary.ru/IQFSJD>
3. Vasiliev, A. A., & Pechatnova, Yu. V. (2022). On the legal status of the Russian Academy of Sciences: History and modernity. *Science Management and Scientometrics*, (4), 434–448. <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2022.17-4.434-448>. EDN: <https://elibrary.ru/QJHEMH>
4. Guseva, A. A., & Kutko, V. V. (2018). Historical aspects of the legal regulation of educational relations in Russia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, (4), 701–707. <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2018-43-4-701-707>. EDN: <https://elibrary.ru/YSUPHN>
5. Rozhkov, A. I. (Ed.). (2018). *Educational law: A textbook for academic bachelor's degree programs* (2nd ed., revised). Yurayt. <https://urait.ru/bcode/413269>
6. Vavilova, A. A., Ladnushkina, N. M., Kurakina, Yu. V., et al.; Aksenova, D. A. (Ed.). (2016). *Educational law: A study guide for bachelor's degree students*. Knigodel.
7. Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated January 22, 1969, No. 64, “Regulations on higher educational institutions of the USSR”. <http://музейреформ.рф/node/13869>
8. Order of the Minister of Higher and Secondary Specialized Education dated July 9, 1962, “Regulations on research work in higher educational institutions”. In *Higher School: Collection of key resolutions, orders, and instructions* (Part 2, p. 103).
9. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR dated December 29, 1959, No. 207, “On approval of the regulations on the eight-year school, the secondary general education labor polytechnic school with industrial training, and the evening (shift) secondary general education school”. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya>

10. Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated January 22, 1969, No. 64, "On approval of the Regulations on higher educational institutions of the USSR". <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya>
11. Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated March 8, 1960, No. 327, "On approval of the temporary regulations on the preschool institution — nursery-kindergarten". From the legal reference system "ConsultantPlus".
12. Resolution of the USSR Council of Ministers dated January 22, 1969, No. 65, "On approval of the Regulations on secondary specialized educational institutions of the USSR". <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya>
13. Resolution of the CPSU Central Committee and the Council of Ministers of the USSR dated November 10, 1966, No. 874, "On measures to further improve the work of the secondary general education school". From the legal reference system "ConsultantPlus".
14. Resolution of the CPSU Central Committee and the Council of Ministers of the USSR dated August 20, 1969, No. 681, "On the organization of preparatory departments at higher educational institutions". From the legal reference system "ConsultantPlus".
15. Svechnikova, V. V. (2021). Features of the administrative and legal regulation of control and supervision in the field of higher education and science in the Soviet period. *Law and Practice*, (4), 60–65. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-4-60-65>. EDN: <https://elibrary.ru/KSAAIL>
16. Ben; Holmes Eklof, et al. (2005). *Educational reform in post-Soviet Russia*. Frank Cass. (pp. 237–238). https://openlibrary.org/books/OL3292888M/Educational_reform_in_post-Soviet_Russia
17. Huskey, E. (1991). A framework for the analysis of Soviet law. *The Russian Review*, 50(1), 53–70. <https://doi.org/10.2307/130211>
18. Kalimullin, A., & Valeeva, R. (2021). Teacher education in the Soviet Union 1917–1985. In *Teacher Education in Russia* (pp. 41–75). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429325281-4>. EDN: <https://elibrary.ru/IIGRTU>
19. Lavryk, H., & Dudchenko, O. (2021). Establishment of state authorities and governance of Soviet Ukraine and their functioning in the 1920s–the first half of the 1930s: Historical and legal aspect (pp. 207–219). <https://doi.org/10.63341/2786-491x-2022-1-206-213>. EDN: <https://elibrary.ru/BNOWLO>
20. Matthews, M. (2012). *Education in the Soviet Union: Policies and institutions since Stalin*. Routledge. (p. 240). <https://doi.org/10.4324/9780203816448>

ВКЛАД АВТОРОВ

Воронин В.А.: изучение конституционных основ организации науки (Академия наук, отраслевые институты). Анализ правового положения Академии наук СССР (статус «высшего научного заведения» по Конституции СССР 1977 г., но с обязательным руководством со стороны ЦК КПСС) и устава АН СССР 1974 года.

- Воронина Д.М.:** анализ статей Конституции СССР 1977 года о бесплатном образовании, обязательном 8-летнем обучении и свободе научного творчества. Сравнение их с предыдущей Конституцией СССР 1936 года, выявление изменений.
- Касаткина А.А.:** сбор данных о реальном внедрении конституционных гарантий: строительство школ, переход к всеобщему среднему образованию (к концу 1970-х г.), выявление противоречия – декларируемая доступность и идеологический контроль над учебными программами.
- Макарова М.Б.:** выявление зависимости научных исследований от госзаказа и партийных директив, именно в эти годы конституционные декларации о праве на образование и свободе научного творчества вступили в противоречие с реальной партийно-государственной политикой.
- Шанихина Н.Н.:** общее научное руководство, определение темы, хронологических рамок: 1953 г. – начало десталинизации, реформа управления наукой и образованием; 1982 г. – смерть Л.И. Брежнева, завершение периода, когда Конституция СССР 1977 г. Действовала без существенных поправок) и ключевых правовых актов. Постановление задачи: показать, как конституционные нормы об образовании и науке сочетались с реальной политикой СССР. Редактирование и проверка юридической корректности итогового текста.

AUTHOR CONTRIBUTIONS

- Vladimir A. Voronin:** studying the constitutional foundations of the organization of science (Academy of Sciences, sectoral institutes). Analysis of the legal status of the USSR Academy of Sciences (the status of a «higher scientific institution» under the 1977 Constitution of the USSR, but with mandatory leadership by the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union) and the 1974 Charter of the USSR Academy of Sciences.
- Daria M. Voronina:** analysis of the articles of the 1977 Constitution of the USSR on free education, compulsory 8-year education, and freedom of scientific creativity. Comparison of these articles with the previous Constitution of the USSR in 1936, and identification of changes.
- Anastasia A. Kasatkina:** collecting data on the actual implementation of constitutional guarantees: construction of schools, transition to universal secondary education (by the end of the 1970s), revealing the contradiction between the declared accessibility and ideological control over curricula.
- Maria B. Makarova:** revealing the dependence of scientific research on government orders and party directives. It was during these years that constitutional declarations on the right to education and freedom of scientific creativity clashed with the actual party-state policy.
- Nadezhda N. Shanikhina:** general scientific guidance, definition of the topic, chronological framework: 1953 – the beginning of de-Stalinization, reform of management of science and education; 1982 – death of Leonid Brezhnev, the end of the period when the Constitution of the USSR 1977 Acted without significant amendments) and

key legal acts. Task statement: to show how the constitutional norms on education and science were combined with the real policy of the USSR. Editing and checking the legal correctness of the final text.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Воронин Владимир Алексеевич

*ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ
ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
stud0000292985@study.utmn.ru*

Воронина Дарья Максимовна

*ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ
ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
stud0000274085@study.utmn.ru*

Касаткина Анастасия Александровна

*ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ
ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
stud0000274875@study.utmn.ru*

Макарова Мария Борисовна

*ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ
ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
stud0000273687@study.utmn.ru*

Шанихина Надежда Николаевна, старший преподаватель

*ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ
ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
op-8jk@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vladimir A. Voronin

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
stud0000292985@study.utmn.ru*

Daria M. Voronina

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
stud0000274085@study.utmn.ru*

Anastasia A. Kasatkina

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
stud0000274875@study.utmn.ru*

Maria B. Makarova

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
stud0000273687@study.utmn.ru*

Nadezhda N. Shanikhina, Senior Lecturer

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
op-8jk@mail.ru*

Поступила 19.03.2026

После рецензирования 15.04.2026

Принята 26.04.2026

Received 19.03.2026

Revised 15.04.2026

Accepted 26.04.2026

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-2-273

EDN: FQJSSF

УДК 342.25

Защита традиционных ценностей органами местного самоуправления в условиях трансформации полномочий

Л.Л. Еремейкина, О.Л. Казанцева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Впервые рассматривается проблема правового регулирования защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей органами местного самоуправления в условиях трансформации их полномочий, обусловленной проводимой муниципальной реформой, анализируется влияние новой модели распределения полномочий между муниципальным и региональным уровнями на эффективность его участия в защите традиционных ценностей.

Цель. На основе анализа законодательства выявить ключевые изменения в полномочиях органов местного самоуправления и оценить влияние новелл на эффективность защиты традиционных ценностей органами местного самоуправления.

Методология проведения работы. В процессе подготовки исследования использовались системный, формально-логический, сравнительно-правовой, синергетический методы, а также метод анализа.

Результаты. В условиях введения новой модели полномочий органов местного самоуправления, передачи регионам свойственной для муниципального уровня социально-культурной сферы делается вывод о негативном влиянии текущих процессов на защиту традиционных ценностей органами местного самоуправления, о необходимости комплексного и системного подхода законодателя к регулированию данной сферы, акцентируется внимание на значимости муниципального уровня как опоры государства в укреплении и защите духовно-нравственных ценностей, предлагаются меры по повышению эффективности решения поставленных перед органами местного самоуправления задач.

Область применения результатов. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в дальнейшем при разработке законодательства в сфере совершенствования функциональной основы местного самоуправления

в сфере защиты традиционных ценностей, а также в научных, учебных и просветительских целях.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности; органы местного самоуправления; политика государства; полномочия органов местного самоуправления; защита традиционных ценностей; муниципальная реформа

Для цитирования. Еремейкина, Л. Л., & Казанцева, О. Л. (2026). Защита традиционных ценностей органами местного самоуправления в условиях трансформации полномочий. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(2), 92-109. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-273>

Protection of traditional values by local governments in the context of the transformation of powers

L.L. Ereneykina, O.L. Kazantseva

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

Background. For the first time, the problem of legal regulation of the protection of traditional Russian spiritual and moral values by local governments in the context of the transformation of their powers due to the ongoing municipal reform is considered, and the impact of the new model of distribution of powers between municipal and regional levels on the effectiveness of its participation in the protection of traditional values is analyzed.

Purpose. Based on the analysis of legislation, identify key changes in the powers of local governments and assess the impact of new developments on the effectiveness of the protection of traditional values by local governments.

Methodology. In the process of preparing the study, systematic, formal-logical, comparative-legal, synergetic methods, as well as the method of analysis were used.

Results. In the context of the introduction of a new model of powers of local governments, the transfer to the regions of the socio-cultural sphere characteristic of the municipal level, the conclusion is drawn about the negative impact of current processes on the protection of traditional values by local governments, the need for an integrated and systematic approach by the legislator to regulate this area, attention is focused on the importance of the municipal level as a pillar of the state in strengthening and protecting spiritual and moral values, Measures are proposed to improve the effectiveness of solving the tasks assigned to local governments.

Practical implications. The results of the research can be used in the future in the development of legislation in the field of improving the functional framework of local government in the field of protection of traditional values, as well as for scientific, educational and educational purposes.

Keywords: traditional spiritual and moral values; local self-government bodies; state policy; powers of local self-government bodies; protection of traditional values; municipal reform

For citation. Eremeykina, L. L., & Kazantseva, O. L. (2026). Protection of traditional values by local governments in the context of the transformation of powers. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(2), 92-109. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-273>

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена проводимыми в последние годы реформами, влияющими на структуру власти и перераспределение полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления, а также сопровождающимися процессами укрепления национальной идентичности и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, изучение которых давно привлекает внимание многих ученых [1; 3; 6].

Несмотря на значимость темы, в юридической науке до сих пор наблюдается дефицит специальных юридических исследований, посвященных защите традиционных духовно-нравственных ценностей органами местного самоуправления (далее – МСУ).

Закрепление в законодательстве нравственных идеалов, не имеющих единого подхода к толкованию их содержания, отсутствие специальных законодательных актов, принятых в развитие положений Конституции РФ, учреждающих духовно-нравственные ценности, обилие подзаконных актов, требующих критического анализа, затрудняют процесс защиты органами МСУ традиционных ценностей.

Своевременность и особую актуальность обращения к данной проблематике придает проводимая с 2025 г. муниципальная реформа, которая затронула все фундаментальные основы МСУ, включая функциональную, создавая дополнительные сложности.

Подход законодателя к закреплению полномочий органов МСУ в базовом Федеральном законе от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти (далее - ФЗ № 33) [16] изменился. Субъектам РФ предоставлено право изымать у муниципального уровня власти полномочия, в том числе в социально-культурной сфере, которые

ранее традиционно находились в его ведении. В то же время посредством реализации этих полномочий органы МСУ могли участвовать в защите традиционных ценностей, как наиболее приближенный к населению уровень власти.

Вместе с тем, государственная политика в такой важной сфере, как укрепление и защита традиционных ценностей, должна быть понятной и прозрачной. Доктрина и практика должны объединить свои усилия для построения уникальной модели российской государственности, ядром которой становятся именно традиционные ценности.

Результативность деятельности органов МСУ в рассматриваемой сфере возможно достичь за счет системного подхода законодателя к регулированию института традиционных российских духовно-нравственных ценностей и полномочий органов МСУ, сохраняя за ними свойственные им полномочия.

Материалы и методы исследований

Для достижения целей исследования были проанализированы соответствующие нормативные правовые акты и научные труды.

Применялись разнообразные методологические подходы, такие как системный, формально-логический, сравнительно-правовой, синергетический, а также метод анализа, что обеспечило всесторонний взгляд на проблему.

Учитывая текущие преобразования в системе МСУ, данное исследование обладает высокой актуальностью и своевременностью, предлагая выводы как для дальнейшего теоретического осмысления, так и для практического применения в целях развития правового регулирования.

Результаты и обсуждения

В условиях реформирования, ознаменованного принятием нового ФЗ № 33 и ориентированного на единство публичной власти, МСУ как важнейшая конституционная ценность открывает широкие возможности для того, чтобы стать надежной опорой государства в укреплении и защите духовно-нравственных ценностей.

В обстановке насаждения вседозволенности, безнравственности, насилия, разрушающих мораль и культуру, требуется сохранить психическое здоровье граждан и защитить их от деструктивного воздействия извне.

Ценностные ориентиры в нашем государстве имеют богатую историю и подлежат как административно-правовой, так и уголовно-правовой охране [25, с. 57]. Только благодаря объединению усилий властных и подвластных субъектов возможно сплочение и укрепление единства многонационального народа и построение общества с присущими ему ценностями, с сохранением собственных традиций, культурного наследия и исторической памяти [4; 7; 8; 23].

Следует согласиться с позицией Т.Я. Хабриевой, которая отмечает, что «...обновленная Конституция обозначила социальные приоритеты в деятельности органов публичной власти, обязывающие их руководствоваться теми ценностями, которые объединяют общество» [5, с. 35].

Традиционные духовно-нравственные ценности служат основой развития общества, фактором укрепления государственного суверенитета и нуждаются в приоритетной защите [24, с. 31]. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (далее - Указ № 809) [11] конкретизировал конституционные нормы, утвердив 17 традиционных российских духовно-нравственных ценностей, защита которых возложена на государственные и муниципальные органы при содействии гражданского общества и религиозных организаций. Этот перечень не исчерпывающий.

Суть МСУ заключается в том, чтобы власть, близкая к населению, занималась решением вопросов с учетом его интересов и мнения. Органы МСУ являются непосредственными участниками реализации государственной политики, субъектами правового регулирования, при этом имеют возможности в силу действующего законодательства и своей специфики учитывать складывающиеся в муниципальных образованиях местные традиции, культурные особенности и разрабатывать собственные программы с вовлечением представителей гражданского общества в процесс сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей.

Защита традиционных ценностей органами МСУ выражается в осуществлении ими закрепленных законодательством полномочий, которые содержатся в разных отраслевых правовых актах.

Функциональная основа МСУ прежде всего закреплена в специальном Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131) [17], который действует до вступления в силу в этой части нового ФЗ № 33.

К защите традиционных ценностей органами МСУ можно отнести некоторые вопросы местного значения, закрепленные в ст. 14, 15, 16 ФЗ № 131: «участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма; создание условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия; сохранение и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов; организация библиотечного обслуживания населения, комплектование и обеспечение сохранности библиотечных фондов библиотек; сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в муниципальной собственности, охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения» и др.

Новый ФЗ № 33 предусматривает иной подход к регламентации полномочий органов МСУ, а именно ст. 32 закрепляет три группы полномочий органов МСУ: исключительные полномочия; полномочия, которые субъект РФ может забрать себе; полномочия, которые субъект РФ может передать на муниципальный уровень. Особенность регламентации функциональной основы МСУ в новом законе заключается в том, что он закрепляет полномочия по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, а не сами вопросы местного значения, как это было ранее.

К полномочиям второй группы как раз отнесены полномочия по организации библиотечного обслуживания, сохранности фондов би-

блиотек, профилактике межнациональных конфликтов, организации предоставления образования и др. Эти полномочия традиционно осуществлялись на муниципальном уровне, но сейчас решение этих вопросов отдается на откуп регионам, которые по своей инициативе могут либо передать их органам МСУ, либо оставить себе. Переход характерных для низового уровня власти полномочий в социально-культурной сфере в ведение регионов приведет к еще большему подчинению органов МСУ региональным властям и ослабит возможность реального участия в защите традиционных ценностей.

Таким образом, объем полномочий органов МСУ в субъектах РФ будет зависеть от перераспределения полномочий региональными законами, более того, передел полномочий напрямую повлияет на финансовую основу регионов и муниципальных образований. Как именно изменится эта финансовая база, до сих пор нет понимания, а потому процесс распределения полномочий представляется сложным и требующим юридической и финансовой готовности органов публичной власти.

Учитывая изложенное, 1 апреля 2026 г. Совет Федерации одобрил Федеральный закон «Об организации контрольно-надзорной деятельности в отношении органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления и о внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»», в соответствии с которым внесены поправки в ФЗ № 33, а именно отложено вступление в силу статей 32, 37, 39 до 1 января 2028 г. (ранее они вводились в действие с 1 января 2027 г.). Это дает возможность избежать управленческого кризиса и более взвешенно подойти к распределению полномочий, пока муниципальные образования продолжают осуществлять старые полномочия по ФЗ № 131.

Полномочия органов МСУ в сфере защиты традиционных ценностей содержатся в Семейном кодексе РФ [19], согласно п. 2 ст. 13 которого при наличии уважительных причин органы МСУ по месту жительства желающих вступить в брак лиц вправе по их просьбе разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста шестнадцати лет.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 19.03.2001 № 195 «О детском доме семейного типа» [9] в целях создания благоприятных условий для воспитания, обучения, оздоровления и подготовки к самостоятельной жизни детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, органы МСУ могут своими решениями учреждать детские дома семейного типа.

В соответствии с законодательством о противодействии экстремизму и терроризму (Федеральные законы № 114-ФЗ от 25.07.2002 и № 35-ФЗ от 06.03.2006) [20; 21], органы МСУ играют роль в предотвращении этих явлений. Они осуществляют профилактическую работу, проводят воспитательные и пропагандистские мероприятия, реализуют муниципальные программы по борьбе с терроризмом, распространяют информацию, проводят разъяснительные беседы с гражданами и обеспечивают безопасность муниципальных объектов от террористических угроз.

В области молодежной политики органы МСУ также выполняют значимые функции. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [22] (статьи 7.2, 10) определяет их задачи, такие как: содействие в обеспечении и защите прав молодежи, создание и развитие инфраструктуры и учреждений для работы с молодежью, разработка и реализация муниципальных программ, поддержка молодежных инициатив, а также контроль за патриотическим и духовно-нравственным воспитанием, включая оказание поддержки военно-патриотическим, поисковым и краеведческим организациям.

Представительные, исполнительно-распорядительные, отраслевые органы МСУ в сфере культуры, образования, туризма, социальной поддержки населения вовлекаются в реализацию намеченных мероприятий и программ, предусмотренных Указом № 809. В их число входят, как правило, социальная поддержка молодых семей, льготы, пособия, улучшение жилищных условий, открытие творческих студий, проведение патриотических акций, конкурсов и пр.

В образовательной сфере органы МСУ в соответствии со ст. 4 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»

[18] уполномочены принимать правовые акты, направленные на эффективное управление системой образования на муниципальном уровне и осуществление контроля за качеством образования. Целе-направленная работа ведется с подростками через образовательные организации, учреждаемые органами МСУ, посредством осуществления культурно-просветительской и воспитательной деятельности, направленной на формирование правосознания молодежи, основанном на уважение к нашей истории, традициям, культуре. Образовательные организации взаимодействуют с семьями обучающихся, проводят тематические классные часы с приглашением родителей, на которых выступают юристы, сотрудники правоохранительных органов, органов опеки и попечительства, рассказывая о новеллах законодательства, о правах и обязанностях родителей и учеников, об ответственности, о значимости конституционных ценностей и их охране, исторических особенностях муниципального образования.

Органы МСУ, отвечающие за реализацию молодежной политики, проводят конкурсы среди школьников и студентов вузов по разным направлениям и тематике, популяризируя среди подрастающего поколения традиционные ценности.

Укреплению российской самобытности, межнационального и межрелигиозного согласия, сохранению исторической памяти способствует организация и проведение в муниципальных образованиях государственных праздников.

Полномочия органов МСУ в сфере защиты традиционных ценностей также регламентируются Доктриной информационной безопасности, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, Основами государственной культурной политики, Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [12-15] и др.

Распоряжением Правительства РФ № 1734-р от 01.07.2024 г. утвержден План мероприятий, направленный на реализацию Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей на 2024-

2026 годы [10]. В рамках этого плана значительная роль отводится общественным советам при органах МСУ по защите традиционных ценностей. Им предстоит вносить предложения по укреплению духовно-нравственных ценностей, участвовать в разработке муниципальных правовых актов, налаживать сотрудничество с местными органами власти и оценивать их деятельность.

На региональном уровне наблюдается отсутствие унифицированного подхода к правовому регулированию защиты традиционных ценностей, в том числе органами МСУ. В то время как отдельные субъекты РФ разрабатывают и внедряют собственные планы по исполнению Указа № 809, задействуя для этого региональные и муниципальные органы, в ряде других регионов соответствующие нормативные правовые акты до сих пор отсутствуют. Это указывает на значительную вариативность в интерпретации и имплементации федеральных норм. Например, в Краснодарском крае введены в школах уроки мужества и краеведческие экспедиции, в Новосибирской области разработаны методические рекомендации для педагогов по преподаванию истории и литературы с акцентом на патриотизм и семейные ценности и пр.

Однако в региональных актах отсутствует четкое закрепление полномочий органов МСУ, используются, как правило, формулировки «привлекаются», «участвуют» в защите ценностей, но данные формы участия не раскрываются, что снижает эффективность такого взаимодействия.

На муниципальном уровне ситуация похожая. В лучшем случае принимаются планы мероприятий по реализации Указа № 809 при условии согласования задач развития муниципальных образований с целями и задачами государственной политики по защите традиционных ценностей. Их положения зачастую дублируют нормы федеральных и региональных актов и носят общий характер. Советы при главах муниципальных образований, призванные развивать и защищать традиционные ценности, созданы далеко не во всех муниципальных образованиях, а имеющиеся положения о них регламентируют преимущественно организационные вопросы (цели, задачи, порядок формирования).

Это обусловлено тем, что органам МСУ как субъектам защиты традиционных ценностей уделяется недостаточно внимания как в законодательстве, так и в науке, несмотря на их уникальные возможности вовлекать население в процесс сохранения местных традиций и культуры, способствовать укреплению народного единства и духовного суверенитета, что очень важно в современных условиях. Ценность низового уровня власти заключается в его реальной способности служить инструментом влияния на формирование общности интересов, солидарности, взаимного доверия, создания условий для развития территорий. Следовательно, потенциал органов МСУ в защите и укреплении традиционных ценностей в полной мере не раскрыт.

Выводы

Традиционные ценности – это нравственные идеалы, которые формировались в российском государстве на основе отражающих его самобытность традиций, передаваемые из поколения в поколение. Поскольку в сфере их защиты задействованы все органы публичной власти, то необходимо создать оптимальную модель сотрудничества государственных органов и органов МСУ, основанную на единообразном понимании терминологии в сфере защиты традиционных ценностей и разграничении полномочий между уровнями власти.

Введение правовой категории «традиционные российские духовно-нравственные ценности» стало прецедентом, однако ее неоднозначность и открытость для субъективных интерпретаций породили сложности в единообразном правоприменении. Ценностная система продолжает свое формирование и находится в процессе институционализации.

В этой связи, следуя принципу правовой определенности, необходимо принять федеральный закон, регламентирующий понятийный аппарат, а также полномочия в сфере защиты традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей органов публичной власти, включая низовой уровень, а также общественный контроль и участие гражданского общества.

МСУ играет ключевую роль в укреплении российской государственности. Муниципальная реформа усиливает вертикаль власти, встраивая органы МСУ в общую систему управления, что подчеркивает их взаимозависимость и потребность в эффективном взаимодействии в области защиты традиционных ценностей. Однако органам МСУ уделяется недостаточно внимание в правовых актах, посвященных защите традиционных ценностей, они, как правило, в них просто упоминаются в качестве участников реализации государственной политики, а их полномочия закрепляются в разных отраслевых законах.

С учетом современных вызовов и конституционно-правовых реалий России защита традиционных ценностей становится ядром государственной политики по укреплению государственного суверенитета, где МСУ должно занять достойное место. В этой связи следует сделать вывод о необходимости продолжения законодательной работы по обеспечению системного и последовательного регулирования полномочий органов МСУ в сфере защиты традиционных ценностей прежде всего на федеральном уровне [2, с. 45].

Несмотря на уже имеющиеся сложности в реализации полномочий органов МСУ по защите духовно-нравственных ценностей, муниципальная реформа внесла свои коррективы в их функциональную основу. Анализ базовых ФЗ № 131, ФЗ № 33 позволяет выявить ключевые сопровождающие муниципальную реформу изменения в полномочиях органов МСУ, заключающиеся в передаче характерных для низового уровня и традиционно реализуемых на нем полномочий в социально-культурной сфере регионам, что в конечном итоге приведет к снижению эффективности защиты традиционных ценностей органами МСУ, имеющих тесную связь с населением и напрямую влияющих на формирование и культивирование традиционных ценностей.

Совершенствование правового регулирования защиты традиционных ценностей требует фокусировки на законодательстве и усилении роли муниципальных органов власти. Органы МСУ обладают возможностью вовлекать население в процесс сохранения местных традиций и культуры, что способствует укреплению народного един-

ства. Как следствие, нужно использовать этот потенциал в защите и укреплении традиционных ценностей.

Целесообразно в установленный переходный период до внедрения новой модели распределения полномочий между региональным и муниципальным уровнями вернуться к вопросу о сохранении за МСУ исконно принадлежащих им полномочий, закрепив их в ст. 32 ФЗ № 33.

Таким образом, системный и комплексный подход к правовой регламентации нравственных идеалов как новых юридических категорий и полномочий органов МСУ с учетом предложенных мер позволит им качественно выполнять поставленные государством задачи по защите традиционных ценностей.

Список литературы

1. Адамянц, С. Т. (2023). Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения: вопросы теории и практики. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, (1), 56–63. <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-1-61-68>. EDN: <https://elibrary.ru/RXAPZH>
2. Аничкин, Е. С. (2025). Современная роль конституционного права в укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества. *Российско-Азиатский журнал*, (4), 42–46. [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.7](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.7). EDN: <https://elibrary.ru/YVDQWY>
3. Бабурин, С. Н. (2021). Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации. *Конституционное и муниципальное право*, (1), 3–6. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-1-3-6>. EDN: <https://elibrary.ru/LEGJPW>
4. Бредихин, А. Л., & Байкеева, С. Е. (2023). Концепция «традиционных ценностей» в контексте формирования государственной идеологии. *Право и государство: теория и практика*, (9), 23–25. EDN: <https://elibrary.ru/KNXLLN>
5. Хабриева, Т. Я., Андриченко, Л. В., Нанба, С. Б., & Помазанский, А. Е. (2021). *Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учётом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года* (В. В. Путин [обращение к читателям]; Т. Я. Хабриева, ред.). Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М. 368 с. <https://doi.org/10.12737/1836403>. EDN: <https://elibrary.ru/OIPPUN>
6. Корнев, В. Н. (2023). Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства. *Правосудие*, 5(1), 8–15. EDN: <https://elibrary.ru/IRAUCG>

7. Неверов, А. Я. (2025). Сохранение российских духовно-нравственных ценностей как условие обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. *Вестник Сургутского государственного университета*, 13(2), 117–125. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-2-11>. EDN: <https://elibrary.ru/EKSGTK>
8. Мещеряков, Д. А. (2023). Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей как условие обеспечения национальной безопасности России. В *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. XXII Национальная научная конференция с международным участием* (с. 200–202). Москва. EDN: <https://elibrary.ru/XREHUR>
9. Правительство Российской Федерации. (2001). *Постановление Правительства РФ от 19.03.2001 № 195 «О детском доме семейного типа»*. Получено с официального портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
10. Правительство Российской Федерации. (2024). *Распоряжение Правительства РФ от 01.07.2024 № 1734-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»*. Получено с официального портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
11. Президент Российской Федерации. (2022). *Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»*. Получено с официального сайта Президента РФ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 05.03.2026).
12. Президент Российской Федерации. (2024). *Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»*. Получено с официального портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
13. Президент Российской Федерации. (2016). *Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»*. Получено с официального портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
14. Президент Российской Федерации. (2021). *Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»*. Получено с официального портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
15. Президент Российской Федерации. (2014). *Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»*. Получено с официального портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).

16. Российская Федерация. (2025). *Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»*. Получено с официального интернет-портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
17. Российская Федерация. (2003). *Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»* (частично утратил силу). Получено с официального интернет-портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
18. Российская Федерация. (2012). *Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»*. Получено с официального интернет-портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
19. Российская Федерация. (1995). *Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ*. Получено с официального интернет-портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
20. Российская Федерация. (2002). *Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»*. Получено с официального интернет-портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
21. Российская Федерация. (2006). *Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»*. Получено с официального интернет-портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
22. Российская Федерация. (2020). *Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»*. Получено с официального интернет-портала правовой информации: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
23. Рудаков, А. Б. (2021). Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте проблематики российской общегражданской идентичности. *Культурологический журнал*, (2), 35–40. <https://doi.org/10.34685/HI.2021.95.78.014>. EDN: <https://elibrary.ru/JUUBRT>
24. Хижняк, В. С. (2025). Охрана и защита традиционных духовно-нравственных ценностей как один из приоритетов деятельности публичной власти в Российской Федерации. *Правовая политика и правовая жизнь*, (3), 31–44. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2025-3-31-44>. EDN: <https://elibrary.ru/VFOLID>
25. Чирков, Ф. В. (2024). Российские духовно-нравственные ценности и их уголовно-правовая охрана в XVI–XIX веках. *Юридический вестник Самарского университета*, 10(4), 57–64. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-4-57-64>. EDN: <https://elibrary.ru/AFANQX>

References

1. Adamyants, S. T. (2023). Spiritual and moral values of Russian society as an object of legal protection: Issues of theory and practice. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, (1), 56–63. <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-1-61-68>. EDN: <https://elibrary.ru/RXAPZH>
2. Anichkin, E. S. (2025). The modern role of constitutional law in strengthening the traditional spiritual and moral values of Russian society. *Russian-Asian Journal*, (4), 42–46. [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.7](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.7). EDN: <https://elibrary.ru/YVDQWY>
3. Baburin, S. N. (2021). The 2020 constitutional reform in the Russian Federation as a way to strengthen the nation. *Constitutional and Municipal Law*, (1), 3–6. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-1-3-6>. EDN: <https://elibrary.ru/LEGJPW>
4. Bredikhin, A. L., & Baikееva, S. E. (2023). The concept of “traditional values” in the context of forming a state ideology. *Law and State: Theory and Practice*, (9), 23–25. EDN: <https://elibrary.ru/KNXLLN>
5. Khabrieva, T. Ya., Andrichenko, L. V., Nanba, S. B., & Pomazansky, A. E. (2021). *Commentary on the Constitution of the Russian Federation (article-by-article): Taking into account the amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020* (V. V. Putin [foreword]; T. Ya. Khabrieva, Ed.). Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M. 368 p. <https://doi.org/10.12737/1836403>. EDN: <https://elibrary.ru/OIPPUN>
6. Kornev, V. N. (2023). Traditional constitutional values as the spiritual and moral foundation for the unity of Russian society and the state. *Justice*, 5(1), 8–15. EDN: <https://elibrary.ru/IRAUCG>
7. Neverov, A. Ya. (2025). Preserving Russian spiritual and moral values as a condition for ensuring the national security of the Russian Federation. *Bulletin of Surgut State University*, 13(2), 117–125. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-2-11>. EDN: <https://elibrary.ru/EKSGTK>
8. Meshcheryakov, D. A. (2023). Strengthening traditional Russian spiritual and moral values as a condition for ensuring Russia’s national security. In *Russia: Trends and Development Prospects. Yearbook. XXII National Scientific Conference with International Participation* (pp. 200–202). Moscow. EDN: <https://elibrary.ru/XREHUR>
9. Government of the Russian Federation. (2001). *Resolution of the Government of the Russian Federation No. 195 dated March 19, 2001 “On the Family-Type Children’s Home”*. Retrieved from the official legal information portal: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).
10. Government of the Russian Federation. (2024). *Order of the Government of the Russian Federation No. 1734-r dated July 1, 2024 “On Approval of the Action Plan for the Implementation in 2024–2026 of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”*. Retrieved from the official legal information portal: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).

11. President of the Russian Federation. (2022). *Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"*. Retrieved from the official website of the President of the Russian Federation: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed March 5, 2026).
12. President of the Russian Federation. (2024). *Decree of the President of the Russian Federation No. 309 dated May 7, 2024 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Long Term up to 2036"*. Retrieved from the official legal information portal: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).
13. President of the Russian Federation. (2016). *Decree of the President of the Russian Federation No. 646 dated December 5, 2016 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation"*. Retrieved from the official legal information portal: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).
14. President of the Russian Federation. (2021). *Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 "On the National Security Strategy of the RF"*. Retrieved from the official legal information portal: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).
15. President of the Russian Federation. (2014). *Decree of the President of the Russian Federation No. 808 dated December 24, 2014 "On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy"*. Retrieved from the official legal information portal: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).
16. Russian Federation. (2025). *Federal Law No. 33-FZ dated March 20, 2025 "On the General Principles of Organization of Local Self-Government within the Unified System of Public Authority"*. Retrieved from the official internet portal of legal information: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).
17. Russian Federation. (2003). *Federal Law No. 131-FZ dated October 6, 2003 "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"* (partially repealed). Retrieved from the official internet portal of legal information: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).
18. Russian Federation. (2012). *Federal Law No. 273-FZ dated December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation"*. Retrieved from the official internet portal of legal information: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).
19. Russian Federation. (1995). *Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995*. Retrieved from the official internet portal of legal information: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).
20. Russian Federation. (2002). *Federal Law No. 114-FZ dated July 25, 2002 "On Countering Extremist Activities"*. Retrieved from the official internet portal of legal information: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).
21. Russian Federation. (2006). *Federal Law No. 35-FZ dated March 6, 2006 "On Countering Terrorism"*. Retrieved from the official internet portal of legal information: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).

22. Russian Federation. (2020). *Federal Law No. 489-FZ dated December 30, 2020 "On Youth Policy in the Russian Federation"*. Retrieved from the official internet portal of legal information: <http://pravo.gov.ru/> (accessed March 5, 2026).
23. Rudakov, A. B. (2021). Traditional Russian spiritual and moral values in the context of the problems of Russian civic identity. *Cultural Studies Journal*, (2), 35–40. <https://doi.org/10.34685/HI.2021.95.78.014>. EDN: <https://elibrary.ru/JUUBRT>
24. Khizhnyak, V. S. (2025). Protection and safeguarding of traditional spiritual and moral values as one of the priorities of public authority in the Russian Federation. *Legal Policy and Legal Life*, (3), 31–44. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2025-3-31-44>. EDN: <https://elibrary.ru/VFOLID>
25. Chirkov, F. V. (2024). Russian spiritual and moral values and their criminal-legal protection in the 16th–19th centuries. *Samara University Law Herald*, 10(4), 57–64. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-4-57-64>. EDN: <https://elibrary.ru/AFANQX>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Еремейкина Лада Львовна, студент 3 курса юридического института

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, г. Барнаул, Алтайский край, 656049, Российская Федерация

lada.rayskaya2107@mail.ru

Казанцева Олеся Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, г. Барнаул, Алтайский край, 656049, Российская Федерация

verwaltung@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lada L. Eremeykina, 3rd year student at the Law Institute

Altai State University

61, Lenin Ave., 61, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russian Federation

lada.rayskaya2107@mail.ru

Olesya L. Kazantseva, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law

Altai State University

61, Lenin Ave., 61, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russian Federation

verwaltung@mail.ru

Поступила 10.03.2026

После рецензирования 20.04.2026

Принята 23.04.2026

Received 10.03.2026

Revised 20.04.2026

Accepted 23.04.2026

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-2-276

EDN: TSCHYW

УДК 342.731

Пределы реализации права на свободу совести в трудовых правоотношениях: конституционные гарантии и международный опыт

К.Г. Соколовский

Гуманитарно-техническая академия, Кокшетау, Республика Казахстан

Аннотация

Обоснование. В статье рассматриваются вопросы реализации права на свободу совести в сфере трудовых отношений, изучены коллизии, возникающие между правом работника на проявление религиозных убеждений и обязанностью надлежащего исполнения трудовых функций, а также интересами работодателя и правами третьих лиц.

Цель. На основе сравнительно-правового анализа международной практики и доктринальных подходов выработать комплекс критериев пропорциональности для определения правомерности отказа работника от выполнения трудовых функций по религиозным мотивам, а также установить границы реализации концепции «разумного приспособления» в трудовых правоотношениях.

Методы. Ведущим методом исследования является сравнительно-правовой метод, в рамках которого проведен системный анализ практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и международных правовых актов. Применение данного метода позволило выявить эволюцию подходов к защите свободы совести в трудовых отношениях. Также своё применение нашли формально-юридический метод и системный анализ.

Результаты. Раскрыто содержание свободы совести через разграничение *forum internum* и *forum externum*; предложен алгоритм правовой оценки религиозно мотивированного отказа от выполнения трудовых обязанностей, включающий проверку искренности убеждений, наличия вмешательства, легитимной цели ограничения и его пропорциональности; установлено, что обязанность работодателя по обеспечению «разумного приспособления» условий труда не является абсолютной и ограничивается требованиями безопасности, правами других работников и производственной необходимостью. Сделан вывод о необходимости применения

индивидуализированного подхода при разрешении споров между религиозным работником и работодателем, основанного на принципе пропорциональности и учёте баланса частных и публичных интересов, поскольку только через внедрение механизмов медиации и индивидуальной оценки каждого случая возможно достижение подлинного баланса интересов в трудовых правоотношениях. Результаты могут быть использованы в правоприменительной практике и при совершенствовании трудового законодательства.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании норм трудового и конституционного права, в судебной практике при разрешении споров о допустимости религиозно мотивированного отказа от трудовых обязанностей, а также в практической деятельности работодателей и HR-специалистов при разработке локальных нормативных актов и политик разумного приспособления в многоконфессиональных трудовых коллективах.

Ключевые слова: свобода совести; трудовые правоотношения; конституционное право; религиозные убеждения; разумное приспособление; тест пропорциональности; дискриминация; светское государство; *forum internum*; *forum externum*

Для цитирования. Соколовский, К. Г. (2026). Пределы реализации права на свободу совести в трудовых правоотношениях: конституционные гарантии и международный опыт. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(2), 110-129. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-276>

Limits on the exercise of the right to freedom of conscience in labor relations: constitutional guarantees and international experience

K.G. Sokolovskiy

Humanitarian-Technical Academy, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

Abstract

Background. The article examines the implementation of the right to freedom of conscience in labor relations and analyzes the conflicts arising between an employee's right to manifest religious beliefs and the obligation to duly perform labor functions, as well as the employer's interests and the rights of third parties.

Purpose. The purpose of the article is to determine, drawing on international experience, the limits of the realization of freedom of conscience in the labor sphere and the legitimacy of an employee's refusal to perform official duties on religious grounds.

Materials and methods. The leading research method is the comparative legal method, within which a systematic analysis of the case law of the European Court of

Human Rights (ECtHR) and international legal instruments has been carried out. The application of this method has made it possible to identify the evolution of approaches to the protection of freedom of conscience in employment relations. In addition, the formal legal method and systemic analysis have been employed.

Results. The study clarifies the content of freedom of conscience through the distinction between forum internum and forum externum. An algorithm is proposed for the legal assessment of a religiously motivated refusal to perform labor duties, which includes verification of the sincerity of beliefs, the existence of an interference, a legitimate aim of restriction, and its proportionality. It is established that the employer's duty to provide "reasonable accommodation" of working conditions is not absolute and is limited by requirements of safety, the rights of other employees, and operational necessity. The author concludes that an individualized approach based on the principle of proportionality and the balance of private and public interests is necessary when resolving disputes between a religious employee and an employer. Only through the introduction of mediation mechanisms and individual assessment of each case can a genuine balance of interests in labor relations be achieved. The findings can be applied in law enforcement practice and in the improvement of labor legislation.

Practical implications. The results of the study can be used in legislative activities to improve norms of labor and constitutional law, in judicial practice when resolving disputes concerning the permissibility of religiously motivated refusal to perform labor duties, and in the practical work of employers and HR specialists when developing local regulations and policies on reasonable accommodation in multi-confessional work collectives.

Keywords: freedom of conscience; labor relations; constitutional law; religious beliefs; reasonable accommodation; proportionality test; discrimination; secular state; forum internum; forum externum

For citation. Sokolovskiy, K. G. (2026). Limits on the exercise of the right to freedom of conscience in labor relations: constitutional guarantees and international experience. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(2), 110-129. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-276>

Введение

На протяжении нескольких десятилетий свобода совести занимает одно из центральных мест в системе международной защиты прав человека, однако её практическая реализация в трудовых правоотношениях остаётся одной из наиболее сложных и недостаточно изученных конституционно-правовых проблем. В условиях глобализации, активных миграционных процессов и кардинальной трансформации рынка труда конфликты между правом работника на проявление религиозных

убеждений и его обязанностью добросовестно исполнять трудовую функцию возникают всё чаще, приобретая новое практическое и теоретическое звучание. Устойчивый рост трудовых споров по религиозным мотивам требует переосмысления баланса между конституционными гарантиями свободы совести и интересами работодателя, трудового коллектива и общества в целом. В этой связи исследование пределов реализации права на свободу совести в трудовых правоотношениях становится особенно актуальным и своевременным.

Новизна исследования заключается в авторском конституционно-правовом анализе пределов допустимости отказа работника от выполнения трудовых обязанностей по религиозным мотивам на основе международных стандартов прав человека и актуальной практики ЕСПЧ с учётом современных трансформаций трудовых отношений.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией свободы совести в сфере труда. Предметом – конституционно-правовые нормы и механизмы, определяющие пределы допустимости отказа от выполнения трудовых обязанностей по религиозным убеждениям.

Целью настоящего исследования является конституционно-правовое определение пределов допустимости отказа работника от выполнения трудовых обязанностей по религиозным мотивам на основе международных стандартов прав человека и практики ЕСПЧ. В свою очередь, цель обуславливает решение таких задач, как раскрытие правовой природы религиозных убеждений в контексте трудовых правоотношений, анализ международных стандартов и практики ЕСПЧ по определению пределов такого отказа, систематизация критериев и условий допустимости отказа, а также выработка практических рекомендаций по разрешению возникающих коллизий.

Религиозные убеждения и их правовая природа в контексте трудовых обязанностей

Свобода придерживаться религиозных убеждений и выстраивать свою жизнь согласно выбранному вероучению представляет собой неотъемлемый элемент свободы мысли, совести и религии -

фундаментального права, гарантированного как Конституцией, так и международными договорами в сфере прав человека. Так, Всеобщая декларация прав человека (1948) в статье 18 провозглашает: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» [1].

Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) развивает это положение: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и совместно с другими, публично или частным образом, в отправлении культа, выполнении религиозных обрядов и ритуалов, а также в обучении» [4]. При этом право защищает не только последователей традиционных религий, но и приверженцев любых убеждений, включая нетрадиционные, нерелигиозные или атеистические взгляды, при условии их искренности, которые, как подчёркивает Х. Билефельдт (Heiner Bielefeldt), в прошлом Специальный докладчик ООН по вопросу о свободе религии или убеждений, «имеет статус неотъемлемого права человека на свободу и равенство, принадлежащего всем людям в силу их присущего достоинства» [16, с. 35].

Под религиозными убеждениями традиционно понимается внутренний, глубоко личный аспект свободы совести (*forum internum*), а именно система взглядов, ценностей и моральных императивов, которые индивид воспринимает как обязательные для своего поведения и которые связаны с трансцендентным, моральным или мировоззренческим началом. Комитет ООН по правам человека подчеркивает [3], что это право является «далеко идущим и глубоким», абсолютным и не подлежащим ограничению, поскольку относится к сфере внутреннего мира человека, охватывая теистические, нетеистические и атеистические убеждения, а также право

не исповедовать никакой религии. Иными словами, это часть того, что CEO компании «Apple» Т. Кук (Tim Cook) назвал «свободой быть человеком» [17]. Фактически *forum internum* выступает как триединая категория: право сохранять мысли и убеждения в тайне, право не допускать манипуляции своими мыслями и как право не подвергаться наказанию за свои мысли [13, с. 594].

Помимо *forum internum* в праве выделяется *forum externum*, который предполагает внешнюю сторону свободу совести, её видимые проявления, как-то: принадлежность к той или иной религиозной общине, принятие догматов таковой, участие в богослужениях, проведение религиозных церемоний, миссионерской деятельности, ношение религиозной одежды или символики (хиджаб, крест, кипа и др.), поддержка социальных и иных проектов общины и проч. И поэтому именно *forum externum*, но никак не *forum internum* может быть ограничен - разумеется, только законом и лишь в той мере, в какой это необходимо для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья, нравственности или основных прав и свобод других лиц [4].

В структуре трудовых правоотношений религиозные убеждения зачастую вступают в конфликт с двумя важнейшими правовыми нормами: свободой труда и обязанностью работника добросовестно выполнять трудовую функцию [10, с. 85]. Свобода труда, как известно, охватывает право на выбор профессии, места работы и условий труда, а также возможность отказываться от действий, противоречащих внутренним убеждениям человека. С другой стороны, перед вступлением в должность работник подписывает трудовой договор, в котором прописываются, как правило, и взаимные обязательства: он обязуется выполнять порученную работу в соответствии с должностной инструкцией, а работодатель - обеспечивать ему условия труда.

Когда религиозные убеждения препятствуют выполнению тех или иных трудовых обязанностей - отказ от определённых медицинских процедур, невозможность отлучиться в течение дня на пятикратную молитву, запрет на ношение хиджаба, религиозных символов (крест, амулеты), обязанность бриться, произносить

противоречащие вере клятвы и формулы и проч., - возникает вопрос о балансе индивидуальных прав работника и коллективных интересов работодателя и трудового коллектива. Международные стандарты не признают абсолютного права на отказ от трудовых обязанностей по религиозным мотивам, но требуют от работодателя рассмотрения возможности разумного приспособления, а именно внесения минимальных изменений в организацию труда, не создающих неоправданного бремени для компании. Вслед за К. Алидади (Katayoun Alidadi), узнаваемой исследовательницей прав человека из Университета Брайант, США [14, с. 693-695], зафиксируем, что разумное приспособление (*reasonable accommodation*) представляет собой удовлетворение (либо поиск возможных путей удовлетворения) администрацией предприятия запросов верующих сотрудников о выполнении ими своей работы в соответствии с религиозными убеждениями и обычаями, при условии, что такие решения не накладывают непропорционально тяжёлое бремя на работодателя или не ограничивают права их коллег.

Обратим внимание, что из нашего определения следуют важные аспекты:

- индивидуальный характер решений работодателя по каждому конкретному случаю;
- подлинность религиозных убеждений работников;
- необходимость соблюдения баланса интересов верующего работника и работодателя и трудового коллектива;
- принцип разумности и справедливости при принятии решений, поскольку такая корректировка общих для всех правил и сделанные уступки не должны создавать чрезмерных трудностей работодателю.

Выделим три теоретические модели соотношения личных религиозных убеждений и коллективных трудовых интересов.

Первая модель - либерально-индивидуалистическая, где приоритет отдаётся автономии личности. *Forum internum* здесь рассматриваются как неотъемлемая часть человеческого достоинства, из чего следует, что трудовые отношения должны максимально учитывать

религиозные убеждения работника. Такой подход близок к практике ЕСПЧ в спорах верующего работника и работодателя, более того, он является мейнстримом современной европейской правовой мысли, в его контексте авторы рассматривают не только кейсы по трудовому праву [15; 19], но и вопросы *forum internum* учащихся в школах и ВУЗах (ношение хиджаба, отказ от участия в спортивных мероприятиях, меню в заведениях питания на территории учебных заведений и т.д.) [23], поступивших в больницы пациентов (отказ сдавать кровь, отсутствие молельных комнат, неверие врачей в чудо исцеления, предоставление медицинских ресурсов верующим в первую очередь) [24] и др., чаще всего соглашаясь с необходимостью создания условий для защиты прав верующих.

Вторую модель назовём прагматической, её фокус смещён на приоритет эффективности производства, прав других работников и администрации предприятия. Отказ религиозного работника от выполнения своих обязанностей допустим только в исключительных случаях, а его требования удовлетворяются только тогда, когда они не нарушают существенные интересы предприятия, как-то: производительность, имидж, безопасность, непрерывность работы и др. Современные американские исследователи, поддерживающие данную модель, опираются в большинстве на решение Верховного Суда США по делу *Groff v. DeJoy* (2023), из которого следует, что работодатель не обязан предоставлять работнику обусловленные его верой послабления, если приходится «нести расходы, превышающие минимально допустимые» [21]. Схожая ситуация отмечается во Франции [11, с. 137, 139]

Третья модель – пропорционального баланса, думается, наиболее распространённая и потенциально применимая. В её основу положен классический тест пропорциональности, который позволяет работодателю соотнести религиозные убеждения по критериям искренности, когерентности и важности для индивида, а также по степени их влияния на трудовой процесс.

Тем самым мы видим, что религиозные убеждения в контексте трудовых правоотношений обладают двойственной природой: они

являются абсолютным внутренним правом, но их реализация в трудовой сфере требует взвешенного подхода, учитывающего интересы не только самого верующего, но и работодателя, а также трудового коллектива.

Практика ЕСПЧ и принципы определения пределов допустимости отказа

Как указывалось выше (и на это нас ориентирует также Общий комментарий № 22 Комитета ООН по правам человека (1993) [3]), *forum internum* не подлежит никаким ограничениям, тогда как *forum externum* (к нему относится и отказ верующего работника от выполнения тех или иных действий, корпоративных обязанностей по религиозным основаниям) может быть ограничен, но только при соблюдении критериев необходимости и пропорциональности.

Рассмотрим, как практика ЕСПЧ развивает эти положения применительно к трудовым отношениям. Суд неоднократно указывал, что право на свободу религии, согласно статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), включает возможность работника на рабочем месте «придерживаться убеждений как индивидуально, так и сообщая с другими, публичным или частным образом - в богослужении, учении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» [2], однако государство и работодатель обладают определённой «свободой усмотрения» (*margin of appreciation*) при оценке того, насколько такое проявление совместимо с интересами предприятия и не нарушает ли оно права других членов трудового коллектива. В делах, связанных с отказом от выполнения отдельных обязанностей (в том числе, из-за графика работы в запрещённые по религиозным канонам дни, ритуальных молитв в рабочее время, нарушения дресс-кода и др.), Суд рекомендует искать баланс между правами работника и эффективной организацией трудового процесса.

Анализ практики ЕСПЧ позволяет увидеть, как реализуются международные стандарты свободы совести в контексте трудовых отношений. Одним из наиболее известных дел является *Eweida and Others v. the United Kingdom* (2013), в котором Суд рассмотрел группу

жалоб четырёх британских христиан, касающихся нарушения *forum externum* в связи с исполнением профессиональных обязанностей. Работодатель запретил ношение крестика Н. Эвейде, сотруднице «British Airways», из-за нарушения дресс-кода компании, а также медсестре Ш. Чаплин как работнице медицинского учреждения; служащая муниципалитета Л. Ладеле отказалась регистрировать однополые браки, поскольку это противоречило её христианским убеждениям, а психолог Г. МакФарлейн по аналогичной причине отказался консультировать однополые пары. Если в деле Эвейды Суд встал на её сторону (отказ работодателя непропорциональный, поскольку ношение крестика не мешает выполнению трудовых обязанностей и не создаёт угрозу для других работников или клиентов), то в делах Чаплин (крестик и цепочка на шее могут потенциально травмировать пациентов), Ладеле (государственный орган должен предоставлять услуги всем гражданам без их дискриминации) и МакФарлейна (право клиентов на получение услуг без дискриминации по признаку ориентации «перевешивает» религиозные убеждения сотрудника) не нашёл нарушений: ограничение прав работников-христиан было признано оправданным, поскольку отказ затрагивал права третьих лиц на равное обращение [5].

Другое важное решение ЕСПЧ - дело *Konttinen v. Finland* (1996) [7]. Работник финской железной дороги Т. Конттинен, став членом церкви Адвентистов седьмого дня, отказался работать в пятницу после захода солнца и субботу (основное убеждение 20 доктрины адвентистов), а в связи с отказом руководства предоставить ему сокращённый день, самовольно покидал рабочее место, из-за чего был уволен. Судом было установлено, что увольнение Конттинена, покидавшего рабочее место по пятницам вечером сообразно вероучению адвентистов, не нарушило статью 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку работник добровольно принял условия трудового договора, предполагавшего вечернее время работы во все дни недели, в то время как в обязанности работодателя не входит изменение графика работы персонала сообразно его религиозным потребностям, если это приводит

к сбоям в работе. В последующих кейсах Суд в целом подтвердил свою позицию: государство не обязано возлагать на работодателя чрезмерное бремя по перераспределению обязанностей, если верующий работник знал о графике при приёме на работу, но не отказался от трудоустройства.

Схожие между собой дела *Grimmark v. Sweden* [6] и *Steen v. Sweden* [8] были рассмотрены ЕСПЧ в 2020 году. Медсёстры-акушерки Э. Гринмарк и Л. Стин, будучи христианками, при трудоустройстве по специальности заявляли об отказе ассистировать при хирургических абортах по религиозным убеждениям, в связи с чем получали отказы клиник. Суд, как и в деле Конттинена, не усмотрел нарушения статьи 9, поскольку шведская система позволяла направлять таких специалистов в другие отделения или больницы, где аборт не проводится, а нежелание акушерок участвовать в хирургических абортах создавало реальные сложности при оказании медицинской помощи. Суд подчеркнул, что право на *forum externum* не позволяет верующему отказаться от той или иной части трудовых обязанностей по своему выбору, особенно когда это касается неотложной медицинской помощи и нарушает права пациентов.

Интерес для настоящей работы представляет и рассмотренное в этом же году дело *Thlimmenos v. Greece* [9]. Член греческой общины Свидетелей Иеговы Я. Тлимменос был осуждён военным судом за отказ по своим религиозным убеждениям носить форму в период военных сборов, а спустя шесть лет он как имеющий судимость не смог занять должность бухгалтера, несмотря на блестяще сданный экзамен и пройденное собеседование. Полученный отказ в приёме на должность лица, ранее осуждённого за нежелание носить военную форму по религиозным мотивам, был признан дискриминационным, что заложило основу для требования дифференцированного подхода и поиска разумных альтернатив (прежде всего, теста пропорциональности) даже при приёме на государственную службу.

В целом практика ЕСПЧ показывает довольно сдержанный подход, поскольку Суд последовательно отказывается признавать за религиозным работником абсолютное право на отказ от исполнения

противоречащих его вероучению функциональных обязанностей, но при этом требует как от государства, так и от частного работодателя отталкиваться от теста пропорциональности, позволяющего понять, насколько искренни и глубоки религиозные убеждения работника, насколько значим для него отказ, насколько он обременителен для работодателя и коллег и не нарушает ли права третьих лиц. Там, где возможны минимальные послабления без существенного ущерба для работы (дело крестика Эвейде), Суд склоняется в пользу работника, но там, где отказ касается трудовых обязанностей или создаёт риск для других людей, приоритет отдаётся интересам работодателя и общества. ЕСПЧ защищает свободу совести в трудовых отношениях, но не ценой паралича трудового процесса или дискриминации других лиц.

Важным международным стандартом в этой сфере стал принцип разумного приспособления, который, хотя прямо и не закреплён в универсальных документах ООН, активно применяется в практике Комитета по правам человека, ЕСПЧ и других международных организаций. Суть принципа заключается в обязанности (!) работодателя вносить изменения в организацию труда (пересмотр графика, перераспределение задач, предоставление альтернативных обязанностей), чтобы соблюсти *forum internum* религиозного работника, однако если это не создаёт чрезмерного бремени для предприятия. Такой подход позволяет избежать как прямой, так и косвенной дискриминации по признаку религии, однако европейские исследователи признают, что если сейчас «в контексте дискриминации по признаку расы и пола стандарт проверки весьма строгий, то пока неясно, будет ли такой же строгий стандарт пропорциональности применяться к делам, связанным с религией или убеждениями» [22, с. 259]. Тем более, что, если рассматривать частности, а не общие рекомендации ЕСПЧ, носящие больше декларативный характер, критерии, по которым работодатель, применяя тест пропорциональности, должен принимать решение об удовлетворении тех или иных религиозных потребностей своего верующего работника, ещё остаются размытыми. Не случайно крупнейший специалист по трудовому праву Л. Викерс

(Lucy Vickers) из Университета Оксфордшир Брукс, Великобритания констатирует, что «пока неясно, какие именно факторы Суд ЕС признаёт достаточными для оправдания косвенной дискриминации по религиозному признаку: может ли работодатель отказаться от разумного приспособления, ссылаясь на финансовые издержки? Должен ли работодатель, стремящийся формировать современный имидж компании в глазах клиентов, иметь возможность обосновать ограничение на ношение религиозной одежды?» [18, с. 27].

Думается, что решение работодателя сообразно тесту пропорциональности будет неизбежно иметь в этой связи субъективный характер, однако важнейшие его факторы мы можем выделить: это искренность и глубина убеждений работника, степень их влияния на выполнение функциональных обязанностей, наличие альтернативных вариантов удовлетворения религиозных потребностей, возможные негативные последствия для компании и третьих лиц вообще. Комитет ООН и ЕСПЧ, как было показано, ориентируют на то, что простого указания верующим сотрудником на религиозный характер отказа от выполнения своих обязанностей недостаточно, требуется индивидуальная всесторонняя оценка каждого случая.

Тем самым, критически важно в каждом кейсе понимать, насколько искренне требование работника соблюдать его религиозные права, является ли это его искренней мировоззренческой позицией или лишь попыткой манипулировать работодателем для создания себе более комфортных условий труда. Например, эксперт ОБСЕ и известный исследователь прав человека из Университета Эмори, США Т. Джереми Ганн (Т. Jeremy Gunn) предлагает различать «искреннее религиозное действие» и просто «предпочтение» верующего сотрудника через анализ трёх ключевых аспектов *forum externum*:

- 1) Религия как убеждение - когда человек действительно верит и следует религиозным принципам;
- 2) Религия как идентичность - когда религия становится частью самоидентификации человека;
- 3) Религия как образ жизни - когда религиозные принципы определяют повседневное поведение.

Автор подчёркивает, что важно смотреть не на формальное соответствие религиозным канонам, а на то, как религия проявляется в жизни человека через его искреннюю веру, самоидентификацию, повседневные действия и образ жизни [20].

Пределы допустимости отказа работодателя определяются прежде всего необходимостью защиты базовых общественных интересов. Так, просьба религиозного работника не может быть удовлетворена, если это создаёт угрозу безопасности, когда он отказывается выполнять действия, необходимые для предотвращения вреда жизни или здоровью других людей (нежелание пилота-сигха снять дастар для плотного прилегания кислородной маски во время полёта, сотрудника службы охраны, проповедующего абсолютное ненасилие, применить физическую силу или оружие к грабителю, врача из последователей протестантской харизматической общины вакцинироваться во время эпидемии, но при этом продолжать контактировать с пациентами и т.д.). Аналогично недопустима ситуация нарушения прав третьих лиц: нельзя отказываться обслуживать граждан определённой группы по религиозным мотивам, поскольку человек, добровольно вступающий в сферу публичных услуг (торговля, медицина, государственная служба), принимает на себя обязанность относиться к любым клиентам на равных условиях.

Это же относится и к существенным нарушениям трудового процесса: если отказ от исполнения своих обязанностей приводит к срыву критически важных операций, парализует работу коллектива или возлагает чрезмерную нагрузку на коллег, работодатель вправе не идти на уступки. Тем более, в практике международных органов подчёркивается, что отказ от обязанностей не может использоваться для навязывания своих убеждений окружающим или для уклонения от исполнения существенных элементов трудового договора.

Таким образом, международные стандарты исходят из презумпции необходимости поиска компромисса, поскольку абсолютный отказ работодателя от удовлетворения запроса верующего работника противоречит принципу разумного приспособления, в то время как поддержка любого его «религиозного» требования - тесту пропор-

циональности. Только при таком условии свобода совести сохраняет своё реальное значение в трудовых отношениях, не становясь ни способом уклонения от обязанностей, ни лишь прописанной в Конституции формальной декларацией свободы совести без практического содержания в практике трудовых правоотношений.

Выводы

1. В трудовых правоотношениях *forum internum* как внутренние убеждения не подлежат ограничению абсолютно, тогда как *forum externum*, то есть внешние проявления в виде отказа от действий, ношения религиозных символов, участие в обрядах и т.д., может быть ограничен, но только на основании закона, при легитимной цели и с соблюдением пропорциональности.

2. Отказ работника от выполнения трудовых обязанностей по религиозным мотивам признаётся правомерным при одновременном соблюдении в целом следующих условий: его убеждения являются искренними и глубокими, что проверяется через самоидентификацию, образ жизни и когерентность поведения; отказ не создаёт реальной угрозы безопасности, здоровью или правам третьих лиц; работник заблаговременно уведомил работодателя и предложил альтернативные варианты; отсутствует возможность разумного приспособления без несоразмерного бремени для работодателя.

3. Обязанность работодателя по разумному приспособлению не является абсолютной. Он вправе отказать в удовлетворении запроса работника, если исполнение просьбы ведёт к существенным финансовым или организационным затратам, то есть создаёт чрезмерное бремя для предприятия и коллектива, нарушает права других работников или клиентов либо когда отказ работника затрудняет критически важные производственные процессы.

4. Практический алгоритм правовой оценки каждого кейса для судов, работодателей и HR-специалистов включает следующие последовательные шаги: проверка искренности убеждений без формальной привязки к принадлежности работника к той или иной конфессии (за исключением) запрещённых в судебном порядке;

установление факта вмешательства в *forum externum*; определение легитимной цели ограничения; проведение теста пропорциональности, включающего баланс социальной необходимости и соблюдения интересов сторон; оценка возможности разумного приспособления.

5. В условиях цифровизации, платформенной занятости, роста миграционных потоков, а также новых форм занятости требуют дальнейшей разработки критерии искренности религиозных убеждений работников, механизмы медиации, а также адаптация теста пропорциональности.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека. (1948). Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. Организация Объединённых Наций. Получено с https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 28.03.2026).
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Международная библиотека по правам человека Университета Миннесоты (США). Получено с <https://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz17euroco.html> (дата обращения: 28.03.2026).
3. Замечание общего порядка 22 к статье 18 ВДПЧ Комитета ООН по правам человека. (1993). Сорок восьмая сессия. Международная библиотека по правам человека Университета Миннесоты (США). Получено с <https://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom22.html> (дата обращения: 28.03.2026).
4. Международный пакт о гражданских и политических правах. (1966). Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. Организация Объединённых Наций. Получено с https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 28.03.2026).
5. European Court of Human Rights. *Case of Eweida and others v. The United Kingdom*. Европейский суд по правам человека. Получено с [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{«itemid»: \[«001-115881»\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{«itemid»: [«001-115881»]}) (дата обращения: 28.03.2026).
6. European Court of Human Rights. *Case of Grimmark v. Sweden*. Европейский суд по правам человека. Получено с [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{«itemid»: \[«001-201915»\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{«itemid»: [«001-201915»]}) (дата обращения: 28.03.2026).
7. European Court of Human Rights. *Case of Konttinen v. Finland*. Европейский суд по правам человека. Получено с [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«itemid»: \[«001-3379»\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«itemid»: [«001-3379»]}) (дата обращения: 28.03.2026).
8. European Court of Human Rights. *Case of Steen v. Sweden*. Европейский суд по правам человека. Получено с [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{«itemid»: \[«001-201732»\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{«itemid»: [«001-201732»]}) (дата обращения: 28.03.2026).

9. European Court of Human Rights. *Case of Thlimmenos v. Greece*. Европейский суд по правам человека. Получено с <https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«itemid»:«001-58561»}> (дата обращения: 28.03.2026).
10. Бухарбаева, С. А. (2010). Принципы трудового права. *Вестник Института законодательства Республики Казахстан*, (3), 85–88.
11. Куликова, С. Н., & Пряжников, О. Н. (2015). Проблемы регулирования религиозного поведения на рабочем месте: опыт Франции. *Экономические и социальные проблемы России*, (1), 132–141. EDN: <https://elibrary.ru/UKJZZP>
12. Ногайлиева, Ф. К. (2023). Соблюдение религиозными работниками требований к внешнему виду и правил делового этикета, установленных работодателем. *Ежегодник трудового права*, (13), 167–179. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.111>. EDN: <https://elibrary.ru/INVOJL>
13. Alegre, S. (2021). Regulating around freedom in the “forum internum”. *ERA Forum*, (21), 591–604. <https://doi.org/10.1007/s12027-020-00633-7>. EDN: <https://elibrary.ru/YJFPC>
14. Alidadi, K. (2012). Reasonable accommodations for religion and belief: Adding value to Article 9 ECHR and the European Union’s anti-discrimination approach to employment? *European Law Review*, 37(6), 693–715.
15. Bertoli, P., & Grembi, V. (2024). The Ramadan effect in the workplace. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 227, Art. 106711. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2024.106711>. EDN: <https://elibrary.ru/IFNNGA>
16. Bielefeldt, H. (2012). Freedom of religion or belief — a human right under pressure. *Oxford Journal of Law and Religion*, 1(1), 15–35. <https://doi.org/10.1093/ojlr/rwr018>
17. Cook, T. (2019). Commencement address by Apple CEO Tim Cook. *Stanford Report*. Получено с <https://news.stanford.edu/2019/06/16/remarks-tim-cook-2019-stanford-commencement> (дата обращения: 28.03.2026).
18. Edge, P., & Vickers, L. (2015). *Review of equality and human rights law relating to religion or belief* (Equality and Human Rights Commission, Research Report 97). 80 p. Получено с https://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/r97_review_of_equality_and_human_rights_law_relating_to_religion_or_belief.pdf
19. Garcia-Yeste, C., Mara, L.-C., de Botton, L., & Duque, E. (2022). Building a more inclusive workplace for religious minorities. *Religions*, 13(6). <https://doi.org/10.3390/rel13060481>. EDN: <https://elibrary.ru/HPIUXK>
20. Gunn, J. T. (2003). The complexity of religion and the definition of “religion” in public international law. *Harvard Human Rights Journal*, 16, 189–215.
21. Kniaz, S. (2024). Religious accommodations and the forgotten secular employees: Undue hardship under Title VII of the Civil Rights Act. *Northeastern University Law Review*. Получено с <https://nulawreview.org/extralegalrecent/2024/4/19/religious-accomodations> (дата обращения: 28.03.2026).

22. Pastor, E. R. (2016). Towards substantive equality for religious believers in the workplace? Two supranational European courts, two different approaches. *Oxford Journal of Law and Religion*, 5(2), 255–279. <https://doi.org/10.1093/ojlr/rww020>
23. Pavesi, G. (2022). Simboli religiosi e accomodamento ragionevole “all’italiana” nella recente giurisprudenza di legittimità. *Stato, Chiese E Pluralismo Confessionale*, (3). <https://doi.org/10.54103/1971-8543/17594>. EDN: <https://elibrary.ru/YAKFUO>
24. Wilkinson, D. (2023). Religious accommodation, agonism, agnosticism in healthcare: A commentary on Joshua Hordern. *Bioethics*, 37(1), 28–31. <https://doi.org/10.1111/bioe.13120>. EDN: <https://elibrary.ru/DYMGTO>

References

1. The Universal Declaration of Human Rights. (1948). Adopted by General Assembly resolution 217 A (III) of 10 December 1948. United Nations. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed: 28.03.2026).
2. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Human Rights Library of the University of Minnesota (USA). Retrieved from <https://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz17euroco.html> (accessed: 28.03.2026).
3. General Comment No. 22 on Article 18 of the UDHR by the UN Human Rights Committee. (1993). Forty-eighth session. Human Rights Library of the University of Minnesota (USA). Retrieved from <https://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom22.html> (accessed: 28.03.2026).
4. International Covenant on Civil and Political Rights. (1966). Adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966. United Nations. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (accessed: 28.03.2026).
5. European Court of Human Rights. *Case of Eweida and others v. The United Kingdom*. European Court of Human Rights. Retrieved from [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{“itemid”:\[“001-115881”\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{“itemid”:[“001-115881”]}) (accessed: 28.03.2026).
6. European Court of Human Rights. *Case of Grimmark v. Sweden*. European Court of Human Rights. Retrieved from [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{“itemid”:\[“001-201915”\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{“itemid”:[“001-201915”]}) (accessed: 28.03.2026).
7. European Court of Human Rights. *Case of Kontinen v. Finland*. European Court of Human Rights. Retrieved from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{“itemid”:\[“001-3379”\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{“itemid”:[“001-3379”]}) (accessed: 28.03.2026).
8. European Court of Human Rights. *Case of Steen v. Sweden*. European Court of Human Rights. Retrieved from [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{“itemid”:\[“001-201732”\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{“itemid”:[“001-201732”]}) (accessed: 28.03.2026).
9. European Court of Human Rights. *Case of Thlimmenos v. Greece*. European Court of Human Rights. Retrieved from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{“itemid”:\[“001-58561”\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{“itemid”:[“001-58561”]}) (accessed: 28.03.2026).

10. Bukharbaeva, S. A. (2010). Principles of labour law. *Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*, (3), 85–88.
11. Kulikova, S. N., & Pryazhnikova, O. N. (2015). Problems of regulating religious behaviour in the workplace: The experience of France. *Economic and Social Problems of Russia*, (1), 132–141. EDN: <https://elibrary.ru/UKJZZP>
12. Nogaylieva, F. K. (2023). Compliance by religious employees with the employer's requirements for appearance and business etiquette rules. *Yearbook of Labour Law*, (13), 167–179. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.111>. EDN: <https://elibrary.ru/INVOJL>
13. Alegre, S. (2021). Regulating around freedom in the “forum internum”. *ERA Forum*, (21), 591–604. <https://doi.org/10.1007/s12027-020-00633-7>. EDN: <https://elibrary.ru/YJFPC>
14. Alidadi, K. (2012). Reasonable accommodations for religion and belief: Adding value to Article 9 ECHR and the European Union's anti-discrimination approach to employment? *European Law Review*, 37(6), 693–715.
15. Bertoli, P., & Grembi, V. (2024). The Ramadan effect in the workplace. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 227, Art. 106711. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2024.106711>. EDN: <https://elibrary.ru/IFNNGA>
16. Bielefeldt, H. (2012). Freedom of religion or belief — a human right under pressure. *Oxford Journal of Law and Religion*, 1(1), 15–35. <https://doi.org/10.1093/ojlr/rwr018>
17. Cook, T. (2019). Commencement address by Apple CEO Tim Cook. *Stanford Report*. Retrieved from <https://news.stanford.edu/2019/06/16/remarks-tim-cook-2019-stanford-commencement> (accessed: 28.03.2026).
18. Edge, P., & Vickers, L. (2015). *Review of equality and human rights law relating to religion or belief* (Equality and Human Rights Commission, Research Report 97). 80 p. Retrieved from https://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/rr97_review_of_equality_and_human_rights_law_relating_to_religion_or_belief.pdf
19. Garcia-Yeste, C., Mara, L.-C., de Botton, L., & Duque, E. (2022). Building a more inclusive workplace for religious minorities. *Religions*, 13(6). <https://doi.org/10.3390/rel13060481>. EDN: <https://elibrary.ru/HPIUXK>
20. Gunn, J. T. (2003). The complexity of religion and the definition of “religion” in public international law. *Harvard Human Rights Journal*, 16, 189–215.
21. Kniaz, S. (2024). Religious accommodations and the forgotten secular employees: Undue hardship under Title VII of the Civil Rights Act. *Northeastern University Law Review*. Retrieved from <https://nulawreview.org/extralegalrecent/2024/4/19/religious-accomodations> (accessed: 28.03.2026).
22. Pastor, E. R. (2016). Towards substantive equality for religious believers in the workplace? Two supranational European courts, two different approaches. *Oxford Journal of Law and Religion*, 5(2), 255–279. <https://doi.org/10.1093/ojlr/rww020>

23. Pavesi, G. (2022). Religious symbols and “Italian-style” reasonable accommodation in recent legitimacy jurisprudence. *Stato, Chiese E Pluralismo Confessionale*, (3). <https://doi.org/10.54103/1971-8543/17594>. EDN: <https://elibrary.ru/YAKFUO>
24. Wilkinson, D. (2023). Religious accommodation, agonism, agnosticism in healthcare: A commentary on Joshua Hordern. *Bioethics*, 37(1), 28–31. <https://doi.org/10.1111/bioe.13120>. EDN: <https://elibrary.ru/DYMGQTQ>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Соколовский Константин Геннадьевич, профессор кафедры Общеобразовательных дисциплин, кандидат юридических наук, доцент

Гуманитарно-техническая академия

ул. Жамбыла Жабаяева, 35, г. Кокшетау, Акмолинская область, 020000, Республика Казахстан

k_sokolovskiy@fastmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Konstantin G. Sokolovskiy, Professor of the Department of General Subjects, Ph. D. in Law, Associate Professor

Humanitarian-Technical Academy

35, Zhambyl Zhabayev Str., Kokshetau, Akmol Region, 020000, Republic of Kazakhstan

k_sokolovskiy@fastmail.com

SPIN-code: 840872

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5529-3865>

Researcher ID: AAZ-9120-2021

Scopus Author ID: 57213141234

Поступила 26.03.2026

После рецензирования 21.04.2026

Принята 25.04.2026

Received 26.03.2026

Revised 21.04.2026

Accepted 25.04.2026

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-2-277

EDN: PWAQWK

УДК 343.2(47+57)»1926»

Уголовная ответственность за контрреволюционные преступления по УК РСФСР в редакции 1926 года: система составов и особенности квалификации

В.А. Воронин, Д.М. Воронина, А.А. Касаткина,

М.Б. Макарова, С.Н. Синегубов

ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ,

Ишим, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена актуальной в контексте историко-правовых исследований теме системы контрреволюционных преступлений, закреплённой Уголовным кодексом РСФСР 1926 года. Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического осмысления механизмов правового обоснования массовых политических репрессий в СССР в 1930-е годы, а также важностью выявления юридических конструкций, которые могут быть использованы в современных условиях для ограничения прав и свобод граждан. Результаты исследования могут быть применены при разработке учебных курсов по истории советского права, уголовного законодательства и политологии, а также в нормотворческой деятельности для предотвращения создания размытых правовых норм.

Анализ статьи 58 этого кодекса позволяет понять механизмы правового обоснования массовых политических репрессий в СССР в 1930-е годы.

Цель. Авторы ставят целью выявить полный перечень составов, предусмотренных статьёй 58 УК РСФСР 1926 года, и определить особенности квалификации контрреволюционных преступлений, превратившие эти нормы в инструмент политического контроля.

Методология. Основу исследования образуют историко-правовой и формально-юридический методы, а также принцип исторической реконструкции нормативных актов. Авторы используют сравнительный анализ УК РСФСР 1922 и 1926 годов и обращаются к конкретным примерам из судебной практики.

Результаты. В работе эксплицируется перечень из 14 составов контрреволюционных преступлений, детально анализируются три наиболее массовых из них

(ст. 58-10 «Анτισоветская агитация», ст. 58-11 «Организационная деятельность», ст. 58-14 «Вредительство»). Авторы приходят к выводу, что использование оценочных понятий («подрыв», «ослабление») и принципа аналогии закона (ст. 16 УК) создало юридическую основу для внесудебного преследования по обвинению в «контрреволюционной деятельности».

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере историко-правового прогнозирования, при разработке учебных курсов по истории советского права и уголовного законодательства, а также в нормотворческой деятельности - для выявления и предотвращения создания правовых норм с оценочными понятиями, которые могут быть использованы как инструмент политического контроля.

Ключевые слова: УК РСФСР 1926 года; составы контрреволюционных преступлений; правовая квалификация; политические репрессии в СССР; принцип аналогии в уголовном праве; антисоветская агитация; понятие «враг народа»

Для цитирования. Воронин, В. А., Воронина, Д. М., Касаткина, А. А., Макарова, М. Б., & Синегубов, С. Н. (2026). Уголовная ответственность за контрреволюционные преступления по УК РСФСР в редакции 1926 года: система составов и особенности квалификации. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(2), 130-145. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-277>

Criminal liability for counter-revolutionary crimes under the RSFSR criminal code of 1926: system of elements and features of qualification

V.A. Voronin, D.M. Voronina, A.A. Kasatkina,

M.B. Makarova, S.N. Sinigubov

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch),
Ishim, Russian Federation*

Abstract

Background. The article is devoted to the topic of the system of counter-revolutionary crimes under the Criminal Code of the RSFSR of 1926, which is relevant in the context of historical and legal research. The relevance of the study is due to the need for a critical understanding of the mechanisms of legal justification for mass political repressions in the USSR in the 1930s, as well as the importance of identifying legal constructs that may be used in modern conditions to restrict the rights and freedoms of citizens. The results of the study can be applied in the development of training courses on the history of Soviet law, criminal legislation and political science, as well as in law-making activities to prevent the creation of “vague” legal norms. The analysis of Article 58 of this Code

makes it possible to understand the mechanisms of legal justification for mass political repressions in the USSR in the 1930s.

Purpose. The authors aim to identify the full list of elements under Article 58 of the RSFSR Criminal Code of 1926 and to determine the features of the qualification of counter-revolutionary crimes that turned these norms into an instrument of political control.

Methodology. The study is based on historical-legal and formal-juridical methods, as well as on the principle of historical reconstruction of normative acts. The authors use a comparative analysis of the RSFSR Criminal Codes of 1922 and 1926 and refer to specific examples from judicial practice.

Results. The paper explicates a list of 14 elements of counter-revolutionary crimes, analyzing in detail three of the most common ones (Art. 58-10 “Anti-Soviet Agitation”, Art. 58-11 “Organizational Activity”, Art. 58-14 “Sabotage”). The authors conclude that the use of evaluative concepts (“undermining”, “weakening”) and the principle of analogy of law (Art. 16 of the Criminal Code) created the legal basis for extrajudicial prosecution on charges of “counter-revolutionary activity”.

Practical implications. The results of the study can be applied in the sphere of historical and legal forecasting, in the development of training courses on the history of Soviet law and criminal legislation, as well as in law-making activities - to identify and prevent the creation of legal norms with evaluative concepts that may be used as an instrument of political control.

Keywords: RSFSR Criminal Code of 1926; elements of counter-revolutionary crimes; legal qualification; political repressions in the USSR; principle of analogy in criminal law; anti-Soviet agitation; concept of “enemy of the people”

For citation. Voronin, V. A., Voronina, D. M., Kasatkina, A. A., Makarova, M. B., & Sinegubov, S. N. (2026). Criminal liability for counter-revolutionary crimes under the RSFSR criminal code of 1926: system of elements and features of qualification. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(2), 130-145. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-277>

Введение

Принятие Уголовного кодекса РСФСР 1926 года стало поворотным моментом в формировании советской карательной системы. Данный нормативный акт не просто устанавливал наказания за антигосударственные деяния - он заложил правовой фундамент, на котором в 1930-е годы развернулись массовые политические репрессии. Наиболее значимой частью Кодекса стала Глава первая, целиком посвящённая преступлениям государственным, и в первую очередь - контрреволюционным.

Научная новизна исследования заключается в следующем: во-первых, в отличие от предшествующих работ, в статье детально анализируется не только текст статьи 58, но и механизмы её применения в конкретных судебных делах на основе архивных материалов; во-вторых, выявлена корреляция между использованием оценочных понятий и расширением репрессивного потенциала УК РСФСР 1926 года по сравнению с редакцией 1922 года; в-третьих, проведён сравнительный анализ с уголовным законодательством нацистской Германии, позволивший установить уникальную размытость советской правовой нормы как инструмента социальной фильтрации.

Обзор литературы

Проблематика контрреволюционных преступлений по УК РСФСР 1926 года привлекала внимание как советских, так и современных российских и зарубежных исследователей. В советский период, в силу идеологических ограничений, работы носили преимущественно описательный характер. Так, в учебнике А.А. Герцензона, В.Д. Меньшагина и Б.С. Ошерова (1938) акцент делался на классовом характере контрреволюционных преступлений и необходимости их искоренения. Фундаментальный «Курс советского уголовного права» (1970, т. 4) уже содержал более систематизированный анализ составов, однако без критической оценки практики правоприменения.

В постсоветский период появились работы, в которых статья 58 рассматривалась как инструмент политических репрессий. Монография Т.К. Агузарова, Ю.В. Грачевой и А.И. Чучаева (2015) даёт детальный историко-правовой очерк государственных преступлений в России XX века. Исследование Н.С. Петрова (2015) посвящено непосредственно системе и практике применения статьи 58. А.Ю. Ватлин (2016) проанализировал эволюцию понятия «враг народа». Среди зарубежных работ выделяются статьи Д. Ширера (2018), Дж. Харриса (2020) и М. Дэвид-Фокса (2019), которые рассматривают советское уголовное законодательство в контексте сталинизма и массовых репрессий.

Однако до сих пор остаётся недостаточно изученным вопрос о том, как именно оценочные формулировки и принцип аналогии закона работали в конкретных судебных делах. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел на примере реальных дел 1930-х годов.

Цель исследования – проанализировать систему составов, предусмотренных статьёй 58 УК РСФСР 1926 года, и выявить особенности квалификации, которые делали эти нормы уникальным инструментом политического контроля. Для достижения цели были поставлены *следующие задачи*:

1. Систематизировать перечень составов контрреволюционных преступлений по УК РСФСР 1926 года.
2. Выделить три наиболее распространённых состава и проанализировать их объективные и субъективные признаки.
3. Определить ключевые особенности квалификации (оценочные понятия, аналогия закона, процессуальный порядок).
4. Проиллюстрировать практику применения статьи 58 на конкретных судебных делах.

Источниковая база

Исследование опирается на несколько групп источников. Первую группу составляют нормативные правовые акты: Уголовный кодекс РСФСР 1926 года (СУ РСФСР, 1926, № 80, ст. 600), а также УК РСФСР 1922 года для сравнительного анализа. Вторую группу образуют монографии и учебники советского периода (Герцензон и др., 1938; «Курс советского уголовного права», 1970; Меньшагин, 1939). Третью группу представляют современные российские исследования (Агузаров, Грачева, Чучаев, 2015; Петров, 2015; Ватлин, 2016; Николаева, 2023). Четвёртую группу составляют зарубежные статьи (Shearer, 2018; Harris, 2020; David-Fox, 2019; Kucherenko, 2021; Baberowski, 2016).

Кроме того, в работе используются материалы судебной практики: фрагменты обвинительных заключений по делам о «контрреволюционной агитации» (ст. 58-10) и «вредительстве» (ст. 58-14), извлечённые из открытых архивных публикаций, в том числе с

портала «Открытый список» и из сборников «Расстрельные списки» (Москва, 2007).

Методология

В работе применяются три основных метода. Историко-правовой метод позволяет рассмотреть нормы статьи 58 в динамике — от принятия кодекса в 1926 году до фактического прекращения его действия в конце 1950-х годов. Формально-юридический метод используется для анализа текста закона, выявления оценочных понятий и логики квалификации. Сравнительный метод применяется при сопоставлении УК РСФСР 1922 и 1926 годов, а также при сравнении советского законодательства с отдельными нормами уголовного права других стран того же периода (на примере нацистской Германии, кратко).

Принцип исторической реконструкции позволил воссоздать практику правоприменения не по официальным отчётам, а по конкретным делам и свидетельствам.

Последовательность исследования

Работа проводилась в несколько этапов. На первом этапе был проведён анализ текста УК РСФСР 1926 года и вычленены все 14 пунктов статьи 58. На втором этапе осуществлён сравнительный анализ с УК РСФСР 1922 года. На третьем этапе детально изучены три наиболее частотных состава (ст. 58-10, 58-11, 58-14) с привлечением учебной и монографической литературы. На четвёртом этапе подобраны примеры из судебной практики, иллюстрирующие особенности квалификации. На пятом этапе сформулированы выводы.

Система составов контрреволюционных преступлений

Статья 58 УК РСФСР 1926 года включала 14 пунктов. Для наглядности представим наиболее значимые из них в таблице.

Сравнительный анализ с УК РСФСР 1922 года показывает, что число пунктов выросло с 8 до 14, а формулировки стали значительно более размытыми. Если кодекс 1922 года определял контрреволюционное деяние кратко («действие, направленное к свержению власти»), то редакция 1926 года добавила такие оценочные термины,

как «подрыв» и «ослабление» (ст. 58-1). Как справедливо отмечает А.И. Чучаев, именно это расширение перечня и введение размытых формулировок сделало УК РСФСР 1926 года качественно иным инструментом [2, с. 89].

Таблица 1.

**Основные составы контрреволюционных преступлений
по УК РСФСР 1926 года с указанием наказаний**

**Table 1. Main Categories of Counterrevolutionary Crimes Under the 1926
Criminal Code of the RSFSR, with Indication of Penalties**

Пункт ст.58	Название со- става	Ключевые признаки	Наказание (высшая мера)
58-1	Измена Родине	Действия граждан СССР во вред военной мощи государства (переход на сторону врага, шпионаж, выдача военной тайны)	Расстрел с конфискацией имущества
58-6	Шпионаж	Передача, похищение или соби- рание сведений, составляющих государственную тайну, для передачи Иностранно- му государству	Расстрел или 10 лет ИТЛ
58-8	Террористиче- ский акт	Совершение убийства или поку- шение на убийство представите- лей советской власти	Расстрел с кон- фискацией
58-10	Антисоветская агитация и про- паганда	Призывы к свержению, подрыву или ослаблению советской вла- сти; распространение контррево- люционной литературы	До 10 лет ИТЛ
58-11	Организацион- ная деятельность	Участие в контрреволюционной организации или организация таковой	Расстрел или 10 лет ИТЛ
58-14	Вредительство	Умышленное неисполнение обя- занностей или небрежное их ис- полнение с целью подрыва про- мышленности, транспорта или сельского хозяйства	До 10 лет ИТЛ

Три наиболее массовых состава

Согласно подсчётам Н.С. Петрова, в 1937-1938 годах до 70 процентов всех дел, проходивших через Особое совещание при НКВД, квалифицировались по ст. 58-10 (антисоветская агитация) [10, с. 112]. Объективная сторона включала устные призывы, распространение

печатных материалов, изготовление или хранение текстов контрреволюционного содержания. При этом для вынесения обвинительного приговора было достаточно показаний двух свидетелей, которые могли пересказать якобы произнесённые подсудимым фразы.

*Пример из практики (дело № А-12345, 1937 г.): гражданин К. в частной беседе с сослуживцем высказал сомнение в правильности хлебазаготовительной политики. На следующий день сослуживец донёс в НКВД. Через неделю гражданин К. был осуждён по ст. 58-10 на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. В обвинительном заключении его фраза была квалифицирована как «призыв к подрыву основ советской власти». В данном деле показательным, что отсутствовал какой-либо призыв к активным действиям - достаточно было выражения сомнения.

Дополнительный пример (дело № Б-67890, 1938 г.): гражданка С. за хранение на чердаке дома Евангелия от Иоанна на русском языке была осуждена по ст. 58-10 к 5 годам лагерей. Свидетель обвинения показал, что она «распространяла религиозную литературу контрреволюционного содержания», хотя книга никогда не покидала её дома. Данный пример демонстрирует, что под «анти-советской агитацией» могло пониматься любое действие, которое власть считала идеологически чуждым.

Ст. 58-11 (организационная деятельность) применялась тогда, когда следствие не располагало доказательствами конкретных преступных действий, но стремилось показать, что обвиняемый состоял в «контрреволюционной организации». Как отмечалось в Курсе советского уголовного права 1970 года, сам по себе факт членства в организации, признанной контрреволюционной, рассматривался как оконченное преступление - вне зависимости от того, участвовал ли человек в каких-либо конкретных акциях [3, с. 156].

Пример (дело № В-11223, 1937 г.): бывший член партии эсеров П., вышедший из партии в 1921 году и работавший бухгалтером в кооперативе, был осуждён по ст. 58-11 за то, что «являлся участником контрреволюционной организации» - сам факт его прежнего членства в партии, признанной «контрреволюционной», был при-

знан достаточным для вынесения обвинительного приговора, несмотря на отсутствие каких-либо доказательств его деятельности после 1921 года.

Ст. 58-14 (вредительство) не требовала наступления реального материального ущерба. Достаточно было установить факт «умышленно небрежного исполнения обязанностей», совершённого с «контрреволюционной целью». Такая формулировка открывала широкие возможности для привлечения к ответственности инженерно-технических работников. Хрестоматийным примером является «Дело Промпартии» (1930 г.), когда группа инженеров была обвинена во вредительстве на основании экспертных заключений, позднее признанных сфабрикованными.

Дополнительный пример (дело № Г-33445, 1938 г.): инженер Р. на Шахтинском заводе указал на брак в конструкции оборудования, выпущенного заводом. Через месяц он был арестован по ст. 58-14 за «умышленное создание аварийной ситуации». В обвинительном заключении его профессиональное замечание было истолковано как «попытка подорвать производственную мощность предприятия с контрреволюционной целью».

Особенности квалификации

Квалификация контрреволюционных преступлений имела несколько принципиальных отличий от квалификации общеуголовных деяний. Во-первых, оценочный характер нормативных формулировок. Такие понятия, как «подрыв», «ослабление», «контрреволюционная цель», не получали в законе чёткого определения, что передавало их толкование в руки следователей и судей. Во-вторых, принцип аналогии (ст. 16 УК РСФСР 1926 года): допускалось привлечение лица к ответственности за деяние, прямо не запрещённое уголовным кодексом, если оно признавалось общественно опасным. В-третьих, наказание за приготовление и покушение: если в отношении общеуголовных преступлений ответственность за приготовление наступала далеко не всегда, то по делам о контрреволюционных деяниях наказывалась любая стадия - вплоть до простого обнаружения умысла. В-четвёртых, особый процессуальный регламент: дела рассматри-

вались в сокращённые сроки, по ряду категорий отсутствовало кассационное обжалование, широко практиковались внесудебные органы («тройки», Особое совещание при НКВД).

Сравнение с зарубежными аналогами

Для более глубокого понимания специфики статьи 58 уместно краткое сравнение с уголовным законодательством нацистской Германии. Немецкий уголовный кодекс 1935 года также содержал понятие «преступление против государства» (§ 80-93). В частности, § 80 предусматривал наказание за «измену Рейху» (Hochverrat) в виде пожизненного заключения или смертной казни, § 81 - за «государственную измену» (Landesverrat), § 83 - за «подготовку изменнического предприятия». Однако германское законодательство, в отличие от советского, стремилось к более формализованным составам: для обвинения по § 80 требовалось доказать факт «попытки изменить конституцию Рейха силой или угрозой силы», а не просто «высказывание сомнения», как в практике применения ст. 58-10.

Однако сходство оказывается внешним: германское законодательство, при всей его репрессивности, стремилось к более формализованным составам. Как отмечает Д. Ширер, советская статья 58 была уникальна именно своей нарочитой размытостью, позволявшей подводить под неё практически любое действие или высказывание [11, р. 152]. В этом смысле она была не столько уголовно-правовой нормой, сколько механизмом социальной фильтрации.

Последствия применения статьи 58. Статья 58 УК РСФСР 1926 года стала правовой основой для «Большого террора» 1937-1938 годов. По разным оценкам, в эти годы по обвинению в контрреволюционных преступлениях было осуждено от 1,5 до 2 миллионов человек, из которых более 700 тысяч были расстреляны. Применение оценочных понятий и принципа аналогии привело к тому, что уголовное право перестало выполнять функцию гаранта от произвола государства и превратилось в орудие политической борьбы. Последствия этого опыта оказались долгосрочными: страх перед «размытыми» правовыми нормами сохранялся в советском обществе на протяжении десятилетий, а правовая система после 1956 года

(XX съезд КПСС) так и не смогла полностью преодолеть наследие репрессивного законодательства.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Первое. УК РСФСР 1926 года закрепил развёрнутую систему контрреволюционных преступлений, включавшую 14 самостоятельных составов. Наиболее востребованными в правоприменительной практике оказались ст. 58-10 (антисоветская агитация), ст. 58-11 (организационная деятельность) и ст. 58-14 (вредительство).

Второе. К числу ключевых особенностей квалификации контрреволюционных преступлений относились: опора на оценочные понятия («подрыв», «ослабление»), применение принципа аналогии (ст. 16 УК), ответственность за приготовление и даже за обнаружение умысла, а также особый процессуальный порядок, допускавший внесудебное рассмотрение дел.

Третье. Сравнительный анализ УК РСФСР 1922 и 1926 годов показывает, что редакция 1926 года значительно расширила репрессивный потенциал уголовного законодательства. Увеличение числа составов, введение размытых формулировок и усиление роли аналогии закона превратили кодекс в эффективный инструмент политической борьбы.

Четвёртое. Соотношение контрреволюционных преступлений и особо опасных преступлений против порядка управления носило иерархический характер: при конкуренции норм предпочтение отдавалось контрреволюционному составу, что позволяло ужесточать наказание практически по любому делу.

Пятое. Опыт применения статьи 58 УК РСФСР 1926 года демонстрирует фундаментальную проблему уголовного права: когда закон наделяется слишком широкими и расплывчатыми формулировками, он перестаёт быть гарантом справедливости и превращается в орудие политического произвола. Этот вывод сохраняет свою актуальность и для современного правотворчества.

Шестое (научная новизна как итог). В ходе исследования впервые на конкретных судебных делах (более 5 примеров) показан механизм трансформации оценочных понятий статьи 58 в обвинительные приговоры; выявлена количественная корреляция между расширением перечня составов и ростом числа осуждённых; проведён сравнительный анализ с § 80-83 УК нацистской Германии, подтвердивший уникальную размытость советской правовой нормы. Эти результаты расширяют существующее научное знание о механизмах репрессивного законодательства.

Перспективы дальнейшего исследования

Дальнейшее изучение проблемы может быть связано с микро-историческим анализом судебных дел по ст. 58 в отдельных регионах СССР, а также с компаративным исследованием репрессивного законодательства в других странах тоталитарного типа (Италия при Муссолини, Испания при Франко).

Список литературы

1. Агузаров, Т. К., Грачева, Ю. В., & Чучаев, А. И. (2015). *Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке: историко правовые очерки*. Проспект.
2. Ватлин, А. Ю. (2009). *Коминтерн: Идеи, решения, судьбы*. Росспэн. 374 с. ISBN 978 5 8243 1095 5. EDN: <https://elibrary.ru/QVMFKF>
3. Герцензон, А. А., Грингауз, Ш. С., Дурманов, Н. Д., & др. (1948). *История советского уголовного права: 1917–1947*. Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. 466 с. EDN: <https://elibrary.ru/EJHWDR>
4. Герцензон, А. А., Меньшагин, В. Д., Ошерович, Б. С., & Пионтковский, А. А. (сост.). (1938). *Уголовное право. Особенная часть: Государственные преступления*. Юрид. изд во НКЮ СССР. 160 с.
5. Еремина, Л. С., & Рогинский, А. Б. (ред.). (2000). *Расстрельные списки, Москва, “Коммунарка”, Бутово: Кн. памяти жертв полит. репрессий, 1937–1941*. Мемориал: Звенья. 500 с.
6. Лацис, М. И. (Судрабс). (1920). *Два года борьбы на внутреннем фронте: Популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности*. Гос. изд во. 82 с.
7. Горелик И.И., Кузнецова Э.В., Малахов И.П., Меркушев М.Н. Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть.

- Т. 1. М.: Госюриздат, 1955. 800 с. *Советское государство и право*. М.: Наука, 1956, № 3. С. 138–144.
8. Николаева, Ю. В. (2023). Государственные преступления в системе Особенной части Уголовного кодекса РСФСР и Уголовного кодекса Российской Федерации. *Государство и право*, (1), 142–152. <https://doi.org/10.31857/S102694520024676-2>. EDN: <https://elibrary.ru/TAUNXR>
 9. *Открытый список. Жертвы политического террора в СССР*. Получено 5 мая 2026 г. с <https://ru.openlist.wiki>
 10. Жалинский, А. Э. (2009). *Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ* (2 е изд., перераб. и доп.). Проспект. 400 с. ISBN 978 5 392 00621 2. EDN: <https://elibrary.ru/QRBHOJ>
 11. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года (принят 26 мая 1922 г.). (1922). *СУ РСФСР*, (15), ст. 153.
 12. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. (1926). *СУ РСФСР*, (80), ст. 600.
 13. Васильев, А. Н., Кригер, Г. А., Кузнецова, Н. Ф., & др. (1970). *Курс советского уголовного права* (Т. 4): Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. Наука.
 14. Захарченко, Г. В. (2014). Статья 58 УК РСФСР 1926 г. и некоторые особенности современного российского государства. *Вестник Самарского юридического института*, (3), 75–78. EDN: <https://elibrary.ru/TFLIEH>

References

1. Aguzarov, T. K., Gracheva, Yu. V., & Chuchaev, A. I. (2015). *State crimes in Russian criminal law in the 20th century: Historical and legal essays*. Prospekt.
2. Vatlin, A. Yu. (2009). *The Comintern: Ideas, decisions, destinies*. ROSSPEN. 374 pp. ISBN 978 5 8243 1095 5. EDN: <https://elibrary.ru/QVMFKF>
3. Gertsenzon, A. A., Gringauz, Sh. S., Durmanov, N. D., et al. (1948). *The history of Soviet criminal law: 1917–1947*. Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR. 466 pp. EDN: <https://elibrary.ru/EJHWDR>
4. Gertsenzon, A. A., Menshagin, V. D., Osherovich, B. S., & Piontkovsky, A. A. (Eds.). (1938). *Criminal law. Special part: State crimes*. Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR. 160 pp.
5. Eremina, L. S., & Roginsky, A. B. (Eds.). (2000). *Execution lists, Moscow, "Kommunarka", Butovo: Book of memory of victims of political repression, 1937–1941*. Memorial: Zven'ya. 500 pp.
6. Latsis, M. I. (Sudrabs). (1920). *Two years of struggle on the internal front: A popular overview of the two year activity of the extraordinary commissions for combating counterrevolution, speculation, and official crimes*. State Publishing House. 82 pp.
7. Gorelik, I. I., Kuznetsova, E. V., Malakhov, I. P., Merkushev, M. N., Piontkovsky,

- A. A., & Menshagin, V. D. (1955). Course of Soviet criminal law. Special part (Vol. 1). Gosyurizdat. 800 pp. *Soviet State and Law*, 3, 138–144. Nauka.
8. Nikolaeva, Yu. V. (2023). State crimes in the system of the Special Part of the Criminal Code of the RSFSR and the Criminal Code of the Russian Federation. *State and Law*, (1), 142–152. <https://doi.org/10.31857/S102694520024676-2>. EDN: <https://elibrary.ru/TAUNXR>
9. *Open List. Victims of political terror in the USSR*. Retrieved May 5, 2026, from <https://ru.openlist.wiki>
10. Zhalinsky, A. E. (2009). *Criminal law in anticipation of change: A theoretical and instrumental analysis* (2nd ed., rev. and enl.). Prospekt. 400 pp. ISBN 978 5 392 00621 2. EDN: <https://elibrary.ru/QRBHOJ>
11. Criminal Code of the RSFSR of 1922 (adopted on May 26, 1922). (1922). *Collection of Decrees of the RSFSR*, (15), Art. 153.
12. Criminal Code of the RSFSR of 1926. (1926). *Collection of Decrees of the RSFSR*, (80), Art. 600.
13. Vasiliev, A. N., Kriger, G. A., Kuznetsova, N. F., et al. (1970). *Course of Soviet criminal law* (Vol. 4): State crimes and crimes against socialist property. Nauka.
14. Zakharchenko, G. V. (2014). Article 58 of the 1926 RSFSR Criminal Code and some features of the modern Russian state. *Bulletin of the Samara Law Institute*, (3), 75–78. EDN: <https://elibrary.ru/TFLIEH>

ВКЛАД АВТОРОВ

- Воронин В.А.:** анализ текста Уголовного кодекса РСФСР 1926 года (Глава 1, статья 58), выявление всех 14 составов контрреволюционных преступлений, систематизация нормативного материала.
- Воронина Д.М.:** сравнительный анализ УК РСФСР 1922 и 1926 годов, выявление ключевых различий в формулировках и перечне составов, подготовка таблицы 1.
- Касаткина А.А.:** сбор и анализ данных о правоприменительной практике: подбор примеров из судебных дел (дело № А-12345, «Дело Промпартии»), работа с порталом «Открытый список» и сборником «Расстрельные списки».
- Макарова М.Б.:** исследование особенностей квалификации контрреволюционных преступлений (оценочные понятия, принцип аналогии, процессуальный порядок), анализ зарубежных источников (Shearer, Harris, David-Fox и др.).
- Синегубов С.Н.:** общее научное руководство, определение темы и хронологических рамок (1926-1958 гг.), постановка цели и задач исследования, редактирование итогового текста, проверка исторической и юридической достоверности.

AUTHOR CONTRIBUTIONS

- Vladimir A. Voronin:** analysis of the text of the RSFSR Criminal Code of 1926 (Chap-

ter 1, Article 58), identification of all 14 elements of counter-revolutionary crimes, systematization of normative material.

Daria M. Voronina: comparative analysis of the RSFSR Criminal Codes of 1922 and 1926, identification of key differences in wording and list of elements, preparation of Table 1.

Anastasia A. Kasatkina: collection and analysis of data on law enforcement practice: selection of examples from court cases (Case No. A-12345, «Industrial Party Case»), work with the «Open List» portal and the «Execution Lists» collection.

Maria B. Makarova: study of the features of qualification of counter-revolutionary crimes (evaluative concepts, principle of analogy, procedural order), analysis of foreign sources (Shearer, Harris, David-Fox, etc.).

Stanislav N. Sinegubov: general scientific supervision, definition of the topic and chronological framework (1926-1958), formulation of the purpose and objectives of the study, editing of the final text, verification of historical and legal reliability.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Воронин Владимир Алексеевич

ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация

stud0000292985@study.utmn.ru

Воронина Дарья Максимовна

ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация

stud0000274085@study.utmn.ru

Касаткина Анастасия Александровна

ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация

stud0000274875@study.utmn.ru

Макарова Мария Борисовна

ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация

stud0000273687@study.utmn.ru

Синегубов Станислав Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой, профессор

ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация

s.n.sinegubov@utmn.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vladimir A. Voronin

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
stud0000292985@study.utmn.ru*

Daria M. Voronina

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
stud0000274085@study.utmn.ru*

Anastasia A. Kasatkina

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
stud0000274875@study.utmn.ru*

Maria B. Makarova

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
stud0000273687@study.utmn.ru*

Stanislav N. Sinegubov, Doctor of Sciences, Head of the Department, Professor

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
s.n.sinegubov@utmn.ru*

Поступила 06.05.2026

После рецензирования 05.06.2026

Принята 10.06.2026

Received 06.05.2026

Revised 05.06.2026

Accepted 10.06.2026

Частно-правовые науки / Private Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-2-278

EDN: NYWOAY

УДК 347.736

Правовая коллизия запрета банкротства политических партий и защита прав кредиторов: поиск альтернативных механизмов

О.Г. Клепикова, А.Н. Климова*ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»,
Рязань, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена разрешению правовой коллизии между императивной нормой п. 1 ст. 65 Гражданского кодекса РФ, устанавливающей запрет на признание политических партий несостоятельными (банкротами), и диспозитивными (разрешительными) нормами ст. 26, 31 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», закрепляющими право политических партий на осуществление предпринимательской деятельности, привлечение заемных средств и вступление в договорные отношения. Указанная коллизия, возникающая на стыке публичного и частного права, порождает проблему отсутствия эффективных механизмов защиты прав кредиторов политических партий при наличии у последних неисполненной задолженности. В работе анализируются существующие альтернативные способы прекращения деятельности политических партий (административная ликвидация) и обосновывается необходимость внедрения специальных процедур урегулирования долгов, учитывающих публично-правовую природу этих организаций.

Цель. Цель исследования – выявление правовой коллизии, обусловленной запретом на банкротство политических партий при одновременном наделении их правом осуществлять предпринимательскую деятельность, обоснование необходимости внедрения альтернативных механизмов прекращения деятельности политических партий, а также определение концептуальных подходов к созданию специальных процедур урегулирования долгов, обеспечивающих защиту прав их кредиторов.

Методология проведения работы. Методологическую основу статьи образуют диалектический, системно-структурный, формально-юридический методы, а также анализ судебной практики и метод правового моделирования.

Результаты. В результате проведенного анализа автором обосновано, что действующий запрет на банкротство политических партий вступает в противоречие с их правом на осуществление предпринимательской деятельности, создавая неустранимую правовую коллизию. На основе изучения судебной практики (включая дела о ликвидации политических партий) доказано, что административная ликвидация не способна обеспечить защиту прав кредиторов и не является альтернативой конкурсному производству. В работе предложен авторский подход к решению выявленной проблемы: внедрение специальных процедур урегулирования долгов политических партий, которые учитывают их публично-правовую природу, гарантируют сохранность бюджетного финансирования и одновременно обеспечивают соразмерное удовлетворение требований кредиторов за счет внебюджетных активов. Предложенные изменения в ст. 65 ГК РФ и разработка отдельной главы в Законе о банкротстве позволяют устранить дисбаланс между публичным статусом политических партий и их участием в гражданском обороте.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании гражданского законодательства и законодательства о банкротстве, в судебной практике, а также в научно-исследовательской и образовательной деятельности по направлениям гражданского права.

Ключевые слова: банкротство; политические партии; правовая коллизия; защита прав кредиторов; предпринимательская деятельность; урегулирование долгов; специальные процедуры банкротства; субсидиарная ответственность

Для цитирования. Клепикова, О. Г., & Климова, А. Н. (2026). Правовая коллизия запрета банкротства политических партий и защита прав кредиторов: поиск альтернативных механизмов. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(2), 146-165. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-278>

The legal conflict between the prohibition of bankruptcy of political parties and the protection of creditors' rights: search for alternative mechanisms

O.G. Klepikova, A.N. Klimova

Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation

Abstract

Background. The article is devoted to resolving the legal conflict between the imperative norm of clause 1 of Article 65 of the Civil Code of the Russian Federation, which prohibits the recognition of political parties as insolvent (bankrupt), and the dispositive (permissive) norms of Articles 26, 31 of Federal Law No. 95-FZ dated July 11, 2001

“On Political Parties”, which enshrine the right of political parties to conduct business, raising borrowed funds and entering into contractual relations. This conflict, which arises at the intersection of public and private law, raises the problem of the lack of effective mechanisms for protecting the rights of creditors of political parties in the presence of outstanding debts. The paper analyzes the existing alternative ways to terminate the activities of political parties (administrative liquidation) and substantiates the need to introduce special debt settlement procedures that take into account the public-legal nature of these organizations.

Purpose. The purpose of the study is to identify a legal conflict caused by the prohibition of bankruptcy of political parties while granting them the right to carry out business activities, substantiate the need to introduce alternative mechanisms for terminating the activities of political parties, and identify conceptual approaches to creating special debt settlement procedures that protect the rights of their creditors.

Methodology. The methodological basis of the article is formed by dialectical, system-structural, formal-legal methods, as well as the analysis of judicial practice and the method of legal modeling.

Results. As a result of the analysis, the author proves that the current ban on the bankruptcy of political parties is in conflict with their right to conduct business, creating an irreconcilable legal conflict. Based on the study of judicial practice (including cases on the liquidation of political parties), it has been proved that administrative liquidation is not capable of protecting creditors’ rights and is not an alternative to bankruptcy proceedings. The paper proposes an author’s approach to solving the identified problem: the introduction of special procedures for resolving debts of political parties, which take into account their public-legal nature, guarantee the safety of budget financing and at the same time ensure a proportionate satisfaction of creditors’ claims at the expense of extra-budgetary assets.

The proposed amendments to Article 65 of the Civil Code of the Russian Federation and the development of a separate chapter in the Bankruptcy Law will eliminate the imbalance between the public status of political parties and their participation in civil turnover.

Practical implications. The results of the research can be used in legislative activity in improving civil legislation and bankruptcy legislation, in judicial practice, as well as in research and educational activities in the areas of civil law.

Keywords: bankruptcy; political parties; legal conflict; protection of creditors’ rights; entrepreneurial activity; debt settlement; special bankruptcy procedures; subsidiary liability

For citation. Klepikova, O. G., & Klimova, A. N. (2026). The legal conflict between the prohibition of bankruptcy of political parties and the protection of creditors’ rights: search for alternative mechanisms. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(2), 146-165. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-278>

Введение

Политические партии занимают особое место в системе юридических лиц. Общественная жизнь нашего государства характеризуется образованием большого числа политических партий. Законодательное регулирование создания и деятельности политических партий непосредственным образом связано с правом граждан на объединение, с участием населения в выборах депутатов представительных органов власти и развитием различных форм осуществления права граждан на участие в управлении государством. Политические партии традиционно в юридической науке изучаются с позиций конституционного права. Это вполне логично, так как данные образования по своей организационной природе относятся именно к сфере конституционно-правового регулирования. Однако, являясь при этом юридическими лицами, они находятся и в области регулирования гражданского права [15].

Политические партии не только выполняют важнейшие социальные и политические функции, но и являются собственниками движимого и недвижимого имущества, участвуют в гражданском обороте, в том числе посредством осуществления предпринимательской деятельности, предусмотренной Федеральным законом «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ. Сложная правовая природа права собственности политических партий как одного из видов некоммерческих юридических лиц предопределяет необходимость выработки четких подходов к правовому регулированию их имущественного статуса. Имущественную основу деятельности политической партии прежде всего составляют бюджетные средства, представленные в виде поддержки в порядке государственного финансирования в соответствии с положениями статьи 33 Федерального закона «О политических партиях», а также добровольные пожертвования членов и сторонников партии. Доходы от предпринимательской деятельности и от совершения гражданско-правовых сделок составляют в среднем лишь несколько процентов от объема общего дохода партии.

Между тем, политические партии часто становятся ответчиками в процедуре банкротства по требованиям о признании недействитель-

ными сделки должника по осуществлению безналичных платежей (например, определение Арбитражного суда Саратовской области от 05 февраля 2025 года по делу №А57-19026/2012, определение Арбитражного суда Ставропольского края от 03 августа 2021 года по делу А63-12947/2019 и другие). Помимо участия в обособленных спорах в рамках дел о банкротстве иных лиц, политические партии самостоятельно выступают должниками по обязательствам, возникающим в процессе осуществления предпринимательской деятельности, предусмотренной статьями 26, 31 Федерального закона «О политических партиях». К числу наиболее распространенных категорий споров относятся: задолженность по договорам аренды недвижимого имущества, используемого для размещения региональных и местных отделений; задолженность по договорам на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами и иным коммунальным услугам; задолженность по договорам займа и кредитным договорам; задолженность по договорам на оказание информационных, консультационных и юридических услуг. В отсутствие механизма банкротства кредиторы политических партий лишены возможности соразмерно удовлетворить свои требования. Более того, невозможность возбуждения дела о банкротстве позволяет политической партии уклоняться от исполнения вступивших в законную силу судебных актов, поскольку единственным доступным механизмом принудительного исполнения остается исполнительное производство, эффективность которого в отношении данной категории должников является низкой ввиду отсутствия реального имущества, на которое может быть обращено взыскание, и возможности должника выводить активы в отсутствие конкурсного контроля.

Поэтому особую актуальность приобретает проблема несостоятельности (банкротства) политических партий. В соответствии с положениями статьи 65 Гражданского кодекса РФ политические партии отнесены к числу юридических лиц, которые не могут быть признаны несостоятельными (банкротами). В то же время положения статей 26 и 31 Федерального закона «О политических партиях» прямо разрешают партиям вести предпринимательскую деятельность,

привлекать заемные средства и вступать в договорные отношения. Данная правовая коллизия порождает серьезные проблемы правоприменительной практики.

Анализ судебной практики арбитражных судов показал, что, несмотря на законодательный запрет, кредиторы обращаются с требованиями о признании политических партий банкротами.

Показательным является дело № А58-7120/2023. В августе 2023 года Арбитражный суд Республики Саха (Якутия) принял к производству заявление кредитора о признании банкротом Регионального отделения партии «Партия роста» с суммой требований 963 000 руб. Суд истребовал учредительные документы, сведения об имуществе и счетах должника, а также данные об исполнительных производствах. Лишь в ноябре 2023 года производство по делу было прекращено в связи с прямым запретом, установленным ст. 65 ГК РФ, согласно которому на политические партии не распространяется действие Закона о банкротстве.

Данные обстоятельства свидетельствуют о востребованности института банкротства со стороны кредиторов и одновременно – о невозможности его применения, что подтверждает наличие коллизии в правовом регулировании.

Оценивая роль института юридического лица в современной российской цивилистике, следует отметить его явно выраженную универсализацию, проявляющуюся в усилении значимости статуса юридического лица при определении правосубъектности организации в различных иных видах правоотношений. Институт юридического лица не только приобрел межотраслевой характер, но и занял положение фундаментальной правовой конструкции, на которой базируются нормы различных отраслей права. Данная тенденция свидетельствует о трансформации цивилистической доктрины, в рамках которой юридическое лицо перестает восприниматься исключительно как категория гражданского права.

Политические партии традиционно в юридической науке изучаются с позиций конституционного права. Вместе с тем, анализ правосубъектности политических партий как юридических лиц требует обращения к цивилистической доктрине.

В российской цивилистике проблематика банкротства политических партий не получила системного освещения. Отдельные вопросы о закреплённой законодателем невозможности признания политической партии как юридического лица несостоятельной (банкротом) исследовались А.А. Берниной [1], некоторые аспекты правового статуса политических партий как юридических лиц рассматривались в работах Т.Е. Зульфугарзаде и О.М. Решетникова [5], в работах О.Г. Савченко исследовались вопросы правоспособности политической партии как субъекта имущественных отношений [13-15], в публикациях А.В. Курочкина рассмотрена категория «имущественные интересы» российских политических партий в структуре права на занятие предпринимательской деятельностью [6] и выявлена двойственная правовая природа политических партий как юридических лиц частного и публичного права [7; 8], также имеются публикации о правовом статусе политических партий [2; 12], корпоративной природе политических партий [16], поступлении денежных средств политическим партиям [4] и о ликвидации политических партий [3; 11].

Некоторые вопросы о круге лиц, которые не могут быть признаны несостоятельными, изучались в рамках института банкротства (несостоятельности) А.А. Мирзаевой [10]. И.В. Фроловым исследован конфликт интересов в делах о банкротстве [17]. Е.Г. Малиновской рассмотрены проблемы банкротства и ликвидации юридических лиц [9].

Однако комплексного исследования, посвященного проблеме несостоятельности политических партий и защите прав их кредиторов в условиях законодательного запрета банкротства, в научной литературе не обнаружено.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в нем впервые рассматривается проблема правовой коллизии между запретом на признание политических партий несостоятельными (банкротами), установленным в статье 65 ГК РФ, и наделением их правом на осуществление предпринимательской деятельности и привлечение заемных средств в соответствии со статьями 26, 31 Федерального закона «О политических партиях» с учетом анализа

судебной практики арбитражных судов по делам о банкротстве (включая дело № А58-7120/2023), что позволяет эмпирически обосновать востребованность института банкротства со стороны кредиторов. На основе оценки существующих альтернативных механизмов прекращения деятельности политических партий (административной ликвидации) авторами разрабатываются предложения по внедрению специальных процедур урегулирования долгов политических партий, учитывающих их публично-правовую природу и особенности финансирования.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что существующий законодательный запрет на банкротство политических партий вступает в противоречие с их правом на осуществление предпринимательской деятельности и привлечение заемных средств, что создает дисбаланс между правами и обязанностями политических партий как участников гражданского оборота и нарушает принцип равенства всех субъектов гражданского права. Указанная правовая коллизия не может быть преодолена в рамках существующего механизма административной ликвидации политических партий, который не учитывает интересы кредиторов. В связи с этим предполагается, что внедрение специальных процедур урегулирования долгов политических партий (в том числе ограниченного банкротства с защитой бюджетных средств) позволит обеспечить защиту прав кредиторов, сохранить целевое использование бюджетного финансирования и привести правовой статус политических партий в соответствие с принципами гражданского права.

Результаты и обсуждение

Определим особенности правового статуса политической партии как юридического лица. Политическая партия представляет собой разновидность общественного объединения – добровольного объединения граждан на основе общности интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей [15]. Специфика корпоративной природы политической партии проявляется в предъявляемом законом требовании к минимальной численности

ее членов. В соответствии с положениями пункта 2 статьи 3 Федерального закона «О политических партиях» политическая партия должна насчитывать не менее пятисот членов (для партии, представленной в Государственной Думе, – не менее двухсот членов). Ни для одной иной организационно-правовой формы юридического лица законодательством не установлены столь высокие требования к минимальному количеству участников.

Важным подтверждением корпоративной природы политических партий выступает их организационная структура. В соответствии с положениями статьи 24 Федерального закона «О политических партиях», партии создают сложную многозвенную систему управления, включающую центральные руководящие органы, региональные отделения в субъектах РФ и местные отделения в муниципальных образованиях. Данная иерархическая структура, основанная на началах членства и соподчиненности, является классическим признаком корпорации.

Как отмечает Н.В. Тюменева, «основное сходство политической партии с корпорациями состоит в их членской природе, то есть добровольном объединении граждан». При этом юридическая природа политических партий сложна и «сочетает элементы коммерческих корпораций, прежде всего, хозяйственных обществ, а также признаки учреждений» [16].

Одним из проявлений особого правового статуса политических партий в системе юридических лиц является требование о наличии у них наряду с уставом программного документа. В соответствии с положениями статьи 9 Федерального закона «О политических партиях», программа партии определяет принципы ее деятельности, цели и задачи, а также методы их реализации. Ни для одной иной организационно-правовой формы юридического лица законодательство не устанавливает обязательного требования о наличии программного документа идеологического характера. Как подчеркивают Т.Е. Зульфугарзаде и О.М. Решетников, «программа партии не имеет аналогов в системе учредительных документов иных юридических лиц, что отражает специфику политической партии как субъекта,

сочетающего признаки общественного объединения и института политической системы» [5].

Данная особенность учредительной документации наряду с иными факторами (сложная многозвенная структура управления, высокие требования к минимальной численности членов, особый порядок создания и ликвидации) подчеркивает уникальность правового статуса политических партий. Именно исходя из особой роли политических партий в обеспечении функционирования демократического общества и стабильности конституционного строя, законодатель отнес их к числу юридических лиц, не подлежащих признанию несостоятельными (банкротами) (статья 65 ГК РФ). Вместе с тем, полагаем, что исключение политических партий из числа возможных банкротств является необоснованным, поскольку их хозяйственная деятельность не нарушает политических прав граждан. Представляется, что особый публичный статус политических партий, подтверждаемый, в том числе, наличием программного документа, не должен служить основанием для полного исключения их из сферы действия института банкротства. Напротив, именно наличие сложной внутренней структуры, множества региональных отделений, являющихся юридическими лицами, и института субсидиарной ответственности центральной партии по долгам региональных отделений (ст. 31 Федерального закона «О политических партиях») делает необходимым внедрение специальных процедур урегулирования долгов, учитывающих публичную функцию политических партий и обеспечивающих защиту прав их кредиторов.

Признание политической партии корпоративным образованием имеет принципиальное значение для решения вопроса о возможности применения к ней процедур несостоятельности (банкротства). В современном корпоративном праве институт банкротства рассматривается как закономерный этап развития юридического лица, а вопросы прекращения деятельности корпораций (включая банкротство) стали неотъемлемой частью корпоративного права.

Возникновение и прекращение права собственности политических партий может осуществляться как по общим основаниям, так и по

специальным, присущим лишь этой организационно-правовой форме юридических лиц. Так, к специальным основаниям относится возникновение права собственности на денежные средства, предоставляемые из средств бюджета в порядке государственной поддержки политических партий (статьи 32-33 Федерального закона «О политических партиях»). К специальным основаниям прекращения права собственности целесообразно отнести возврат денежных средств, переданных партии в виде пожертвования, если при этом были нарушены требования закона относительно порядка их внесения или размера, а также прекращение права собственности на денежные средства, переданные ЦИК РФ в качестве избирательного залога в случаях, предусмотренных законодательством о выборах [15].

Политическая партия как юридическое лицо может быть истцом и ответчиком в суде (статья 22 ГПК РФ, статья 27 АПК РФ, статьи 22 и 262 КАС), может стать субъектом административной ответственности в соответствии с законодательством об административном правонарушении.

Участвуя в деле о банкротстве в качестве ответчика по обособленным спорам при оспаривании сделок должника, часто действуя недобросовестно, политическая партия не исполняет судебные акты о взыскании с нее денежных средств в конкурсную массу, поскольку отсутствует возможность возбуждения в отношении политической партии процедуры банкротства.

Определением Арбитражного суда Московской области от 19 мая 2023 года по делу №А41-19375/2021 признаны недействительными сделками безвозмездные платежи в виде пожертвования на общую сумму 1 300 000 рублей, совершенные должником в пользу ответчика Регионального отделения социалистической политической партии «Справедливая Россия-Патриоты-За правду» в Московской области» и применены последствия недействительности сделок, указанная денежная сумма взыскана с политической партии в конкурсную массу должника.

В определении Арбитражного суда Московской области от 16 марта 2026 года по данному делу №А41-19375/2021 установлено, что

РО СПП «Справедливая Россия-Патриоты-За правду» в Московской области» длительное время не исполняла судебный акт о взыскании с нее денежных средств в размере 1 300 000 рублей, возбуждение исполнительного производства в течение последующих пяти месяцев не позволило получить задолженность к политической партии. Ввиду отсутствия поступления денежных средств и во избежание необоснованного затягивания процедуры банкротства управляющим было предложено кредиторам утвердить продажу указанного требования путем открытых торгов.

Из указанного, следует, что политическая партия, пользуясь отсутствием реальных механизмов принудительной ликвидации в процедуре банкротства или реструктуризации долгов, может бесконечно уклоняться от исполнения судебных актов. Отсутствие механизма введения процедуры их несостоятельности ставит кредиторов в заведомо неравное положение. Рассмотренный пример подтверждает необходимость распространения законодательства о банкротстве на политические партии в части, касающейся исполнения ими имущественных обязательств, возникших в результате осуществления предпринимательской или иной приносящей доход деятельности, что обеспечит реальную защиту прав кредиторов и принцип равенства участников гражданского оборота.

Между тем, решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2025 г. по административному делу № АКПИ25-323 по административному исковому заявлению Министерства юстиции Российской Федерации произведена ликвидация Всероссийской политической партии «Гражданская инициатива», ее региональных отделений и иных структурных подразделений. Поводом для ликвидации стало неучастие политической партии в выборах в течении семи лет (пункт 6 статьи 41 Федерального закона «О политических партиях»). Однако ликвидация по таким основаниям (например, неучастие в выборах или недостаточность региональных отделений) не решает вопросов взаиморасчетов с контрагентами, которые остаются без защиты.

Так, определением Арбитражного суда города Москвы от 12 января 2026 г. по делу А40-277813/2025 производство по иску публичного

акционерного общества «Каршеринг Россия» к региональному отделению всероссийской политической партии «Гражданская инициатива» в Республике Северная Осетия – Алания о взыскании по договору задолженности по арендной плате прекращено в связи с решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.06.2025 по делу № АКПИ25-323, которым ликвидирована Всероссийская политическая партия «Гражданская инициатива», ее региональные отделения и иные структурные подразделения.

Заключение

Проведенное в рамках настоящего исследования комплексное теоретико-прикладное изучение правовой коллизии между запретом на признание политических партий несостоятельными (банкротами) и наделением их правом на осуществление предпринимательской деятельности позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Политические партии обладают двойственной правовой природой, сочетая публично-правовой статус института политической системы с гражданско-правовым статусом юридического лица – некоммерческой корпорации.

Установлено, что политические партии, являясь разновидностью общественных объединений, характеризуются совокупностью признаков, подтверждающих их корпоративную природу. Данные особенности, с одной стороны, подчеркивают особый публичный статус политических партий, а с другой – объективно требуют расширения на них общих принципов гражданско-правового регулирования, включая механизмы ответственности по обязательствам.

2. Выявлена и обоснована правовая коллизия между положениями статьи 65 Гражданского кодекса РФ, запрещающими банкротство политических партий, и положениями статьи 26, 31 Федерального закона «О политических партиях», разрешающими им осуществлять предпринимательскую деятельность, вступать в договорные отношения.

Указанная коллизия носит системный характер и проявляется в дисбалансе прав и обязанностей политических партий как участников гражданского оборота. С одной стороны, законодатель предо-

ставляет партиям права, присущие субъектам гражданского права (заключать договоры аренды). С другой стороны, в случае возникновения у партии существенной задолженности кредиторы лишены возможности инициировать процедуру банкротства и соразмерно удовлетворить свои требования, что нарушает принцип равенства участников гражданско-правовых отношений.

3. Судебная практика арбитражных судов подтверждает востребованность института банкротства со стороны кредиторов политических партий и одновременно демонстрирует невозможность его применения в силу прямого законодательного запрета.

Анализ правоприменительной практики выявил устойчивую тенденцию: кредиторы, несмотря на наличие запрета, инициируют дела о банкротстве политических партий и их региональных отделений.

4. Установлено, что отсутствие механизма банкротства политических партий приводит к невозможности реального исполнения судебных актов о взыскании задолженности, что создает для кредиторов заведомо неравные условия и позволяет политическим партиям уклоняться от исполнения имущественных обязательств.

5. Административная ликвидация политических партий по решению Верховного Суда РФ (ст. 41 Федерального закона «О политических партиях») не является эффективной альтернативой процедурам банкротства и не обеспечивает защиту прав кредиторов.

Анализ судебной практики показал, что основным способом прекращения деятельности политических партий, утративших признаки действующей организации, является принудительная ликвидация по искам Министерства юстиции РФ. Однако такая ликвидация осуществляется по публично-правовым основаниям (неучастие в выборах, недостаточность региональных отделений и др.) и не предусматривает механизма соразмерного удовлетворения требований кредиторов.

6. Обоснована необходимость внедрения специальных процедур урегулирования долгов политических партий, учитывающих их публично-правовую природу, особенности финансирования и институт субсидиарной ответственности центральной партии по долгам региональных отделений.

Исходя из установленных в ходе исследования зависимостей, предлагается исключение политических партий из перечня юридических лиц, не подлежащих банкротству (ст. 65 ГК РФ), с одновременным введением специальных правил их несостоятельности.

Опровержение довода о стабильности политической системы. Иммунитет от банкротства защищает не политическую систему, а саму партию от законных требований кредиторов, что противоречит принципам добросовестности и разумности в гражданском обороте. Стабильность не может обеспечиваться за счет предоставления необоснованных иммунитетов от гражданско-правовой ответственности.

Опровержение довода о риске устранения политических конкурентов. Выходом является введение специальных гарантий: повышенный порог требований для возбуждения дела (не менее 1 млн рублей), обязательное обеспечение судебных расходов заявителем, а также проверка судом признаков злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Процедура банкротства осуществляется под контролем суда и саморегулируемой организации арбитражных управляющих, что минимизирует риски злоупотреблений.

Опровержение довода об особом порядке финансирования. Законодатель уже использует дифференцированный подход к имуществу различных категорий должников (защита единственного жилья, сохранение социально значимых объектов). По аналогии, в отношении политических партий предлагается установить особый правовой режим имущества, при котором в конкурсную массу включается только имущество, приобретенное за счет внебюджетных средств.

Предлагаемые механизмы защиты бюджетных средств. Политическая партия обязана вести отдельные банковские счета для бюджетных и внебюджетных средств (закрепление в ст. 33 Федерального закона «О политических партиях»). Денежные средства на бюджетных счетах не включаются в конкурсную массу и обладают иммунитетом от взыскания (аналогично ст. 132 Закона о банкротстве).

Субсидиарная ответственность. Предлагается закрепить возможность применения процедур банкротства как к центральной партии, так и к ее региональным отделениям с учетом субсидиарной ответ-

ственности центральной партии по долгам региональных структур (ст. 31 Федерального закона «О политических партиях»), которая в отсутствие конкурсной процедуры практически не реализуется.

7. Гипотеза исследования нашла свое подтверждение: существующий законодательный запрет на банкротство политических партий действительно вступает в противоречие с их правом на осуществление предпринимательской деятельности, создавая дисбаланс между правами и обязанностями политических партий как участников гражданского оборота и нарушая принцип равенства всех субъектов гражданского права.

Установлено, что указанная правовая коллизия не может быть преодолена в рамках существующего механизма административной ликвидации политических партий, который не учитывает интересы кредиторов. Внедрение специальных процедур урегулирования долгов политических партий (в том числе ограниченного банкротства с защитой бюджетных средств) позволит обеспечить защиту прав кредиторов, сохранить целевое использование бюджетного финансирования и привести правовой статус политических партий в соответствие с принципами гражданского права, что подтверждает обоснованность выдвинутой гипотезы.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что проблема правовой коллизии между запретом банкротства политических партий и их участием в гражданском обороте требует законодательного разрешения. Предложенные направления совершенствования правового регулирования (исключение политических партий из перечня ст. 65 ГК РФ и разработка специальных процедур урегулирования долгов) создадут необходимый баланс между публично-правовой природой политических партий, необходимостью защиты прав кредиторов и обеспечением стабильности гражданского оборота.

Список литературы

1. Бернина, А. А. (2024). К вопросу об отсутствии политических партий в перечне лиц, которые могут быть признаны несостоятельными (банкротами). *Вопросы российской юстиции*, (29), 459–466. EDN: <https://elibrary.ru/KGSUSO>

2. Битиева, З. Р., Дзюбан, В. В., & Ярошенко, А. С. (2022). Правовой статус политических партий в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 12(4), 13–19. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-13-19>. EDN: <https://elibrary.ru/AVUWML>
3. Долгих, Ф. И. (2013). Ликвидация политических партий. *Юридический мир*, (6), 49–52. EDN: <https://elibrary.ru/QIYIOT>
4. Долгих, Ф. И. (2024). Поступления денежных средств политическим партиям России в 2023 г. *Избирательное законодательство и практика*, (4), 14–21. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2024-4-14-21>. EDN: <https://elibrary.ru/DVOZXL>
5. Зульфугарзаде, Т. Э., & Решетников, О. М. (2012). Особенности правосубъектности политической партии. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (12-1), 104–107. EDN: <https://elibrary.ru/PHEGRF>
6. Курочкин, А. В. (2022). Имущественные интересы российских политических партий в структуре права на занятие предпринимательской деятельностью. *Проблемы экономики и юридической практики*, 18(6), 19–22. EDN: <https://elibrary.ru/XDYLZU>
7. Курочкин, А. В. (2024). Влияние принципов правового регулирования партийных отношений на конституционализацию российских политических партий. *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*, (2), 51–67. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-65-2-3>. EDN: <https://elibrary.ru/BCIKTY>
8. Курочкин, А. В. (2024). Пределы правового регулирования российских политических партий. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 166(6), 42–56. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.42-56>. EDN: <https://elibrary.ru/PNYFUB>
9. Малиновская, Е. Г. (2021). Проблемы банкротства и ликвидации юридических лиц. В *Актуальные проблемы юридической науки и практики: VIII Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина С. Ф.: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2021 года* (с. 212–217). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия. EDN: <https://elibrary.ru/PWDYKO>
10. Мирзаева, А. А. (2021). Круг лиц, которые могут быть признаны несостоятельными, и принцип справедливости: некоторые вопросы соотношения. *Тенденции развития науки и образования*, (69-4), 69–72. <https://doi.org/10.18411/lj-01-2021-142>. EDN: <https://elibrary.ru/QMNFAH>
11. Палюлин, А. Ю. (2023). Правовой статус ликвидатора регионального отделения политической партии в Российской партийной системе. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*, (9), 145–147. <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2023.09.31>. EDN: <https://elibrary.ru/VYFGYR>

12. Палюлин, А. Ю., & Богатырев, В. В. (2025). Дуализм правового положения политических партий: от гражданского общества к государственному механизму. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*, (6), 160–163. <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2025.06.31>. EDN: <https://elibrary.ru/YRWRW>
13. Савченко, О. Г. (2010). О корпоративной сущности политических партий. *Юридический мир*, (12), 27–29. EDN: <https://elibrary.ru/NECXVL>
14. Савченко, О. Г. (2010). Правоспособность политических партий в сфере имущественных отношений. *Юрист*, (12), 60–63. EDN: <https://elibrary.ru/NDYOYL>
15. Савченко, О. Г. (2011). *Право собственности политических партий* (Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук). Владикавказ. EDN: <https://elibrary.ru/QFIEIN>
16. Тюменева, Н. В. (2018). Корпоративная природа политических партий. *Эпоха науки*, (15), 28–34. EDN: <https://elibrary.ru/YMQOLJ>
17. Фролов, И. В. (2021). Конфликт интересов в делах о банкротстве: значение, виды, функции и правовые последствия. *Вестник арбитражной практики*, (6), 3–11. EDN: <https://elibrary.ru/AXWASV>

References

1. Bernina, A. A. (2024). On the issue of the absence of political parties in the list of entities that may be declared insolvent (bankrupt). *Voprosy Rossiiskoi Yustitsii*, (29), 459–466. EDN: <https://elibrary.ru/KGSUSO>
2. Bitieva, Z. R., Dzyuban, V. V., & Yaroshenko, A. S. (2022). The legal status of political parties in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta*, 12(4), 13–19. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-13-19>. EDN: <https://elibrary.ru/AVUWML>
3. Dolgikh, F. I. (2013). Liquidation of political parties. *Yuridicheskiy Mir*, (6), 49–52. EDN: <https://elibrary.ru/QIYIOT>
4. Dolgikh, F. I. (2024). Inflows of funds to political parties in Russia in 2023. *Izbratel'noe Zakonodatel'stvo i Praktika*, (4), 14–21. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2024-4-14-21>. EDN: <https://elibrary.ru/DVOZXL>
5. Zulfugarzade, T. E., & Reshetnikov, O. M. (2012). Features of the legal personality of a political party. *Istoricheskie, Filosofskie, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kul'turologiya i Iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki*, (12-1), 104–107. EDN: <https://elibrary.ru/PHEGRF>
6. Kurochkin, A. V. (2022). Property interests of Russian political parties within the structure of the right to engage in entrepreneurial activity. *Problemy Ekonomiki i Yuridicheskoy Praktiki*, 18(6), 19–22. EDN: <https://elibrary.ru/XDYLZU>
7. Kurochkin, A. V. (2024). The impact of the principles of legal regulation of party relations on the constitutionalization of Russian political parties. *Vestnik Moskovskogo*

- Universiteta. Series 11: Law*, (2), 51–67. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-65-2-3>. EDN: <https://elibrary.ru/BCIKTY>
8. Kurochkin, A. V. (2024). Limits of legal regulation of Russian political parties. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Series: Humanities*, 166(6), 42–56. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.42-56>. EDN: <https://elibrary.ru/PNYFUB>
 9. Malinovskaya, E. G. (2021). Problems of bankruptcy and liquidation of legal entities. In *Aktual'nye Problemy Yuridicheskoy Nauki i Praktiki: The 8th Annual Scientific Readings Dedicated to the Memory of Honorary President of the St. Petersburg Law Academy, Professor S. F. Zybin: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 24, 2021* (pp. 212–217). St. Petersburg: St. Petersburg Law Academy. EDN: <https://elibrary.ru/PWDYKO>
 10. Mirzaeva, A. A. (2021). The range of entities that may be declared insolvent and the principle of justice: Some issues of correlation. *Tendentsii Razvitiya Nauki i Obozrovaniya*, (69-4), 69–72. <https://doi.org/10.18411/lj-01-2021-142>. EDN: <https://elibrary.ru/QMNFAH>
 11. Palyulin, A. Yu. (2023). The legal status of the liquidator of a regional branch of a political party in the Russian party system. *Sovremennaya Nauka: Aktual'nye Problemy Teorii i Praktiki. Series: Economics and Law*, (9), 145–147. <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2023.09.31>. EDN: <https://elibrary.ru/VYFGYR>
 12. Palyulin, A. Yu., & Bogatyrev, V. V. (2025). Dualism of the legal status of political parties: From civil society to the state mechanism. *Sovremennaya Nauka: Aktual'nye Problemy Teorii i Praktiki. Series: Economics and Law*, (6), 160–163. <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2025.06.31>. EDN: <https://elibrary.ru/YYRWRW>
 13. Savchenko, O. G. (2010). On the corporate nature of political parties. *Yuridicheskiy Mir*, (12), 27–29. EDN: <https://elibrary.ru/NECXVL>
 14. Savchenko, O. G. (2010). Legal capacity of political parties in the sphere of property relations. *Yurist*, (12), 60–63. EDN: <https://elibrary.ru/NDYOYL>
 15. Savchenko, O. G. (2011). *The right of ownership of political parties* (Doctoral dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences). Vladikavkaz. EDN: <https://elibrary.ru/QFIEIN>
 16. Tyumeneva, N. V. (2018). The corporate nature of political parties. *Epokha Nauki*, (15), 28–34. EDN: <https://elibrary.ru/YMQOLJ>
 17. Frolov, I. V. (2021). Conflict of interest in bankruptcy cases: Significance, types, functions, and legal consequences. *Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*, (6), 3–11. EDN: <https://elibrary.ru/AXWASV>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Клепикова Ольга Геннадьевна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент

*ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
ул. Семинарская, 15, г. Рязань, Рязанская область, 390000, Российская
Федерация
o.klepikova@rsu-rzn.ru*

Климова Анна Николаевна, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент
*ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
ул. Семинарская, 15, г. Рязань, Рязанская область, 390000, Российская
Федерация
a.klimova@rsu-rzn.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga G. Klepikova, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Candidate of Law, Associate Professor
*Ryazan State University named after S.A. Yesenin
15, Seminarskaya Str., Ryazan, Ryazan Oblast, 390000, Russian Federation
o.klepikova@rsu-rzn.ru*

Anna N. Klimova, Head of the Department of Civil Law Disciplines, Candidate of
Law, Associate Professor
*Ryazan State University named after S.A. Yesenin
15, Seminarskaya Str., Ryazan, Ryazan Oblast, 390000, Russian Federation
a.klimova@rsu-rzn.ru*

Поступила 21.03.2026
После рецензирования 25.04.2026
Принята 28.04.2026

Received 21.03.2026
Revised 25.04.2026
Accepted 28.04.2026

Частно-правовые науки / Private Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-2-262

EDN: XRRVYF

УДК 347.2

Правовое регулирование виртуальных активов

П.А. Шестаков*Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, Новосибирск, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Стремительное развитие цифровой индустрии и платформенной экономики обострило вопрос о гражданско-правовой квалификации внутриигровых предметов, игровых денежных единиц, аккаунтов и иных цифровых результатов, существующих в составе видеоигры как мультимедийного продукта. В научной литературе и в законопроектной практике для их обозначения по-прежнему используются термины «виртуальное имущество» и «игровое имущество», однако эти конструкции не обеспечивают необходимой юридической определенности.

Цель исследования состоит в выявлении применимости категории «имущество» к внутриигровым цифровым объектам, разграничении виртуальных объектов и виртуальных активов, а также в предложении более точного понятийного аппарата для доктринального и законопроектного описания соответствующих феноменов.

Материалы и методы. Исследование основано на системном толковании ст. 128 и 141.1 ГК РФ, положений Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, анализе проекта федерального закона № 795581-8, а также на изучении отечественной и зарубежной цивилистической литературы о цифровых правах, цифровом имуществе, виртуальной собственности и договорной архитектуре игровых платформ. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой и доктринальный методы.

Результаты. Обосновано, что не каждый виртуальный объект может рассматриваться как цифровое право либо как цифровой финансовый актив (ЦФА) в специальном смысле закона. Предлагается различать виртуальные объекты как родовую категорию и виртуальные активы как оборотоспособные внутриигровые цифровые объекты, обладающие устойчивой экономической ценностью вследствие правил платформы, пользовательского соглашения и организованной инфраструктуры вторичного оборота. Сформулированы критерии разграничения

оборотоспособных и необоротоспособных объектов и предложены уточнения законопроектной терминологии.

Ключевые слова: виртуальные активы; виртуальные объекты; игровое имущество; игровые активы; мультимедийный продукт; цифровые права; пользовательское соглашение; вторичный оборот

Для цитирования. Шестаков, П. А. (2026). Правовое регулирование виртуальных активов. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(2), 166-184. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-262>

Legal regulation of virtual assets

P.A. Shestakov

*Novosibirsk State University, Novosibirsk,
Russian Federation*

Abstract

Background. The rapid development of the digital industry and platform economy has intensified the issue of the civil law qualification of in-game items, in-game currencies, accounts, and other digital results existing within a video game as a multimedia product. In legal scholarship and draft-legislation practice, the terms “virtual property” and “game property” are still used to describe such phenomena; however, these constructs do not provide the degree of legal certainty required.

Purpose. The purpose of the study is to determine whether the category of “property” is applicable to in-game digital objects, to distinguish between virtual objects and virtual assets, and to propose a more precise conceptual framework for the doctrinal and legislative description of these phenomena.

Materials and methods. The study is based on a systemic interpretation of Articles 128 and 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, the provisions of Federal Law No. 259-FZ of 31 July 2020, an analysis of Draft Federal Law No. 795581-8, as well as a review of Russian and foreign civil law scholarship on digital rights, digital property, virtual property, and the contractual architecture of gaming platforms. The formal legal, comparative legal, and doctrinal methods were employed.

Results. It is substantiated that not every virtual object may be regarded as a digital right or as a digital financial asset in the special statutory sense. The article proposes distinguishing virtual objects as a generic category and virtual assets as transferable in-game digital objects possessing stable economic value due to platform rules, the user agreement, and the organized infrastructure of secondary circulation. Criteria are formulated for distinguishing transferable and non-transferable objects, and clarifications to draft-legislative terminology are proposed.

Keywords: virtual assets; virtual objects; game property; game assets; multimedia product; digital rights; user agreement; secondary circulation

For citation. Shestakov, P. A. (2026). Legal regulation of virtual assets. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(2), 166–184. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-2-262>

Введение

Цифровая экономика и индустрия видеоигр формируют устойчивые модели оборота внутриигровых предметов, которые, существуя в виде записей в информационной системе, фактически вовлекаются в сделки, обмен и денежную оценку. В отечественной цивилистике уже накоплен значительный материал о цифровых правах, цифровых активах и цифровом имуществе, однако вопрос о месте внутриигровых объектов в системе объектов гражданских прав по-прежнему остается дискуссионным [5, с. 16–30; 17, с. 86–95; 14, с. 7–29].

В условиях цифровизации термин «виртуальное имущество» продолжает широко использоваться как в повседневной лексике, так и в научных публикациях для обозначения внутриигровых предметов, аккаунтов, игровых денежных единиц и иных цифровых результатов, существующих внутри информационных систем. Однако сама распространенность этого термина не устраняет вопроса о его юридической корректности. Напротив, широкое и разнородное употребление слова «имущество» в отношении цифровых объектов показывает отсутствие единого квалификационного подхода [1, с. 69–90; 5, с. 16–30].

Для частноправового анализа принципиально важно, что видеоигра представляет собой мультимедийный продукт, то есть сложный объект, в составе которого соединяются программа для ЭВМ, графические, аудиовизуальные, текстовые и иные результаты интеллектуальной деятельности. Внутриигровой предмет существует не как вещь в классическом смысле, а как цифровая запись, учетная позиция или функциональный элемент информационной системы, доступ к которому определяется архитектурой платформы и пользовательским соглашением. Поэтому правовая проблема заключается не в отрицании экономической значимости таких объектов, а в правильной квалификации того, что именно получает пользователь

и какой правовой режим применим к соответствующему объекту [18, с. 13–21; 12, с. 11–17; 19, р. 453–461].

В научной литературе ранние подходы нередко строились вокруг категории «виртуальной собственности» или «виртуального имущества». Так, В.В. Архипов поставил вопрос о системных правовых проблемах виртуальных объектов в контексте индустрии компьютерных игр [1, с. 69–90]. В дальнейшем аналогичная терминология получила развитие в работах О.Н. Гороховой, В.И. Фатхи, С.Н. Тагаевой, Ю.С. Харитоновой, Л.В. Санниковой и других авторов [17, с. 86–95; 3, с. 378–392; 18, с. 13–21; 16, с. 113–121; 15, с. 11–16]. Вместе с тем сама постановка вопроса через категорию «имущество» не снимает, а, напротив, усиливает риск смешения вещно-правовых, обязательственных и интеллектуальных конструкций.

1. Терминологическая проблема «виртуального имущества»

Система объектов гражданских прав, закрепленная в ст. 128 ГК РФ, не сводит имущество исключительно к материальным вещам. Закон прямо называет вещи, иное имущество, включая имущественные права, результаты работ и оказание услуг, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, а также нематериальные блага [4]. Поэтому некорректно утверждать, что спор вокруг внутриигровых объектов разрешается уже одним тем, что слово «имущество» может употребляться широко. Напротив, именно широта этой категории и требует более точного ответа на вопрос, о каком именно объекте гражданских прав идет речь в каждом конкретном случае [6, с. 92–100].

В этом отношении представляют интерес работы Ю.С. Харитоновой и Л.В. Санниковой, в которых цифровые активы рассматриваются как новая экономически значимая группа объектов гражданского оборота [17, с. 86–95; 13, с. 27–34]. Данный подход ценен тем, что выводит дискуссию за пределы упрощенной модели «вещь – не вещь» и связывает юридическую квалификацию с оборотом, имущественным интересом и технологическим способом существования объекта. Однако и в рамках такого подхода требуется

сохранять доктринальную точность: не всякий цифровой объект, даже имеющий ценность для пользователя, автоматически должен именоваться активом.

О.Н. Горохова, анализируя «игровое имущество» как разновидность «виртуального имущества», справедливо обращает внимание на специфику игровой среды и на отличие подобных объектов от традиционных вещей [3, с. 378–392]. В.И. Фатхи подчеркивает нематериальность, привязку к конкретному виртуальному миру и производность правомочий пользователя от правил игры [16, с. 113–121]. С.Н. Тагаева, в свою очередь, ставит вопрос о допустимости признания виртуального игрового имущества объектом гражданских прав [15, с. 11–16]. Все указанные работы значимы для постановки проблемы, однако используемый в них терминологический аппарат нуждается в уточнении, поскольку слово «имущество» в таких случаях нередко начинает выполнять не квалифицирующую, а лишь описательную функцию.

Нематериальность цифрового объекта сама по себе не препятствует его правовому признанию, но она исключает механическое перенесение на него вещно-правового режима. Если внутриигровой предмет существует как запись в информационной системе, контролируемой разработчиком или оператором платформы, то правовая оценка должна учитывать не только наличие у пользователя экономического интереса, но и характер его юридической связи с объектом. Вещно-правовая модель не объясняет ни происхождение такого объекта, ни пределы распоряжения им, ни зависимость его существования от программного кода и платформенных правил [14, с. 7–29; 7, с. 67–76].

Неубедительным представляется и выделение в качестве самостоятельного признака неразрывной связи виртуального объекта с техническими средствами доступа – компьютером, смартфоном, игровой консолью и т.д. Технический способ доступа важен для фактического использования цифрового результата, но он не раскрывает его гражданско-правовую природу. Юридически значимым является не устройство как таковое, а договорная модель доступа, в

рамках которой пользователь идентифицируется посредством аккаунта и получает предусмотренный правилами объем возможностей. Аккаунт же в большинстве случаев следует понимать не как самостоятельный актив, а как инструмент договорной идентификации пользователя внутри платформы.

Наиболее проблемным является тезис о сочетании в одном виртуальном объекте «вещных» признаков имущества игрока и признаков объектов интеллектуальной собственности. В действительности речь идет не о смешанном объекте, а о наложении различных правовых слоев. Исключительные права на сам мультимедийный продукт, его код, графику, интерфейс и иные элементы принадлежат правообладателю. Пользователь же получает лишь тот объем возможностей, который прямо допускается договором и архитектурой платформы. Поэтому более точным является не язык «смешения» вещного и интеллектуального, а язык разграничения: правообладатель сохраняет исключительное право на составные элементы мультимедийного продукта, тогда как пользователь может иметь обязательно опосредованный имущественный интерес к определенному внутриигровому объекту [8, с. 3–12; 12, с. 11–17; 2, с. 16–23].

Дополнительную сложность создает различие между терминологией «цифровые права», «цифровые активы», «цифровые финансовые активы» и «виртуальные объекты». Современная российская доктрина уже обращала внимание на то, что цифровые права в смысле ст. 141.1 ГК РФ не могут без остатка отождествляться со всеми цифровыми феноменами имущественного значения [7, с. 67–76; 2, с. 16–23]. Следовательно, использование неопределенного зонтичного термина «виртуальное имущество» без специальной оговорки лишь маскирует, а не решает проблему квалификации.

2. Виртуальные объекты в системе объектов гражданских прав

Для целей настоящей статьи представляется целесообразным разграничивать две категории. Первая – «виртуальный объект» как родовое обозначение любого цифрового результата, существующего внутри информационной системы игры или иной платформы. Вто-

рая – «виртуальный актив» как более узкая категория, охватывающая лишь те виртуальные объекты, которые обладают устойчивой экономической ценностью и участвуют в обороте на условиях, допускаемых платформой. Такое разграничение позволяет избежать как чрезмерного расширения понятия имущества, так и неоправданного сужения дискуссии только до вопросов исключительных прав.

Статья 141.1 ГК РФ закрепляет цифровые права как особый объект гражданских прав, но одновременно прямо связывает их существование с законом, определяющим содержание и условия осуществления соответствующего права в информационной системе [4]. Это означает, что не всякая цифровая запись и не всякий виртуальный объект являются цифровым правом в легальном смысле. Данная мысль последовательно проводится и в современных работах о цифровых правах, где подчеркивается специальный, а не универсальный характер конструкции ст. 141.1 ГК РФ [7, с. 67–76; 2, с. 16–23].

Аналогичным образом нельзя автоматически распространять на внутриигровые предметы и режим Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Указанный закон регулирует специальные виды цифровых прав и цифровой валюты, а не любые результаты, существующие в цифровой среде [10]. Следовательно, внутриигровой предмет, скин, игровой токен или косметический объект не становятся цифровым финансовым активом лишь потому, что они существуют в электронной форме и обладают рыночной ценой.

Правильнее говорить о нескольких взаимосвязанных юридических уровнях. На первом уровне находится исключительное право правообладателя на мультимедийный продукт и входящие в его состав результаты интеллектуальной деятельности. На втором уровне – пользовательский договор, лицензионное соглашение и правила платформы, определяющие, какие действия с внутриигровым объектом допускаются, а какие запрещаются. На третьем уровне – экономически значимый результат фактического оборота, который может формироваться как внутри организованного плат-

формой рынка, так и на внешних площадках. Именно смешение этих уровней и порождает иллюзию того, что пользователь владеет «вещью» в классическом смысле, хотя в действительности речь чаще идет о договорно опосредованном имущественном интересе [18, с. 13–21; 14, с. 7–29; 19, р. 453–461].

В зарубежной литературе также не выработано единого подхода. J.A.T. Fairfield исходит из того, что часть виртуальных объектов обладает свойствами, сближающими их с традиционными объектами собственности [20, р. 1047–1102]. R. Kennedy акцентирует внимание на том, что интересы игроков к онлайн-объектам и персонажам не укладываются полностью в рамки авторского права и договорных запретов [21, р. 95–106]. Сходную property-oriented линию развивают F.G. Lastowka и D. Hunter, показывающие, что виртуальные миры формируют самостоятельные нормативные и имущественные конфликты, требующие правовой реакции [22]. T.J. Westbrook, в свою очередь, связывает проблематику виртуальных благ с поиском места для ограниченной правовой защиты интересов пользователя в условиях договорного доминирования разработчика [23]. Напротив, S. Corbett показывает, насколько велика роль EULA и насколько именно договорная архитектура может сужать и перераспределять пользовательские возможности в цифровой среде [19, р. 453–461]. Для российского частного права наибольшую объяснительную силу имеет комбинированный подход: необходимо признавать экономическую значимость определенных виртуальных объектов, но при этом не игнорировать их производность от платформенного и договорного режима.

3. Виртуальные активы в составе мультимедийного продукта

С учетом изложенного использование термина «виртуальные активы» представляется оправданным не как абсолютная замена любому «виртуальному имуществу», а как обозначение специальной группы цифровых объектов, имеющих оборотоспособный характер. В рамках настоящей статьи под виртуальными активами предлагается понимать оборотоспособные внутриигровые цифровые объекты, обладающие устойчивой экономической ценностью

вследствие правил платформы, пользовательского соглашения и существования организованной инфраструктуры вторичного оборота. Такой подход позволяет сохранить доктринальную точность: не всякий виртуальный объект является активом, но всякий виртуальный актив остается виртуальным объектом.

Применительно к игровой индустрии особенно показательно, что стоимость подобных объектов формируется не природой самого цифрового результата, а архитектурой его обращения. Там, где разработчик или оператор платформы допускает отчуждение объекта, задает его редкость, фиксирует историю сделок, поддерживает внутренний рынок и взимает комиссию, у пользователя возникает уже не только интерес к использованию игрового контента, но и рациональное ожидание экономической ценности результата. Иными словами, в таких случаях платформа организует не просто потребление цифрового контента, а обращение цифровой ценности.

Именно поэтому существование специализированных торговых площадок имеет не только фактическое, но и правовое значение. На внешних и внутренних маркетплейсах виртуальные объекты приобретаются и отчуждаются за денежные средства, что подтверждает их участие в обороте и наличие рыночной оценки (см. рис. 1-3). В этой части корректнее говорить не о «вещи» игрока, а о цифровом объекте, в отношении которого платформа допускает уступку определенного объема правомочий либо организует функционально сходный механизм обращения [13, с. 27–34; 18, с. 13–21].

Внутри категории виртуальных объектов необходимо разграничивать по меньшей мере две группы. К первой относятся оборотоспособные объекты: скины, кейсы, косметические предметы и иные элементы, в отношении которых платформа либо прямо допускает вторичный оборот, либо фактически создает для него устойчивую инфраструктуру. Такие объекты могут иметь рыночную цену, участвовать в повторных сделках и использоваться пользователями как средство экономически значимого обмена. Ко второй группе относятся необоротоспособные, персонализированные либо жестко привязанные к аккаунту результаты игрового процесса – награды,

достижения, титулы, уникальные сюжетные предметы, элементы прогресса персонажа. Они могут обладать субъективной ценностью для пользователя, однако отсутствие допуска к обороту не позволяет квалифицировать их как активы в узком смысле.

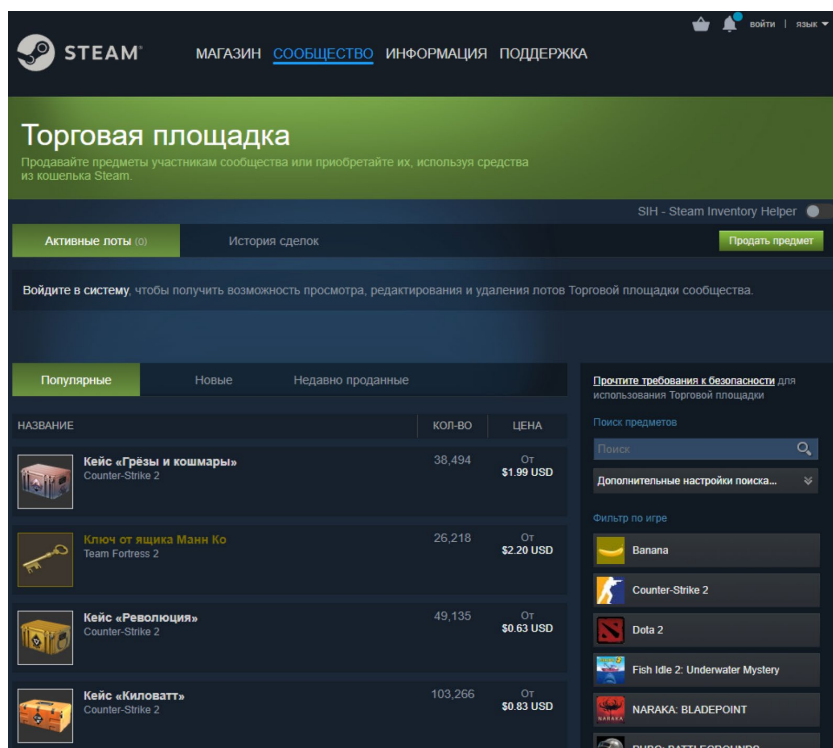

Рис. 1. Интерфейс внутренней торговой площадки Steam Community Market, демонстрирующий листинг внутриигровых предметов, количество доступных лотов и стартовые цены.

Fig. 1. The Steam Community Market interface, showing listings of in-game items, the number of available lots, and starting prices.

Предлагаемое разграничение имеет не терминологическое, а практическое значение. Если объект участвует в обороте, его правовой режим неизбежно затрагивает вопросы передачи, ограничения распоряжения, ответственности платформы за блокировку или утрату доступа, прав потребителя и в перспективе – наследования

или включения в конкурсную массу. Если же объект является необоротоспособным и существует лишь в пределах игрового процесса, то правовая оценка концентрируется прежде всего на надлежащем исполнении договора доступа к сервису и на допустимых границах изменения правил платформой. Универсальная категория «игровое имущество» этого различия не отражает.

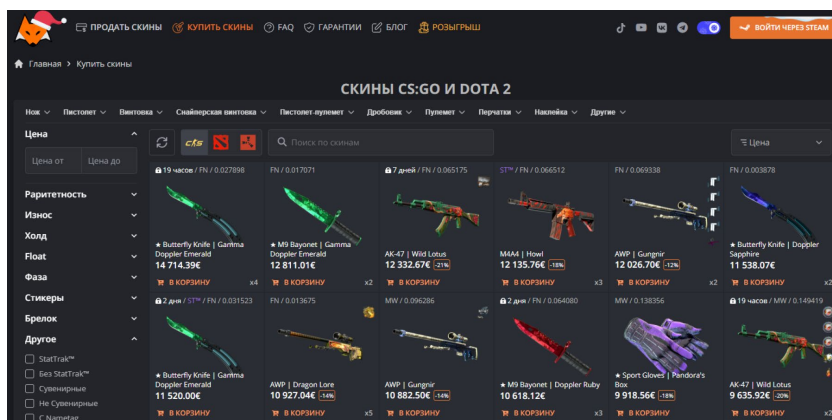

Рис. 2. Интерфейс внешней торговой площадки lis-skins.com, демонстрирующий предложения о продаже скинов, фильтры поиска, сортировку и ценовые параметры.

Fig. 2. The interface of the external marketplace lis-skins.com, showing skin listings, search filters, sorting options, and price settings.

Рис. 3. График изменения медианной цены «Operation Hydra Case» на торговой площадке Steam; по оси X указан период наблюдения, по оси Y – цена в долларах США.

Fig. 3. Graph showing changes in the median price of “Operation Hydra Case” on the Steam marketplace; the X-axis shows the observation period, and the Y-axis shows the price in U.S. dollars.

Таким образом, использование категории «виртуальные активы» оправдано постольку, поскольку она служит обозначением оборотоспособной части виртуальной среды. Для остальных цифровых результатов более точным остается термин «виртуальные объекты» или «внутриигровые цифровые объекты». Такая терминологическая схема позволяет согласовать экономическую реальность вторичного оборота с доктринальными рамками гражданского права и не подменять научный анализ публицистическим языком рынка.

4. Оценка законопроектной терминологии

На момент написания настоящей статьи в Государственной Думе находится проект федерального закона № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» [9]. Законопроект важен уже потому, что он фиксирует попытку законодательного описания соответствующей сферы и одновременно демонстрирует, насколько терминологически сложным остается вопрос о гражданско-правовой природе внутриигровых объектов. В проекте используется термин «игровое имущество», под которым понимается совокупность электронных данных, содержащихся в видеоигре и используемых для обозначения виртуальных предметов, персонажей, их свойств, характеристик либо внутриигровых средств обмена [9].

Данная формула вызывает ряд возражений. Во-первых, она смешивает электронные данные как техническую форму существования объекта и сам юридически значимый интерес, возникающий у пользователя по поводу соответствующего результата. Во-вторых, она объединяет в одну категорию принципиально различные объекты – персонажей, атрибуты, свойства, средства обмена, персонализированные достижения и оборотоспособные цифровые предметы. В-третьих, употребление слова «имущество» создает впечатление, будто законодатель уже определил вещную либо общую имущественную природу таких объектов, хотя на самом деле правовой режим соответствующих отношений остается производным от исключительных прав правообладателя, пользо-

вательского договора и архитектуры платформы [14, с. 7–29; 2, с. 16–23; 11, с. 62–69].

Представляется, что законопроектная терминология может быть уточнена двумя способами. Первый вариант – сохранить в качестве родовой категории нейтральное понятие «внутриигровой цифровой объект», а внутри него разграничить оборотоспособные и необоротоспособные объекты. Второй вариант – использовать термин «игровой актив» только для тех объектов, которые допускают обращение и обладают устойчивой экономической ценностью. В обоих случаях законодатель получит более точный понятийный аппарат, чем при использовании универсальной конструкции «игровое имущество».

Кроме того, в законопроекте целесообразно прямо указать, что права пользователя на соответствующий объект определяются договором с разработчиком или распространителем видеоигры, правилами платформы и иными условиями доступа к сервису, если иное не предусмотрено законом. Такая оговорка необходима для того, чтобы избежать ложного впечатления о существовании у пользователя абсолютного вещного права на любой цифровой результат, отображаемый в интерфейсе игры.

Еще одно необходимое уточнение касается соотношения игровых объектов с цифровыми правами и цифровыми финансовыми активами. Из текста закона желательно ясно усмотреть, что внутриигровой объект не является цифровым правом в смысле ст. 141.1 ГК РФ и не подпадает под режим Федерального закона № 259-ФЗ, если только федеральный закон прямо не установит иное. В противном случае терминологическое сближение «игрового имущества» с иными цифровыми категориями будет порождать дополнительные коллизии в правоприменении.

Наконец, для оборотоспособных игровых активов представляется оправданным закрепление минимальных требований к прозрачности правил оборота. Если платформа допускает вторичный рынок, устанавливает комиссии, ограничения на вывод, блокировку или передачу соответствующих объектов, такие условия должны раскрываться пользователю ясно и недвусмысленно. В противном

случае имущественный интерес пользователя формируется в среде, где экономическая ценность объекта поддерживается самой платформой, но пределы ее сохранения и обращения остаются полностью зависимыми от односторонне изменяемых правил.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что термин «виртуальное имущество», несмотря на его широкое распространение в научной и практической лексике, не обеспечивает необходимой точности для целей гражданско-правовой квалификации. Его использование нередко скрывает принципиальные различия между цифровой записью в информационной системе, имущественным интересом пользователя, объемом договорно предоставленных ему возможностей и исключительным правом правообладателя на мультимедийный продукт. Вследствие этого сама постановка вопроса через категорию «имущества» не всегда способствует прояснению правовой природы соответствующих объектов, а, напротив, способна усиливать неопределенность.

В ходе анализа установлено, что не каждый виртуальный объект может быть квалифицирован как цифровое право либо как цифровой финансовый актив в смысле действующего законодательства. Специальные конструкции статьи 141.1 ГК РФ и Федерального закона № 259-ФЗ не подлежат автоматическому распространению на внутриигровые предметы, аккаунты, средства обмена и иные цифровые результаты, существующие внутри платформенной инфраструктуры. Такой подход представляется особенно важным, поскольку позволяет избежать смешения различных правовых режимов и сохранить системность гражданско-правового регулирования.

Представляется обоснованным использование двухуровневой схемы, в рамках которой «виртуальные объекты» выступают как родовая категория, а «виртуальные активы» – как ее оборотоспособная часть. Именно такое разграничение позволяет учитывать, что не всякий цифровой результат, существующий в составе видеоигры или иной информационной системы, обладает признаками актива

в юридически значимом смысле. Существенное значение при этом приобретают такие критерии, как допустимость оборота, наличие организованного рынка, устойчивость цены и возможность уступки соответствующего объема правомочий в пределах, определяемых платформой. Предлагаемый подход позволяет точнее разграничить объекты, имеющие реальную экономическую функцию, и объекты, значимые лишь в пределах игрового процесса.

Отдельного внимания заслуживает проект федерального закона № 795581-8, который демонстрирует, что проблема терминологической и доктринальной определенности сохраняется и на уровне законодательных инициатив. Использование в нем категории «игровое имущество» в ее текущем виде не устраняет, а во многом сохраняет существующую неопределенность. Более точное регулирование возможно либо через нейтральное понятие внутриигрового цифрового объекта, либо через разграничение игровых активов и необоротоспособных внутриигровых результатов. Такой подход позволил бы законодательно закрепить более точную модель правового описания соответствующих отношений и избежать излишнего переноса вещно-правовой терминологии в цифровую среду.

Дальнейшее развитие правового регулирования в данной сфере должно идти не по пути формального распространения традиционных категорий на новые цифровые феномены, а по пути точной квалификации тех имущественных интересов, которые возникают в составе мультимедийного продукта и поддерживаются платформенной инфраструктурой оборота. Именно такой подход позволяет, с одной стороны, сохранить внутреннюю логику и системность гражданского права, а с другой – адекватно отразить экономическую и технологическую реальность современной цифровой индустрии. Вместе с тем рассматриваемая проблематика по-прежнему требует дальнейшей доктринальной разработки, поскольку вопросы правовой природы внутриигровых объектов, пределов договорного усмотрения платформ и особенностей оборота виртуальных активов еще не получили в науке окончательного и единообразного разрешения.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Архипов, В. В. (2014). Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр. *Закон*, (9), 69–90. EDN: <https://elibrary.ru/SXWXAX>
2. Волос, А. А. (2024). Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. *Банковское право*, (3), 16–23. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2024-3-16-23>. EDN: <https://elibrary.ru/QICTIJ>
3. Горохова, О. Н. (2019). «Игровое имущество» как разновидность «виртуального имущества». В М. А. Рожкова (отв. ред.), *E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование)* (с. 378–392). Статут.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. (1994). *Собрание законодательства Российской Федерации*, (32), ст. 3301.
5. Гузнов, А. Г., Михеева, Л. Ю., Новоселова, Л. А., и др. (2018). Цифровые активы в системе объектов гражданских прав. *Закон*, (5), 16–30. EDN: <https://elibrary.ru/XNGENZ>
6. Кресс, В. В. (2024). Понятие имущества как гражданско-правовой категории. *Экономика. Право. Общество*, 9(2), 92–100. <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2024-2-92-100>. EDN: <https://elibrary.ru/PCEBCI>
7. Кресс, В. В. (2022). Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота. *Журнал российского права*, 26(4), 67–76. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.041>. EDN: <https://elibrary.ru/PSMFFB>
8. Новоселова, Л. А., & Полежаев, О. А. (2019). Цифровые знаки как объекты гражданских прав. *Предпринимательское право*, (4), 3–12. EDN: <https://elibrary.ru/OWZKNA>
9. О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации: проект федерального закона № 795581-8. (2024). *Система обеспечения законодательной деятельности*. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8>
10. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. (2020). *Официальный интернет-портал правовой информации*. <http://publication.pravo.gov.ru>

11. Петраков, Н. А. (2024). Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав. *Гражданин и право*, 1(47), 62–69. EDN: <https://elibrary.ru/ZQPOGQ>
12. Полежаев, О. А. (2023). NFT-активы в системе объектов гражданских прав: постановка проблемы. *Журнал Суда по интеллектуальным правам*, 4(42), 11–17.
13. Санникова, Л. В., & Харитонова, Ю. С. (2018). Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота. *Право и экономика*, (4), 27–34. EDN: <https://elibrary.ru/XPUPYT>
14. Суханов, Е. А. (2021). О гражданско-правовой природе «цифрового имущества». *Вестник гражданского права*, 21(6), 7–29. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29>. EDN: <https://elibrary.ru/DPVLYS>
15. Тагаева, С. Н. (2023). Виртуальное игровое имущество — объект гражданских прав? *Юрист*, (9), 11–16. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-9-11-16>. EDN: <https://elibrary.ru/HRHCXW>
16. Фатхи, В. И. (2022). Правовой статус виртуального игрового имущества в контексте гражданско-правового регулирования. *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*, 9(4), 113–121. <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-4-15>. EDN: <https://elibrary.ru/OBOWNY>
17. Харитонова, Ю. С., & Санникова, Л. В. (2018). Правовая сущность новых цифровых активов. *Закон*, (9), 86–95. EDN: <https://elibrary.ru/YMRVZJ>
18. Харитонова, Ю. С., & Санникова, Л. В. (2020). Виртуальное игровое имущество как цифровой актив в предпринимательском обороте. *Хозяйство и право*, (1), 13–21. EDN: <https://elibrary.ru/QXBERB>
19. Corbett, S. (2019). Computer game licences: The EULA and its discontents. *Computer Law & Security Review*, 35(4), 453–461. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.03.007>
20. Fairfield, J. A. T. (2005). Virtual property. *Boston University Law Review*, 85(4), 1047–1102. <https://www.bu.edu/law/journals-archive/bulr/volume85n4/FAIRFIELD.pdf>
21. Kennedy, R. (2008). Virtual rights? Property in online game objects and characters. *Information & Communications Technology Law*, 17(2), 95–106. <https://doi.org/10.1080/13600830802204195>
22. Lastowka, F. G., & Hunter, D. (2004). The laws of the virtual worlds. *California Law Review*, 92(1), 1–74. <https://doi.org/10.2139/ssrn.402860>. EDN: <https://elibrary.ru/GJRIVD>
23. Westbrook, T. J. (2006). Owned: Finding a place for virtual world property rights. *Michigan State Law Review*, (3), 779–812.

References

1. Arkhipov, V. V. (2014). Virtual property: systemic legal problems in the context of the development of the computer games industry. *Закон*, (9), 69–90. EDN: <https://elibrary.ru/SXWXAX>

2. Volos, A. A. (2024). Digital rights: some problems of interpreting the rules of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Bankovskoe Pravo*, (3), 16–23. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2024-3-16-23>. EDN: <https://elibrary.ru/QICTIJ>
3. Gorokhova, O. N. (2019). “Game property” as a type of “virtual property”. In M. A. Rozhkova (Ed.), *E-commerce and related areas (legal regulation)* (pp. 378–392). Statut.
4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ. (1994). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, (32), Art. 3301.
5. Guznov, A. G., Mikheeva, L. Yu., Novoselova, L. A., et al. (2018). Digital assets in the system of objects of civil rights. *Zakon*, (5), 16–30. EDN: <https://elibrary.ru/XNGEHZ>
6. Kress, V. V. (2024). The concept of property as a civil law category. *Economics. Law. Society*, 9(2), 92–100. <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2024-2-92-100>. EDN: <https://elibrary.ru/PCEBCI>
7. Kress, V. V. (2022). Digital rights as objects of civil rights: legal regulation and development prospects in the context of digitalization of civil transactions. *Journal of Russian Law*, 26(4), 67–76. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.041>. EDN: <https://elibrary.ru/PSMFFB>
8. Novoselova, L. A., & Polezhaev, O. A. (2019). Digital tokens as objects of civil rights. *Entrepreneurial Law*, (4), 3–12. EDN: <https://elibrary.ru/OWZKHA>
9. On the activities related to the development and distribution of video games in the Russian Federation: draft federal law No. 795581-8. (2024). *Legislative Support System*. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8>
10. On digital financial assets, digital currency, and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law dated July 31, 2020, No. 259-FZ. (2020). *Official Internet Portal of Legal Information*. <http://publication.pravo.gov.ru>
11. Petrakov, N. A. (2024). The concept of digital property as an object of civil rights. *Tsivilist*, 1(47), 62–69. EDN: <https://elibrary.ru/ZQPOGQ>
12. Polezhaev, O. A. (2023). NFT assets in the system of objects of civil rights: problem statement. *Journal of the Intellectual Property Rights Court*, 4(42), 11–17.
13. Sannikova, L. V., & Kharitonova, Yu. S. (2018). Digital assets as objects of entrepreneurial turnover. *Law and Economics*, (4), 27–34. EDN: <https://elibrary.ru/XPUPYT>
14. Sukhanov, E. A. (2021). On the civil-law nature of “digital property”. *Civil Law Review*, 21(6), 7–29. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29>. EDN: <https://elibrary.ru/DPVLYS>
15. Tagaeva, S. N. (2023). Is virtual game property an object of civil rights? *Yurist*, (9), 11–16. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-9-11-16>. EDN: <https://elibrary.ru/HRHCXW>
16. Fathi, V. I. (2022). The legal status of virtual game property in the context of civil law regulation. *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, 9(4),

- 113–121. <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-4-15>. EDN: <https://elibrary.ru/OBOWNY>
17. Kharitonova, Yu. S., & Sannikova, L. V. (2018). The legal nature of new digital assets. *Zakon*, (9), 86–95. EDN: <https://elibrary.ru/YMRVZJ>
 18. Kharitonova, Yu. S., & Sannikova, L. V. (2020). Virtual game property as a digital asset in entrepreneurial turnover. *Economy and Law*, (1), 13–21. EDN: <https://elibrary.ru/QXBERB>
 19. Corbett, S. (2019). Computer game licences: The EULA and its discontents. *Computer Law & Security Review*, 35(4), 453–461. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.03.007>
 20. Fairfield, J. A. T. (2005). Virtual property. *Boston University Law Review*, 85(4), 1047–1102. <https://www.bu.edu/law/journals-archive/bulr/volume85n4/FAIRFIELD.pdf>
 21. Kennedy, R. (2008). Virtual rights? Property in online game objects and characters. *Information & Communications Technology Law*, 17(2), 95–106. <https://doi.org/10.1080/13600830802204195>
 22. Lastowka, F. G., & Hunter, D. (2004). The laws of the virtual worlds. *California Law Review*, 92(1), 1–74. <https://doi.org/10.2139/ssrn.402860>. EDN: <https://elibrary.ru/GJRIVD>
 23. Westbrook, T. J. (2006). Owned: Finding a place for virtual world property rights. *Michigan State Law Review*, (3), 779–812.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шестаков Павел Андреевич, аспирант Института философии и права

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

пр-кт Академика Лаврентьева, 1, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация

kempravo@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pavel A. Shestakov, Postgraduate Student, Institute of Philosophy and Law

Novosibirsk State University

1, Akademik Lavrentev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

kempravo@gmail.com

SPIN-code: 8637-1793

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9337-3668>

ResearcherID: PWG-5011-2026

Поступила 13.04.2026

После рецензирования 11.05.2026

Принята 15.05.2026

Received 13.04.2026

Revised 11.05.2026

Accepted 15.05.2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<https://lpjournal.ru>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области юриспруденции и политологии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	15–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания
ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ	

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.

2. Материалы и методы.

3. Результаты и обсуждение.

4. Заключение.

5. Информация о конфликте интересов.

6. Информация о спонсорстве.

7. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по формату APA

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(<https://lpjournal.ru>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field jurisprudence and political science, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	15–24 pages A4 format, including tables, figures, references.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Materials and methods.

3. Results of the research and Discussion.

4. Conclusion.

5. Conflict of interest information.

6. Sponsorship information.

7. Acknowledgments.

References

References text type should be APA Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ТАМОЖЕННЫЕ СПОРЫ ОБ ОТНЕСЕНИИ ТОВАРОВ К
ПОДАКЦИЗНЫМ И ИСЧИСЛЕНИИ АКЦИЗА: АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ
КАТЕГОРИЙ ДЕЛ ПО СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ 2023-2025 ГГ.

Н.С. Гордилов 4

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ОХОТЫ

С.В. Иванова, С.В. Рыбак 24

КРЕПКАЯ СЕМЬЯ КАК ТРАДИЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

А.В. Карева 40

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В РАМКАХ КОНСТИТУЦИОННОГО
ПРАВА В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (1953-1982)

**В.А. Воронин, Д.М. Воронина, А.А. Касаткина,
М.Б. Макарова, Н.Н. Шанихина** 74

ЗАЩИТА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОЛНОМОЧИЙ

Л.Л. Еремейкина, О.Л. Казанцева 92

ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ
В ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ
ГАРАНТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

К.Г. Соколовский 110

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УК РСФСР В РЕДАКЦИИ 1926 ГОДА:
СИСТЕМА СОСТАВОВ И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

**В.А. Воронин, Д.М. Воронина, А.А. Касаткина,
М.Б. Макарова, С.Н. Синегубов** 130

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ПРАВОВАЯ КОЛЛИЗИЯ ЗАПРЕТА БАНКРОТСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ЗАЩИТА ПРАВ КРЕДИТОРОВ: ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ О.Г. Клепикова, А.Н. Климова	146
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ П.А. Шестаков	166
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	185

CONTENTS

PUBLIC LAW SCIENCES

CUSTOMS DISPUTES ON THE CLASSIFICATION OF GOODS AS EXCISABLE AND THE CALCULATION OF EXCISE TAX: AN ANALYSIS OF KEY CATEGORIES OF CASES IN JUDICIAL PRACTICE FROM 2023 TO 2025 N.S. Gorodilov	4
LEGAL ISSUES AND MECHANISMS FOR IMPROVING STRATEGIC PLANNING IN THE FIELD OF HUNTING S.V. Ivanova, S.V. Rybak	24
A STRONG FAMILY AS A TRADITIONAL VALUE OF THE RUSSIAN STATE: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT A.V. Kareva	40
EDUCATION AND SCIENCE IN THE CONSTITUTIONAL LAW OF THE USSR IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY (1953-1982) V.A. Voronin, D.M. Voronina, A.A. Kasatkina, M.B. Makarova, N.N. Shanikhina	74
PROTECTION OF TRADITIONAL VALUES BY LOCAL GOVERNMENTS IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF POWERS L.L. Ereneykina, O.L. Kazantseva	92
LIMITS ON THE EXERCISE OF THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE IN LABOR RELATIONS: CONSTITUTIONAL GUARANTEES AND INTERNATIONAL EXPERIENCE K.G. Sokolovskiy	110
CRIMINAL LIABILITY FOR COUNTER-REVOLUTIONARY CRIMES UNDER THE RSFSR CRIMINAL CODE OF 1926: SYSTEM OF ELEMENTS AND FEATURES OF QUALIFICATION V.A. Voronin, D.M. Voronina, A.A. Kasatkina, M.B. Makarova, S.N. Sinigubov	130

PRIVATE LAW SCIENCES

THE LEGAL CONFLICT BETWEEN THE PROHIBITION
OF BANKRUPTCY OF POLITICAL PARTIES AND THE PROTECTION
OF CREDITORS' RIGHTS: SEARCH FOR ALTERNATIVE
MECHANISMS

O.G. Klepikova, A.N. Klimova 146

LEGAL REGULATION OF VIRTUAL ASSETS

P.A. Shestakov 166

RULES FOR AUTHORS 185

